

**Стенограмма международной научно-практической конференции
«Медийное законодательство в эпоху пандемии»
21 декабря 2020 г. Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ**

Михаил Федотов:

Доброе утро, коллеги. Мы начинаем нашу традиционную онлайн-конференцию, которая в этом году посвящена теме «Медийное законодательство в эпоху пандемии».

Вы понимаете, почему именно так мы спрофилировали нашу традиционную предновогоднюю научно-практическую конференцию, которая проводится каждый год, вот уже 29 лет, и приурочена к очередной годовщине принятия закона Российской Федерации о средствах массовой информации.

Сегодняшняя конференция вызвала очень большой интерес: у нас зарегистрировались почти 150 участников.

Правда, возникают некоторые технические трудности, не все могут зайти, поскольку зайти могут только авторизованные участники. Мы сейчас пытаемся это решить, но, тем не менее, конференция начинается.

Я как модератор конференции предоставляю слово декану факультета права университета Высшей школы экономики, доктору юридических наук, профессору Виноградову Вадиму Александровичу.

Вадим Виноградов:

Спасибо большое, Михаил Александрович. Уважаемые коллеги, добрый день!

Прежде всего, позвольте от имени факультета права и всего университета Высшей школы экономики поприветствовать всех участников конференции.

Действительно, очень интересная тема: законодательное регулирование массовых коммуникаций в эпоху пандемии, которая стала главным бедствием, без преувеличения, планетарного масштаба в уходящем году. Будем надеяться, что новый 2021 год станет не только годом всеобщей вакцинации от коронавируса, но и годом быстрого восстановления наших привычных условий жизни и работы, в том числе в образовании и науке.

Конечно, с одной стороны, пандемия способствовала резкому развитию и широкому распространению цифровых технологий, в том числе сфере нашего научного общения. Но, с другой стороны, все мы уже скучаем по не менее продуктивным личным оффлайн-дискуссиям, в том числе за чашкой кофе, когда в непосредственном обмене мнениями, знаниями и опытом

формируются новые доктрины и складываются современные исследовательские проекты и инициатива.

Касаясь сегодняшней онлайн-конференции, хочу подчеркнуть, что она продолжает почти 30 летнюю традицию предновогодних научно-практических конференций, приуроченных к очередной годовщине принятия закона о средствах массовой информации и как бы подводящих итог развитию медийного законодательства в уходящем году.

Отрадно, что в сегодняшней конференции принимают участие как авторы этого закона – Юрий Михайлович Батурин, Михаил Александрович Федотов и Владимир Львович Энтин, так и руководители профильных парламентских комитетов, призванных развивать дальше наше отечественное законодательство о СМИ – это Алексей Константинович Пушкин и Александр Евсеевич Хинштейн. Уже одно это гарантирует нам, как мне кажется, интересную полемику, без которой невозможно представить себе обсуждение вопросов информационной политики и ее законодательного обеспечения.

А поскольку речь неминуемо пойдет не только о законодательстве, но и об информационной политике, то совершенно естественным является участие в нашей конференции не только юристов, но и специалистов области массовой коммуникации, в том числе из-за рубежа. Наша сегодняшняя конференция, как вы знаете, организована международным научно-образовательным центром кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, который был создан в Высшей школе экономики в этом году, в октябре, и уже стал за два месяца успешным проектом, нарастил обширный международный контакт.

Наглядное тому свидетельство – это программа нашей конференции, в которой участвуют представители ЮНЕСКО, ОБСЕ, исследователи из других стран, например, из Гонконга, США, Финляндии, Узбекистана и Белоруссии, Италии. Уверен, наши коллеги из других стран и международных организаций привнесут свой личный опыт, который может быть востребован российским законодателем. Тем более что современная массовая коммуникация носит трансграничный характер, а следовательно, и правовое регулирование требует международного сотрудничества.

Коллеги, желаю всем участникам конференции интересных плодотворных дискуссий. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо, Вадим Александрович.

Я сейчас предоставляю слово коллеге Вадима Александровича, это декан факультета коммуникации, медиа и дизайна Национального

исследовательского университета Высшая школа экономики, профессору Андрею Георгиевичу Быстрицкому. Пожалуйста, Андрей Георгиевич .

Андрей Быстрицкий:

Добрый день. Спасибо большое за приглашение, это большая честь участвовать в такой представительной конференции.

И я должен сказать, что мы с Михаилом Александровичем сейчас взаимодействуем. Дело в том, что занимаясь медиа – а факультет коммуникаций и дизайна этим занимается, а также имеет отношение ко мне, и другие вопросы – мы видим, как существенно изменился мир. Сама по себе пандемия, конечно же, – ничего. Вот, сам по себе этот вирус, он в себе содержит ничего кроме угрозы жизни человеку, страдания и болезни. Но этот вирус... он подчеркнул, оказался катализатором для многих процессов в информационно-коммуникационной среде, который заставляет учёных задуматься о том, как в дальнейшем эта среда будет развиваться.

Наблюдая над тем, что происходит сейчас во время пандемии, мы видим, что де-факто возникает фактически новый совершенно параллельный мир. Этот мир, конечно же, не отделен в реальность от мира естественной жизни, но в этом виртуальном мире, где осуществляется наша коммуникация, идет в какой-то степени своя жизнь. Он бесчисленным количеством нитей, то есть нас, людей, связывает с миром реального. Это мы осуществляем связь между миром виртуальным и миром реальным. Они, в общем, иначе не разделены, но в этом виртуальном мире идут очень интересные и очень противоречивые процессы.

Знаете, в свое время, когда появилась ядерная энергия, было понятно, что ядерная энергия – вещь очень интересная и во многих отношениях полезная. Более того, чего там греха таить, ядерное оружие сыграло большую роль в поддержании мира в дальнейшем. Однако если бы не было регулирования этой самой ядерной энергии, если бы не было попыток, как остановить распространение ядерного оружия, мы, наверное, находились бы в худшем, чем сегодня, мире. Виртуальная реальность, новые информационно-коммуникационные технологии несут огромное количество вызовов – это как величайшая возможность для нас самым внимательным образом следить за тем, что происходит в мире, общаться, коммуницировать. Но, с другой стороны, это позволяет нами манипулировать, создает удивительные образования, через которые часто не пробивается никакая информация. Это условные «filter bubbles» или «echo chambers».

Очень много образований, которые меняют систему распространения информации, делают нас, повторю, с одной стороны, очень могущественными по части получения и сопоставления информации, а, с другой стороны, очень уязвимыми. Эта проблема, бесспорно, не может быть решена в рамках только одной страны. Ну, если там каким-то образом не заизолироваться вообще. Но это, видимо, маловероятно. То есть это должно как-то регулироваться и на международном уровне.

Вообще наша взаимозависимость в этом мире растет, а средств регулирования этой взаимозависимости, на мой лично взгляд, не хватает. Это очень интересная проблема, и я бы сказал, что главная драма этой проблемы – то, что новая информационная и коммуникационная среда несет нам вызов свободы, вызов нашей безграничности, нашей развитости. Но вот как этим оперировать, как этой свободой воспользоваться так, чтобы она не нарушала свободу других, чтобы эта свобода не пошла нам во вред? А проблема свободы – это вообще одна из крупнейших проблем человеческого общежития, этот вопрос остается очень открытым и весьма спорным.

В общем, я хочу сказать, что нет, наверное, внятного ответа, как это регулировать. Но каким-то образом этим нужно заниматься.

На мой взгляд, нужно добиться того, чтобы у нас появилась возможность, точно совершенно распространять достоверную и точную информацию. Главное, чтобы мы знали, что та информация, которая нам доступна, что она более или менее точна и достоверна, во всяком случае, сделана в известной степени добросовестно. Это очень, повторю, интересный вопрос. И регулирование здесь – важнейший вызов.

Мне кажется, что, может быть, имело бы смысл подумать о том, как нам перенести ряд институтов, которые регулируют коммуникацию в обычном привычном для нас мире, в виртуальный. Как там установить какие-то правила и порядки, которые позволили бы нам уверенно пользоваться информацией?

Я думаю, что во вступительном слове надо быть кратким, и поэтому я благодарю еще раз за возможность участия в столь представительной конференции. Михаил Александрович, вам в особенности. И надеюсь, что наше сотрудничество с вашей кафедрой и с вами, я имею в виду факультет коммуникаций, медиа и дизайна, будет развиваться продуктивно и интересно. Во всяком случае, мы этим уже занимаемся. Спасибо большое.

Михаил Федотов:

Спасибо, Андрей Георгиевич.

Уважаемые коллеги, предоставляю слово следующему докладчику. Это Александр Евсеевич Хинштейн, председатель Комитета по информационной

политике, информационным технологиям и связи Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Тема его доклада: «Законотворчество в сфере информационной политики в эпоху борьбы с пандемией коронавируса».

Александр Хинштейн:

Михаил Александрович, спасибо большое. Добрый день, уважаемые коллеги.

Кратко постараюсь ответить на поставленную тему доклада. Надо сказать, что какого-то специального цифрового законодательства, связанного именно с пандемией, пожалуй, нет. Государственная Дума с момента начала этого бедствия, безусловно, очень оперативно реагировала на возникающие проблемы, но происходило это в самых разных сферах, которые опосредованно, безусловно, связаны с цифровыми технологиями, но напрямую не относятся к нашему комитету.

Это касалось самых разных вещей, но для примера могу сказать, что я являюсь инициатором закона, который уже принят и вступил в силу, в соответствии с которым вводится особый порядок – мораторий на исполнение судебных приговоров, исполнительных листов по вынесенным ранее решениям о взыскании долгов и налогов. Впрямую это не относится к цифровым технологиям, но понятно, что это антикризисные меры, связанные с пандемией.

Подобного рода действия предпринимались Государственной Думой в самых разных других направлениях. Если говорить именно о цифре и о проблемах, с которыми столкнулась и отрасль, и пользователи в связи с пандемией, я поддерживаю сегодняшнее выступление декана факультета права ВШЭ и соглашусь с тем, что, действительно, коронавирус стал мощным драйвером для развития цифровых технологий, поскольку люди, оказавшись в изоляции или самоизоляции, волей-неволей были вынуждены максимально переходить из формата оффлайна в онлайн. А в свою очередь, эти форматы начали гораздо больше, гораздо активнее и сильнее развиваться и набирать соответствующий оборот.

Год сейчас подходит к концу и, безусловно, мы получим с вами статистику, из которой увидим, как возросло количество пользователей, что изменилось с точки зрения банкинга в других цифровых сервисах. Тем не менее, для профильного комитета Государственной Думы возникшие проблемы являлись не пустым звуком.

Мы много времени потратили на то, чтобы найти пути решения тех или иных проблем, связанных с пандемией. Ну, например, еще в апреле вместе с

профильным ведомством – Министерством цифрового развития – и основными общественными профессиональными объединениями IT-отрасли мы привели специальное заседание комитета, на котором обсудили, какие конкретные меры поддержки требуются IT-отрасли в условиях этого недуга. Соответствующие предложения нами были сформированы исходя именно из инициатив самой отрасли, и направлены эти предложения были в Правительство, которое, в конечном счете, согласилось и с нами, и с Министерством цифрового развития. Практическое большинство из предложенных нами мер дальше было в виде соответствующего распределительного документа Правительства.

То же самое касается мер поддержки средств массовой информации, предприятий печатной продукции и отрасли в целом. Такой комитет мы провели 12 мая текущего года, в нем приняли также участие помимо представителей Минцифры еще и представители медиасообщества, союзы журналистов России и Москвы, главные редакторы и руководители ведущих СМИ.

Точно также как и с поддержкой IT-отрасли, итогом этого расширенного заседания комитета стал перечень конкретных мер поддержки, которые, мы посчитали, необходимо направить в адрес Правительства.

Главный вопрос заключался в том, что в целом средства массовой информации печатной продукции медиа отрасли должны войти в перечень отраслей наиболее пострадавших в результате коронавирусной инфекции, что в свою очередь позволило бы распространить на них конкретные льготы и существующие иные меры поддержки.

Такое постановление Правительства, в конечном счете, было принято. Мы благодарны коллегам из исполнительной власти за то, что они и в этом вопросе нас поддерживали.

Нам также пришлось активно заняться ситуацией, связанной с цифровым обучением, с переходом в онлайн. Весной текущего года, если быть точным 19 марта, мы провели также специально заседание комитета с участием руководителей Министерства просвещения и Министерства цифрового развития и обсудили, как выходить из сложившейся ситуации.

На тот момент не было окончательной картины, не было понимания, сколько продлится вся эта беда. Но мы для себя четко осознавали, что как минимум до весенних каникул школьники у нас не вернуться и поэтому необходимо обеспечить их, с одной стороны, достаточно должным сервисом и возможностью доступа к онлайн обучению, с другой стороны, само по себе это обучение должно быть качественным и соответствовать установленным стандартам. Надо поблагодарить крупнейшие образовательные холдинги,

наши крупнейшие издательства, в первую очередь, издательский холдинг «Просвещение», корпорацию «Российский учебник», которые вышли с инициативой дать бесплатный доступ к их учебным материалам, которые, как раз, что важно, соответствуют существующим сегодня государственным стандартам и прошли необходимую аккредитацию Рособрнадзора.

Я не случайно на этом останавливаюсь, потому что в условиях онлайн-обучения появилось большое количество сайтов, ресурсов, где представлены те или иные онлайн предметы или учебные курсы. Но далеко не все из них являются соответствующими установленным ГОСТАМ и государственным образовательным стандартам. И это принципиально важно.

После того как этот процесс был запущен, появился соответствующий портал «Школа онлайн», но этого нам показалось недостаточно, потому что первый же месяц работы нас убедил в том, что, к сожалению, стопроцентного качества покрытия интернетом в стране нет. И существуют территории, особенно это актуально для больших регионов Дальнего Востока и Сибири, где качество покрытия интернет-сетью недостаточно высоко и, соответственно, у ряда школьников нет возможности качественно посещать уроки.

Поэтому мы инициировали соответствующее решение и нашли алгоритм, при котором качественно и в кратчайшие сроки были подготовлены записи таких онлайн-уроков блоками по 30 минут каждый. И дальше на канале ОТР, входящим в первую двадцатку мультиплекса, в каждый будний день на протяжении трех часов ежедневно такая трансляция этих уроков было начата. Мы это сделали для того, чтобы доступ был 100% и основной упор, конечно же, был сделан на предметы для выпускных классов, учитывая, что ЕГЭ никто не собирался отменять.

Безусловно, как я уже сказал, коронавирус внес свои коррективы, повлиял на ход нашей жизни, поэтому сегодня, работая над теми или иными законами, все равно соизмеряем их с существующей проблематикой, и с тем, как это будет работать в условиях изоляции граждан.

Ну, и не буду лукавить, безусловно, законодательство в цифровой сфере, в том числе, сфере интернета – это без преувеличения также является законодательством, связанным – и как вы тут сформулировали тему – в эпоху борьбы с пандемией. Потому что, повторюсь, люди находятся в изоляции, количество пользования онлайн-сервисами возрастает. Задача государства и законодателей обеспечить так, чтобы эти сервисы были доступны гражданам, чтобы они были качественными, чтобы этими сервисами, владельцами этих сервисов и сети, четко соблюдались требования законодательства, над совершенствованием которого мы в свою очередь работаем.

Если кратко, то у меня на этом все. Если есть какие-то вопросы, готов с удовольствием ответить. Благодарю за внимание.

Михаил Федотов:

Спасибо, Александр Евсеевич.

Сейчас я хотел бы предоставить слово Владимиру Львовичу Энтину. Он один из авторов действующего закона о средствах массовой информации, член-корреспондент Международной Академии сравнительного права, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук. Заявленная им тема: «Информационные посредники и средства массовой информации». Пожалуйста.

Владимир Энтин:

Да, имел неосторожность заявить такую тему в этой просвещенной аудитории и хочу поделиться некоторыми соображениями. Это не столько ответы на вопросы, сколько их постановка.

Я сейчас с ужасом убедился, насколько мы попадаем в зависимость от того, работают ли с нами наши информационные посредники или нет. То есть, если вы вдруг оказались отрезанными от интернета, как бы вы не пытались выскочить из себя и сделать так, чтобы мы вас увидели или услышали, – это становится технически невозможно. То есть, телевизор будет работать, газеты будут выходить, но, если у вас нет выхода на то, чтобы все это принимать, вы оказываетесь в полной изоляции.

Вот эта полная изоляция, в которую могут погрузить человечество информационные гиганты... Перечисляю: все время проходят слушания, что, не слишком ли много экономической власти и технической власти. Тем не менее, это так. В этих условиях начинают предприниматься лихорадочные шаги.

Я слежу за опытом Европейского союза, за американским опытом для того, чтобы каким-то образом уравновесить ситуацию с помощью регулирования. Регулирование при этом, оказывается, идет по целому ряду направлений и, как всегда бывает, когда регулируют в ускоренном порядке и с благой целью, возникает так называемая ситуация collateral damage или, иначе говоря, те, кто таким разным образом падает жертвой такого ускоренного регулирования.

Начнем с самого простого: как квалифицировать с юридической точки зрения отношения СМИ с теми, кто выступает информационными посредниками. Скажут: «Здравствуйте! Вот вы только что все и назвали». Не совсем так.

Дело в том, что в том законодательстве, которое сейчас выложили на стол и собираются опубликовать в Европейском союзе, это предложение Еврокомиссии – оно должно было быть опубликовано 15 декабря. Потом они стали сдвигать сроки. И знакомая песенка, не правда ли, по поводу подвижки срока.

Там есть несколько вещей и среди них есть digital service act, но самое интересное не в том, что написано, а самое интересное – юридическая квалификация. Потому, что эта квалификация затем уже будет обрывать различного рода подробностями в виде судебных решений, которые будут разворачивать ситуацию то в ту, то в другую сторону.

Так вот, когда хозяйствующие субъекты, а СМИ здесь выступают как хозяйствующие субъекты, взаимодействуют с информационными посредниками, выполняя свои функции сбора, обработки и распространения информации, они будут выступать как бизнес-пользователи. И в качестве бизнес-пользователей получают целый ряд правомочий. Одной из таких правомочий будет заключаться в том, что можно, как бы, требовать максимальной прозрачности от того, с кем и на каких условиях ты имеешь дело.

Но я вот только что регистрировался лихорадочно, о чем говорил Михаил Александрович, чтобы войти в эту конференцию, и должен был, для того чтобы продвинуться дальше, со всем соглашаться. Не дай бог я бы заартачился... всё. Вы бы меня не услышали и не увидели. Таким образом, все эти вещи оказываются достаточно призрачными.

Тогда к этому решили подойти с другого боку: с боку того, что давайте мы будем рассматривать средства массовой информации не только как бизнес-пользователей, которые в лучшем случае могут рассчитывать на то, что контракты с ним будут носить постоянный характер, что о прекращении контракта, при изменении условий, их уведомят достаточно заранее. Но на этом все.

Вот, как потребитель он имеет целый ряд возможности защищаться. А защищаться он будет от чего? Защищаться он будет от контрафактной продукции. А в сети интернет это что такое? Эта продукция, нарушающая права интеллектуальной собственности и фэйк-ньюс. Таким образом, для защиты прав потребителей, для защиты прав тех же самых СМИ можно аккуратно подержать за горло, чтобы удобнее было проглотить эту приятную новость.

Значит, два направления. Теперь второе направление. А кто, в каком случае, за что отвечает? Ну, я обратил внимание на то, что состоялся целый ряд решений и ЕСПЧ, и решений Европейского суда, который находится в

Люксембурге и пользуется исключительным правом трактовать, что именно представляет собой европейское право. Не то, что вы прочитали и поняли, сделав целый ряд логических умозаключений.

Ситуация стала меняться достаточно постепенно, потом уже все более ускоряться. Ускоряться она стала таким образом: через штрафы, которые могут взиматься в размере процентов от годового оборота. Ну, это, как говорится, прямо антиконкурентная мера, направленная против засилья американских технологических гигантов и против тех, кто слишком сильно вырвался вперед.

Какие существуют меры засилья тем, кто покушается на технологическое превосходство, мы имеем счастье наблюдать, следя за перетягиванием каната между США и Китаем. Большая угроза заключается в том, что посчитали, что 4% годового оборота недостаточно и нужно 10%.

Затем пошли в направлении, что должны быть минимальные размеры штрафов, чтобы они были достаточно существенными, в размере нескольких миллионов евро.

Но это очень хорошо, паны дерутся, но мы-то тут при чем. По старой поговорке, «когда паны дерутся, у холопов чубы трещат». Так вот, здесь произошло достаточно интересно явление. Дело в том, что мы привыкли к тому, что когда мы что-либо смотрим, всегда существует возможность зайти в чат и посмотреть, какая здесь реакция по этому поводу. И законодатель сейчас стал разделять средства массовой информации на тех, кто (я имею в виду не наш законодатель) допускает возможность появления чатов и куда могут мгновенно быть вброшены какие-то информационные вещи, и тех, кто не допускаем.

Для борьбы со всякого рода злоупотреблениями свободой СМИ предусмотрено – то, что требуется в обязательном порядке – удалять все те вещи, которые имеют явные признаки того, что это информация, которая не допускается к распространению.

Вроде бы нормальная ситуация, совершенно. Особенно в условиях пандемии можно себе представить, что нужно реагировать максимально оперативно. И здесь есть вилка: у нас с вами есть опыт, наши отечественные постановления Верховного суда в отношении Закона о СМИ, где говорится о том, что в обязательном порядке требуется отслеживать и удалять экстремистские высказывания только тогда, когда по этому поводу сделано официальное представление и есть временной лаг достаточно короткий.

До недавнего времени идея так называемой безопасной гавани предусматривала, что на СМИ не возлагается обязанность осуществления сплошного мониторинга того, что загружают пользователи. Все это работало

до определенного момента, до определенной степени, когда руль стали заворачивать уже в другую сторону.

Во-первых, появилась другая концепция соиздателей и сораспространителей. Что это такое? Это означает, что вы отвечаете за то, что стало распространяться благодаря вам. Если доступ появился у неопределенного круга лиц к тем материалам, которые появились на вашем сайте в сети интернет, к которым могут быть допущены, то войдя в сеть интернет, вы оказываетесь в другой совершенно ситуации с точки зрения возможности привлечения вас к ответственности.

Я, честно говоря, думал, что это определенная «страшилка». До тех пор, пока не стал изучать максимально подробно дело, которое как бы стало поворотным пунктом.

Вы знаете, что в системе ЕСПЧ есть большая палата, которая может пересматривать дела, заниматься рассмотрением дел, когда происходит отход в сторону от уже сложившийся общепринятой практики и может оценить те последствия, которые могут произойти. Речь шла об эстонском портале, достаточно популярном, у которого есть русскоязычный сайт и эстоноязычный сайт, и который стал высказываться по достаточно узенькому вопросу, совсем крошечному.

Речь шла о дорожке между основной частью и островами. Дорожка замерзла и по ней можно двигаться и паромом не ездить. Естественно, паромщики как хозяйствующий субъект, они лишились дохода, но кто же будет платить, когда можно добраться и так. Поэтому они аккуратненько проехали через эту ледяную дорогу – дороги не стало. Дороги не стало – гоните деньги. При этом взвешенная журналистская статья описала сложившуюся ситуацию, а дальше уже последовало массовая реакция читающей публики, которая высказалась, используя как нормативную, так и не совсем нормативную лексику, то есть все то, что они по этому поводу думают. И обиделись! Обиделся владелец парома, подали иск, что это ущерб деловой репутации.

Вроде бы полная ерунда, штраф там касался 320 евро. По европейским меркам сумма достаточно ерундовая, тем не менее, решили поднять вопрос на принципиальную высоту: «Как же так! Мы действовали строго в рамках закона».

Удалили со временем эту информацию, и оказалось несколько вещей. Во-первых, когда стали юридически анализировать, что здесь происходит, оказалось, что с выходом в сеть-интернет меняется ваша собственная классификация. Вы перестаете работать в качестве информационных посредников между обществом и читателями, зрителями и так далее. Вы

становитесь уже здесь хозяевами контента, раз у вас есть возможность этот контент удалять, у вас есть возможность каким-то образом контролировать, что у вас попадает, то в этом случае, вы за контент отвечаете. У нас можно сразу вспомнить знаменитое «за базар ответишь» – это примерно то же самое, за контент ответишь. Значит, происходит различная дальнейшая дифференциация между тем, кто будет нести ответственность и в каком объеме.

И возникает вопрос: а срабатывают ли здесь в этом случае все те гарантии, которые предусмотрены? Мы знаем о том, что у нас есть гарантия, которая защищает, набор гарантий, защищающий СМИ от предварительной цензуры. Есть статья 10 ЕСПЧ, которая говорит о том, что ограничения, которые являются разумными, не должны быть чрезмерными для демократического общества. И оказалось, что в этой ситуации они не работают, во всяком случае, их применение поставлено на паузу. Это был первый звонок.

Второй звонок заключался в том, что было произведено деление между теми информационными посредниками, которые являются системообразующими или через которых происходят массовые выходы и включения, и которые имеют жизненно важное значение для функционирования экономики. И теми, чей оборот достаточно невелик, для того, чтобы сказать о том, что на них могут быть возложены обязанности, но наказывать их могут не столь строго. То есть здесь в сети интернет уже происходит ревизия положения о том, что все должны быть равны перед законом и нести равную ответственность за совершаемые деяния.

И наконец, еще один аспект, связанный с экономикой соучастия, с экономикой сотрудничества, с переквалификацией отношений между СМИ и их аудиторией. Мы оказались в ситуации, которая только что была очень хорошо описана выступившими перед нами коллегами. Когда мы столкнулись с новыми реальностями, которые еще требуют своего адекватного описания; юридический материал в отношении закона о СМИ; вопрос, связанный с информационными посредниками; вопрос о том, как и каким образом будет работать в этих условиях статья 57 закона, предусматривающая возможность или гарантии прямого эфира, возможности, связанные с распространением информации, которая носит официальный характер или предоставлена информационными агентствами – все эти вопросы потребуют теперь, скажем так, дополнительного реагирования.

Надеюсь, я не превзошел свою квоту по времени. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо, Владимир Львович. Это было очень интересно.

Я с удовольствием предоставляю слово Алексею Константиновичу Пушкинову, председателю Комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со средствами массовой информации, он член Попечительского совета МГИМО и член Рабочей группы по подготовке предложений и внесению поправок в Конституцию Российской Федерации. Его доклад: «Цифровой суверенитет. Зарубежные интернет-ресурсы в России как информационный и политический вызов». Пожалуйста, включайте микрофон, Алексей Константинович.

Алексей Пушкинов:

Спасибо, Михаил Александрович, за возможность обменяться мнениями со специалистами в этой сфере.

Я хотел бы сосредоточиться на политических аспектах информационного и политического вызова, поскольку, на мой взгляд, социальные сети, интернет-платформы превращаются в сферу проведения политического влияния и соответственно в сферу политического противостояния. Это новый феномен, и я должен сказать, что его осознают сейчас не только у нас, но и в тех же Соединенных Штатах.

Только что интересное заявление сделал американский сенатор Линдси Грэм, союзник Трампа, республиканец, известный, кстати, своими антироссийскими высказываниями. Но в данном случае он отметил интересную особенность политического процесса в США. Он сказал, что американский консерватизм могут погубить две вещи: первое – это не проверяемое голосование по почте; и второе – это нерегулируемые социальные сети. Вот это, я бы сказал, интересное осознание политического значения социальных сетей со стороны той силы в Соединенных Штатах Америки, которая пострадала от этих социальных сетей в ходе последних выборов в США.

Мы знаем о том, что блокировались на определенном этапе твиты Президента Трампа в Твиттере, а потом после того как в Конгрессе Фейсбуку и Твиттеру было сделано представление, они восстановили посты и твиты Президента Трампа, но с пометкой, что высказываемая точка зрения противоречат имеющимся данным. Хотя какие данные? Кто установил эти данные? Откуда у Твиттера право определять, какие данные являются верными, а какие данные являются неверными? Это остается за кадром.

И не случайно другой сенатор-республиканец Тед Крус от Техаса, который, кстати, поддержал Трампа, он обрушился на Джека Дорси, это глава Твиттера, со следующим вопросом: «А тебя вообще кто выбирал, черт

возьми?». То есть, смысл такой: кто тебя уполномочил решать, какие твиты являются достоверными, какие недостоверными. Тем более в отсутствии каких-либо официальных данных о завершении выборов потому, что вся эта кампания против Трампа была задолго до коллегии выборщиков, в ходе избирательной кампании.

Второй момент: социальные сети заблокировали известную информацию, опубликованную и в газете New York Post относительно того, что сын Байдена Хантер занимался не только уклонением от налогов, но и незаконной коммерческой деятельностью с рядом зарубежных государств. И, по мнению республиканцев, это сыграло очень серьезную роль в намерении избирателей голосовать именно за Байдена, а не за Трампа.

Почему я делаю такое политическое вступление? Потому что я убежден, что политические аспекты присутствия у нас социальных сетей, они обязательно дадут о себе знать. Они уже дают о себе знать, и мы должны готовиться к тому, что они будут приобретать больший вес. То есть мы здесь сталкиваемся не только с проблемами чисто юридического регулирования, мы сразу сталкиваемся с проблемой политического вызова.

Хочу напомнить, что, скажем, событие 2009 года в Иране, когда большое число людей вышло на улицу и их координировали свои, действующие через Фейсбук, назвали «фейсбучный революцией». Хочу также напомнить, что Александр Лукашенко сейчас жалуется на то, как используется telegram в событиях в Беларуси известным каналом NEXTA, на который подписано более двух миллионов человек. То есть мы прекрасно понимаем, что в современном мире, когда в политическую борьбу вовлечены самые разнообразные ресурсы и интернет-платформы, социальные сети будут тоже рано или поздно в большей или меньшей степени вовлечены в политическую борьбу, как это уже было в Иране, Польше, Соединенных Штатах. Это вот первый момент, который я хотел бы отметить и здесь, конечно, ни ЕСПЧ, ни какие-либо внешние инстанции не могут быть ориентирами потому, что эта деятельность находится в другом поле. Эта деятельность уже находится в условиях, так сказать, блокирования невыгодной информации тем кругам, которые хотят определять ход событий, и поощрение людей на действия, выгодные вот этим самым кругам. Ну, в данном случае в Соединенных Штатах мы говорим, допустим, о либеральном стане и Демократической партии Соединенных Штатов, которая сражалась с Президентом Трампом на этих выборах.

Этот момент важен потому, что мы сейчас вступаем в период, который будет со всей очевидностью определяться жесткой политикой администрации Байдена по отношению к России. Я думаю, здесь не должно быть никаких

иллюзий. Все сигналы, которые имеются и поступают из Соединенных Штатов говорят о том, что эта администрация пойдет по пути жесткого курса.

Возможны какие-то островки взаимодействия, скажем, по договору СНВ-3 не отменяют факта перехода Соединенных Штатов от политики пассивной враждебности по отношению к России к политике активной враждебности по отношению к России. И понятно также, что и фейсбук, и гугл, и так далее – они все встроены в эту систему воздействия и будут встраиваться еще сильнее.

В связи с этим, я хотел бы отметить несколько вещей, которые касаются непосредственно законодательного регулирования деятельности этих интернет-платформ. Из чего мы должны исходить в нашем подходе?

Во-первых, я хочу опровергнуть широко распространенную среди интернет юзеров точку зрения, что эти интернет-компании руководствуются своими внутренними корпоративными решениями и штаб-квартира находится за пределами Российской Федерации и поэтому Россия не может никак на них воздействовать. То есть смысл такой, что если мы пользуемся зарубежными интернет-платформами, мы должны следовать их правилам, а не пытаться навязывать свои. Вот эта точка зрения категорически неверная, хотя внешне она выглядит логично, но, я считаю, что Россия заняла правильную позицию, которая состоит в том, что мы не должны позволить этим интернет-ресурсам подменить российское законодательство своим внутренним корпоративным, как бы, законодательством.

Здесь мы опираемся на международный опыт. Только что в Великобритании британский регулятор опубликовал доклад о том, что в первой половине 2020 года фейсбук допустил размещение трех с половиной тысяч постов и открытие аккаунтов в инстаграме, которые противоречат британскому законодательству в области рекламы. И фейсбуку пришлось удалить вот эти три с половиной тысяч постов, страниц инстаграм аккаунта.

А недавно во Франции были введены очень жесткие штрафы за нарушение монопольного законодательства французского. Причем размер штрафов, последний штраф был рекордным – до 100 миллионов евро.

Были случаи, когда эти же компании, прежде всего google, ненадлежащим образом, противоречащим закону, распоряжались персональными данными интернет-пользователей. В частности, это известная скандальная история, когда эти данные оказались, почему-то, в распоряжении известной исследовательской политтехнологической корпорации Cambridge Analytica, которая на базе этих данных влияла на компанию Brexit в Великобритании. Это известная кампания, когда решался вопрос, выйдет ли Великобритания из Евросоюза или не выйдет. Так вот, эту базу персональных

данных она неким образом получила от интернет-платформы, хотя по британскому законодательству запрещено передавать эти персональные данные.

Я хочу сказать о том, что миф о том, что корпоративные решения являются определяющими при работе этих структур, – он абсолютно неверен. Это надо разьяснять и через средства массовой информации потому, что вся международная практика этому противоречит, абсолютно вся. И я хочу сказать, что сейчас в Соединенных Штатах очень много этим занимаются. Вот тот же Линдси Грэм собирается внести закон, который будет жестко регулировать полномочия и действия интернет-компаний. В Евросоюзе такое законодательство уже есть, и сопротивление со стороны Фейсбука, Гугла и Твиттера, если есть, то пассивное. То есть они как бы до первого предупреждения, после этого они, как правило, принимают предписание европейских регуляторов. Если не принимают, то выписываются очень крупные штрафы, я хочу это подчеркнуть.

И здесь я перехожу к следующему элементу нашего законодательного реагирования на нарушения – это размеры штрафов. Те штрафы, которые у нас были до недавнего времени, это, конечно, семечки для этих компаний с мультимиллиардными оборотами, это несущественно. По-моему, повторное нарушение штрафуются от полутора миллионов рублей до пяти миллионов рублей. Это, конечно, несерьезно. Я хочу сказать, что в области антимонопольного законодательства мы штрафуем гораздо жестче. 3 года назад ФАС, если я правильно помню, оштрафовал google на четыреста тридцать восемь миллионов рублей. Но, мне кажется, что и в сфере нарушения наших предписаний по отношению к запрещенным интернет-ресурсам, а к запрещенному в России контенту, к блокировке наших материалов, видеоматериалов на том же ютьюбе и так далее, мы должны, конечно, идти по пути существенного повышения штрафов.

Конечно, эти компании могут сказать, что они не признают российской юрисдикции, но тогда они вступают в острое противоречие с российским законодательством и с российским государством и подвергают себя угрозе более серьезных мер. Я здесь хочу подчеркнуть, что такие меры по отношению к этим компаниям применяются по всему миру. Вот это очень, как мне кажется, важно понять. Россия не является в данном случае исключением, мы находимся в общем потоке.

Деятельность этих компаний вызывают все большее раздражение и все большее желание законодателей реагировать на них, от Соединенных Штатов до стран Дальнего Востока. И, как вы знаете, уже решил эту проблему. В 2010 году google в знак протеста против политических ограничений, как они

выразились, ушел из Китая. После этого захотел вернуться, но китайские власти сказали, что мы уже создали свои собственные поисковики, создали собственные видео-платформы. И google сейчас не работает в Китае.

К своему величайшему сожалению, они постоянно выражают желание вернуться на китайский рынок, но китайцы их там видеть не хотят. Поэтому здесь ставки для этой компании тоже весьма и весьма высоки. Россия тоже достаточно... даже не Россия, а русскоязычное пространство, русскоязычное интернет-пространство. Мы не должны измерять себя только границами России. Это у нас не 147 миллионов человек, с этой точки зрения, с точки зрения сетевых компаний, а у нас 200-250 миллионов как минимум.

И последний момент, который я хотел бы отметить, что мы должны понимать, что мы можем вступить в ситуацию острого политического конфликта с этими интернет-ресурсами. Повторяю, это будет зависеть от того, конечно, насколько они будут готовы вписаться в информационно-политическую кампанию Соединенных Штатов против России. Я думаю, что они будут играть определенную роль, может даже активную роль.

И во-вторых, насколько мы будем готовы пойти на такой политический конфликт. Если мы перейдем в состояние активной холодной войны сейчас со стороны Соединенных Штатов в отношениях с Россией, то я думаю, что Гугл будет стремиться всячески саботировать предписание нашего регулятора в области блокировки российских интернет-ресурсов.

Я заканчиваю. Значит вот эта перспектива возможного политического конфликта, если тот же Гугл будет уклоняться от взаимодействия с российскими властями... не сотрудничать, а как бы займет позицию отрицания российских предписаний, отрицания российского законодательства, мы к этой ситуации тоже должны психологически готовиться. И я думаю, что здесь одна совершенно правильная установка была дана Владимиром Путиным во время его последней пресс-конференции: мы должны, конечно, уже сейчас думать о развитии наших собственных интернет-платформ и наших собственных видео-платформ. У нас вот самое слабое место – это видео-платформы, у нас их практически нет или они очень слабые. Я знаю, что «Газпром-медиа» сейчас уже занимается этой тематикой. Вот недавно было заявление руководителя «Газпром-медиа», что они работают в этом направлении.

Я понимаю, что это не моментально делается, но в современном мире, где средством политической борьбы становится буквально все, мы должны идти по пути определенной автономии в этой сфере. Или, скажем так, возможности автономии: мы не должны перекрывать себе возможности пользования этими ресурсами. Я против блокировки и этих самых крайних

мер, но мы должны создавать параллельно автономные самостоятельные российские интернет-платформы потому, что иначе мы можем оказаться в ситуации, когда социально востребованный ресурс войдет в политический конфликт с российскими властями и российская власть будет вынуждена принять определенные жесткие решения. И тогда наши потребители останутся без замены.

Так что вот это второе направление – создание альтернативных платформ, я считаю исключительно важным для правильного баланса сил в этой сфере. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо, Алексей Константинович, за очень интересное выступление, которое, наверняка, вызовет вопросы. Вот уже я вижу некоторые вопросы здесь в чате. Пожалуйста, хотел задать вопрос Леонид Фехматов.

Леонид Фехматов:

Здравствуйте, я являюсь старшим преподавателем российской Академии адвокатуры и нотариата. И одновременно являюсь адвокатом Адвокатской Палаты города Москвы и веду постоянно уголовные дела, осуществляю защиту по уголовным делам, но веду также предмет, осуществляю свою практику, так у меня педагогическое образование. Веду предмет информационное право.

Хотел бы спросить... у меня такой вот вопрос. Так как я еще по совместительству работаю в Российском государственном университете правосудия Российской Федерации, в свете развитие цифровых технологий и вообще вот дистанционных технологий на сегодняшний день, как вы считаете, возможно ли создание судов по информационным спорам? Потому что я, вот, очень часто присутствовал на ваших конференциях, и вы очень интересно рассказываете тематику, касаемо не только медийного законодательства, но и рассказывали, что еще при прежнем Президенте до Владимира Владимировича Путина, при Борисе Николаевиче Ельцине, существовала Палата по информационным спорам. И вы освещали очень интересно эту тематику. Как вы считаете, возможно или невозможно в свете последних тенденций развития информатизации и информационных ее технологий ее возрождение? Спасибо. Если возможно, на этот вопрос ответьте, пожалуйста.

Алексей Пушкин:

Михаил Александрович, я считаю, что это к вам вопрос. Вы у нас бывший министр печати, вы владеете этой тематикой гораздо лучше, чем я.

Тем более, что Палата по информационным спорам – это была зона в вашей деятельности в качестве руководителя СПЧ. Так что, это точно к вам.

Юрий Батурин:

Михаил Александрович, поскольку я создавал эту палату, может быть, я отвечу.

Михаил Федотов:

Юрий Михайлович Батурин. Пожалуйста.

Юрий Батурин:

Добрый день, коллеги. Пошли воспоминания о 90-х годах.

Собственно, как родилась эта Палата? В 1993 году перед декабрьскими выборами, встал вопрос о том, что нет никаких правил для СМИ ведения предвыборной кампании. И вот тогда я дал поручение студентам на своем семинаре, и студенты писали положение о Третьем информационном суде. И он работал до нового 1994 года.

Этот опыт оказался крайне полезным, и поскольку само название было не очень удачное – «третейский» – переименовали его в информационную палату, и возглавил ее Анатолий Борисович Венгеров, очень известный в юридических кругах человек.

Она проработала несколько лет. Нарботала совершенно уникальный опыт, к нам в страну приезжали из Европы и Америки знакомиться с этим удивительным институтом, которого нигде не было. И я считаю, что, конечно, такой орган сегодня может быть воссоздан, причем очень быстро. Точно так же как информационная палата была закрыта росчерком пера, через месяц после того, как она получила приз за выдающиеся достижения в сфере массовой информации, точно также и подписанием распоряжения противоположного содержания ее можно и воссоздать. Я даже не думаю, что это будет слишком сложно, это просто вопрос политической воли.

Вообще-то она нужна сегодня, конечно, хотелось бы иметь нечто подобное. И причем уже как-то с новым функционалом, потому что за эти четверть века, даже больше, уже многое изменилось. И вопросы, которые сегодня мы обсуждаем, связанные с социальными сетями, многие настолько новые, что о них хотя бы подумать надо в таком юридическом плане. Чем и занималась информационная Палата. Спасибо, что вспомнили про этот орган, которого уже 20 лет нет на свете, но подобный орган был бы очень полезен сегодня.

Михаил Федотов:

Спасибо, Юрий Михайлович. Действительно, опыт Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации абсолютно уникален, и я думаю, что он когда-нибудь будет востребован нашим законодателем.

Вопрос Алексею Пушкинову от Ивана Марино из Италии.

Иван Марино:

Спасибо. Вопрос господину Пушкинову в двойном качестве: в качестве законодателя и в качестве разработчика определенных положений Конституции. Да, я говорю о конституционной реформе 2020. Поскольку участвовали в рабочей комиссии и Левин, и Пушкин, и Соловьев, и так далее.

Сейчас новелла в Конституции России: в ведении Российской Федерации находятся не только как раньше пути сообщения информации, связь, но еще информационные технологии. Поскольку были очень интересные выступления о проблемах политики, о вызовах, может быть это пригодится сейчас новая ответственность информационных технологий...

А еще может быть банально, но скажу, все равно, извините. Сейчас Президент может в Совете Федерации назначить не более 30-и представителей Президента в сфере науки и так далее. А может... я немножко пролоббирую... может быть среди тридцатых фигур могут быть назначены представители СМИ, которые играли бы огромную роль в этом отношении, потому что вызовы, о которых было сказано, они абсолютно приоритетны. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо, господин Марино. Пожалуйста, Алексей Константинович.

Алексей Пушкин:

Интересное предложение. Конечно, по законодательству – это епархия Президента, кого назначать. И там четко говорится, что пожизненные сенаторы назначаются за большие заслуги в области общественной, профессиональной деятельности перед обществом. Если среди них будут представители СМИ, я думаю, что это будет логично, чтобы кто-то представлял и эту сферу.

Вообще я считаю, что посыл коллеги, который только что задал вопрос, он правильный. В каком смысле: информация сейчас становится фактором, определяющим политику. Это очень-очень важно понять. Раньше информация обслуживала политику, решения принимались в закрытых кабинетах, и потом

включался информационный маховик по обслуживанию вот этих принятых решений.

Где-то на стыке XX-XXI века произошла трансформация информации, она превратилась в фактор, формирующий политику. То есть, политики стали зависеть уже от информационного потока, и вы посмотрите, как, во-первых, это привело к двум очень интересным вещам.

Во-первых, это привело к деградации информации, я бы даже сказал, к частичной гибели информации, потому что информации стали подчинять политическим задачам, она стала играть роль боевого, такого идейного оружия в политической борьбе. Посмотрите на эволюцию CNN, New York Times и других когда-то уважаемых интернет-ресурсов, которым сейчас не доверяет даже большая часть американцев, судя по опросам общественного мнения, потому, что они превратились в средства политической борьбы. Это вот одно. Деградация информации – это одно, но другое – это резкое возрастание политического значения информации и информационных ресурсов как фактор непосредственно формирующий, даже диктующего политические решения, политический выбор.

Поэтому я считаю, что это правильный вопрос, абсолютно правильный, что: должны ли быть представители средств массовой информации, участвовать в выработке законодательства и подходов, и концепцией, и доктрин в этой сфере в том же Совете Федерации? Безусловно, я считаю, что это очень, очень правильно. И кстати, комиссией по информационной политике мы постоянно проводим встречи с представителями правозащитной общественности. Михаил Александрович не раз принимал участие в таких встречах. Недавно у нас принимал участие его приемник Валерий Фадеев в заседании комиссии. Мы всегда приглашаем представителей средств массовой информации.

Кстати, вот этот закон, о котором сегодня наверняка говорил коллега Хинштейн – закон, который называют законом о блокировке интернет-платформ, я его называю не так. Я не считаю, что это закон о блокировке. Это закон о побуждении зарубежных интернет-платформ, прежде всего, к выполнению российского законодательства. Вот о чем этот закон. Этот закон мы тоже обсуждали нашей информационной комиссией в сентябре месяце с участием руководителей ведущих средств массовой информации России: и радио, и телевидения и RT, как нашего международного телевидения и ведущих российских газет. Так что я поддерживаю предложение, что в законодательном корпусе представители средств массовой информации, особенно люди с большим опытом и с глубоким пониманием проблем, которые понимают, что здесь важно с, одной стороны, защитить наше

информационное пространство, наш суверенитет, с другой, не навредить самим себе ненужной изоляцией, ненужными запретами. Я считаю, что такие люди, безусловно, нужны. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо, Алексей Константинович.

Вопрос Ильи Георгиевича Шаблинского*, профессора факультета права Высшей школы экономики.

Илья Шаблинский*:

Вопрос, который интересует очень многих пользователей.

Недавно на нескольких интернет-платформах, в частности в Instagram, в Youtube был опубликован материал Алексея Навального о технологии его отравления. О технологии, о лицах, которые принимали участие в этом. Посмотрели этот материал примерно от 10 до 12 миллионов человек, может быть и вы посмотрели. Как я понимаю и так думают очень многие люди, вся эта многотрудная деятельность по запрету Youtube, блокировке других интернет-платформ нацелена то, чтобы не допустить публикации подобных материалов, содержащих действительно реально серьезную критику власти, вас. Вот в этом смысл?

Алексей Пушкин:

Я не считаю, что в этом смысл потому, что вы же получили доступ к этому ресурсу. Я не слышал о попытках блокирования этого ресурса. Я вам больше скажу, в принципе в российском законодательстве, если говорить о блокировке, достаточно положений, которые позволяют блокировать, допустим, youtube за отказ фильтровать запрещенной в России контент. Но это какой контент? Вы знаете: сайты, которые пропагандируют наркотики, которые пропагандируют экстремизм, которые пропагандируют и распространяют детскую порнографию и так далее. Значит, по имеющейся информации google, а youtube – это его дочерняя компания, фильтрует примерно 70-80 % контента. Остальной контент 20% проходит по недосмотру ли это или сознательно ли это, я не берусь сказать, но вот Роскомнадзор сталкивается с таким фактом.

У Роскомнадзора, на самом деле, уже достаточно юридических инструментов, чтобы через суд, допустим, в случае, если встанет так вопрос, через суд блокировать эти интернет-ресурсы. Почему Роскомнадзор это не делает? Потому, что есть социальная потребность в этих платформах.

* - признан Минюстом РФ иноагентом

Ну, понятно, да youtube пользуются в России очень многие. И как средством информации и как средством профессиональной деятельности. Но почему тогда в этом случае мы приняли вот такой закон? Потому что нам нужен закон прямого действия, закон который позволит оперативно реагировать на нарушение нашего законодательства. Смотрите, так Роскомнадзор должен обращаться в суд, суд запрашивает, естественно, мнение той стороны. Это длительная история с перетягиванием каната, которая исключает принятие оперативных решений.

Вот, я опять сойду на американскую ситуацию: накануне выборов социальные сети блокируют ведущего кандидата в Президенты от республиканцев господина Трампа. Вот как здесь быть? Если они отказываются выполнять свои обязанности по информированию населения о том, что хочет сказать кандидат. Значит, в нашем случае, теперь этот закон прямого действия будет давать возможность Роскомнадзору напрямую обращаться в Генеральную прокуратуру, и Генеральная прокуратура по согласованию с МИДом будет принимать определенное решение.

Есть такие политические ситуации, когда носители информации или дезинформации в виде зарубежных интернет-платформ вступают в острые противоречия с нашим законодательством и нужна оперативная реакция на это. Вот для чего это делается. Я не предвижу того, что мы будем блокировать силы оппозиции, если бы так задача стояла. Я думаю, что эти попытки уже бы предпринимались, так или иначе. Конечно, кто-то говорит, что все равно можно пройти через, там, технологию, которая позволяет обходить эти фильтры, но я вам скажу такую вещь: вот, блокирование интернет-ресурса – это вещь довольно неприятная. Я могу сказать, две моих программы – программа "Постскриптум", которая виду на канале ТВ Центр уже более двух десятилетий, получили возрастное ограничение 18+. Значит от 20 июня и от 5 сентября в youtube. Почему? Объяснение они не дают, написано – эта программа должна быть подвержена возрастному ограничению. Значит, я начинаю выяснять, в чем дело. И логика подсказывает, что они заблокировали потому, что, как они считают, там показаны сцены насилия. Какого насилия? На дальнем плане представители афроамериканской общины Соединенных Штатов Америки избивают белых. Ну, это факт обратного расизма, сейчас в Америке появляется феномен черного расизма.

С точки зрения youtube это нужно блокировать. При этом tresh-stream, где там убивают в прямом эфире или, по крайней мере, вызывают смерть в прямом эфире своими действиями, они не блокируют. Они блокируют только после открытия уголовного дела. А вот в политической программе, которая посвящена, в том числе, и событиям в Соединенных Штатах, они находят, что

вот когда черные разбивают белых, это нехорошо, это показывать нельзя. Вот я считаю, что вот это является исключительно субъективной оценкой того, что должно показываться, что не должно показываться на территории нашего государства.

Я уже в своем выступлении сказал, что эти компании по всему миру подчиняются национальным законодательствам. Вот, мы вводим сумму предписаний определенных, которые будут иметь прямое действие. Если компания отказывается их выполнять, то Роскомнадзор сразу устанавливает штраф. Он не идет в суд, чтобы долго препираться там и решать, какой штраф будет. Он сразу устанавливает штраф своим собственным решением потому, что нарушение требует оперативного ответа.

Я понимаю вашу озабоченность тем, что это может быть, как вам кажется, использовано против оппозиционных сил, но я повторяю, до сих пор я не видел такого, я не заметил на расследованиях Навального, допустим, плашки 18+. А что такое плашка 18+? Это фактическая блокировка, потому что вы должны завести аккаунт в google, зайти туда. Вы не можете свободно зайти. Вот, у меня нет аккаунта, я могу свободно зайти в youtube и посмотреть все, что находится. Но здесь плашка, и мне нужно там регистрироваться, что-то заполнять. Я не хочу этого делать, мне это неинтересно, я лучше уйду и посмотрю какие-то другие носители.

Я не заметил, что были какие-то ограничения на то же самое расследование Навального, и, кстати, на заявления других оппозиционеров. Не видел я даже возрастных ограничений, что могло бы быть таким, знаете, лукавым способом блокировки. Пока я этого не видел.

Давайте будем говорить о тех феноменах, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Вот, на сегодняшний день я не вижу стремление власти заблокировать доступ к этим ресурсам в интернете, а закон, одним из авторов которого я являюсь, направлен на то, чтобы российские средства массовой информации не подвергались блокировке на этих интернет-платформах, потому что они действуют в российском информационном пространстве. Вот я считаю, в этом и есть суть закона, а если есть желание что-то блокировать, то это можно блокировать и без вот этого закона. В данном случае, просто упрощает процедуру нашего реагирования на нарушение нашего законодательства. Он не дает власти каких-то новых принципиальных инструментов для борьбы с российской оппозицией. Я думаю, что это просто разные темы.

Михаил Федотов:

Спасибо, Алексей Константинович.

Раз уж вы затронули эту тему, не могу сразу не отреагировать. Проблема ведь заключается в том, что наши телеканалы, которые размещаются в своих аккаунтах в сетях, они не являются СМИ, потому что СМИ может быть только сайт в интернете. Страница сайта быть СМИ не может. Это написано в нашем законе о СМИ. Не считаете ли вы, что можно сделать гораздо более простой способ навести порядок в русскоязычных социальных сетях, а именно предоставить возможность средствам массовой информации регистрироваться не только как сайт в интернете, но и как странице сайта? То есть страница сайта может быть зарегистрирована как средства массовой информации.

Это снимет проблему, связанную с тем, что в социальных сетях есть один сайт один, а каждый владелец аккаунта имеет свою страницу сайта. Если мы скажем, что владелец страницы сайта может зарегистрировать его по российскому законодательству как средство массовой информации, это создаст совершенно другую правовую ситуацию.

Но я об этом буду подробнее говорить в своем докладе, когда мы платформу превращаем в место, где действуют уже средства массовой информации. И тогда, действительно, есть возможность говорить о цензуре и так далее. Это может создать совершенно другую правовую ситуацию. Как вы к этому относитесь?

Алексей Пушков:

Я в принципе считаю это интересным предложением. Единственно, не хотел бы, чтобы здесь возникли какие-то злоупотребления.

Что я имею в виду? Вот, например, меня сейчас последнее время озаботила тема tresh-streaming. Вы знаете, что погиб человек недавно, во время такого tresh-streaming. Автор это стриминга арестован, открыто уголовное дело по причинению ущерба здоровью, повлекшего за собой смерть.

Вообще tresh-streaming тяготеет к таким формам насилия, как издевательства над человеком, его избиение в прямом эфире, унижение, оскорбление, унижение человеческого достоинства. Я бы не хотел, чтобы, допустим, трэш-стримеры могли регистрироваться в качестве средства массовой информации свою страницу, потому что тогда они будут претендовать на статус СМИ, а они СМИ не являются. Они являются формой коммерческой деятельности в интернете, индивидуальной, я бы сказал, коммерческой деятельности в интернете. Интернет, в данном случае, СМИ не является. Интернет является просто технологиями, через которые они демонстрируют, вот, свой трэш-стрим и за это получают определенные доходы.

Вот, я сейчас погрузился в эту тематику, и я настаиваю на том, что трэш-стримеры вообще не могут считаться не журналистами, не, так сказать, производителями информационного контента. Потому что иначе они будут тогда пользоваться теми правами и той защитой, которые пользуются журналисты средств массовой информации.

Но СМИ все же имеют определенную ответственность перед читателями, перед пользователями. Трэш-стримеры – это абсолютно безответственная зона, она расширяется сейчас. Я хочу сказать, что этот стрим с убийством в прямом эфире, так я условно его назову, посмотрело 20 миллионов человек. Представляете, какая это аудитория? Понятно, здесь скандальный аспект был, это может быть особая ситуация, но, тем не менее, довольно большой спрос на вот эту коммерческую деятельность, содержащую и транслирующую элементы насилия и унижения, и так далее.

Вот поэтому здесь есть, как мне кажется, определенная опасность. Тогда нужно разграничить вот эту регистрацию страниц сайтов от средств массовой информации достаточно жесткими критериями, чтобы различные индивидуальные предприниматели, которые пользуются интернетом как технологией, не могли протаскивать туда контент, который, во-первых, противоречит либо российскому законодательству, либо противоречит требованиям морали и нравственности. Я считаю, что из требований морали и нравственности. Я считаю, что эти требования морали и нравственности должны быть важнейшей составной частью оценки того, что мы видим и к чему люди имеют доступ в интернете.

Михаил Федотов:

Спасибо, Алексей Константинович. Вопрос Григория Томчина. Пожалуйста, Григорий Алексеевич.

Григорий Томчин:

Спасибо большое за выступление законодателей. Но у нас наша тема конференции несколько шире, чем борьба с американцами. С американцами вы боретесь хорошо – умеете, это видно. Но у нас именно информация скорее СМИ и пандемия. В период пандемии вопросы государственной официальной информации, статистической информации, приобрели достаточно массовый контент и приобрели конкретное влияние на огромные массы людей, на их поведение, на поведение сегодня, завтра, послезавтра.

Это появилось практически с апреля месяца, когда все с утра смотрели все эти данные. И здесь появилось такое интересное воздействие: власть, соревнуясь между собой, – различные ведомства, различные регионы –

допускала... ну, я хотел сказать, ложь, но скажу – вранье. Причем, вранье преднамеренное. В некоторых случаях это было связано с получением большего количества денег из бюджета. Это в основном региональные минздравы. Они давали иные данные, чем на самом деле.

Федеральные соревновались с американцами, с французами, еще с кем-то – занижали данные. Причем, это видно прямо из информации, которую передают. Но, скажем, если вы сегодня посмотрите официальные данные Роспотребнадзора, я вот заметил по Воронежской области, и проанализируйте, то выяснится, что в Воронеже люди болеют два дня, не больше, ковидом. Просто из этих данных видно, что болеют два дня.

В Питере данные питерского минздрава и данные оперштаба различаются примерно в два раза. Данные о смертности вообще непонятно откуда и как получаются.

Эта вся информация не откуда-то добыта журналистами, это официальная информация различных ведомств. Вот вы как законодатели,... а эта информация очень серьезно влияет сегодня и на отношение людей к рекомендуемым ограничениям, и самоограничениям, поскольку народ, увидев эту информацию, говорит, что вы там все внесете. И мы не верим ничему. И тогда не верят и правдивой информации в том числе. Вот, вы что-то предприняли? Собираетесь как-то регулировать? Чтобы власть перестала... или хотя бы врал скоординировано, чтобы врал одинаково. Не просто говорила правду, а чтобы врал одинаково, чтобы иметь какие-то воздействия. А то получается ежедневное разрегулированное вранье различных ведомств. Ежедневно. И продолжается до сих пор. Смотрите статистику официальную. Спасибо.

Алексей Пушкин:

Значит, во-первых, я бы хотел сказать, что наша задача состоит не в борьбе с американцами, а в защите нашего информационного пространства. Я хочу четко здесь подчеркнуть и еще раз подчеркнуть, что этим занимаются все страны мира.

Вторую тему: смотрите, здесь есть два вопроса. Во-первых, ваш вопрос в значительной степени к органам исполнительной власти, потому что они дают эту информацию. Это не законодатель. Мы не можем проконтролировать достоверность того, что идет из того или иного региона. У нас нет для этого инструментов, вы же знаете. Вы же сами работали в системе государственной власти, и вы прекрасно знаете, что не у Государственной Думы, не у Совета Федерации инструментов такого рода контроля нет.

У меня спрашивают, надо ли вводить законодательные инструменты контроля. Я, во-первых, так скажу. Конечно, эта тема пандемии и информации по поводу пандемии – это достаточно новая ситуация, с которой мы все столкнулись впервые. Это первое.

Второе: здесь, я думаю, что специальное законодательство вряд ли должно быть. Здесь речь скорее идет о применении существующего законодательства к тому, чтобы органы власти несли ответственность за ту информацию, которую они выдают в публичное пространство.

Да, возможно, следует уделить большее внимание этой информации со стороны законодателей для того, чтобы это стало предметом большего внимания со стороны исполнительной власти. То есть мы политически можем попытаться повлиять на то, чтобы информация действительно была достоверной. То есть призывать исполнительную власть внимательнее к этому относиться, потому что от этого зависит доверие граждан к исполнительной власти. Но принять какой-то закон, который обяжет все муниципалитеты и города малые и большие и так далее давать абсолютно достоверную информацию, – я не очень понимаю как это возможно. Как вообще можно проследить за выполнением такого закона.

Поэтому с точки зрения политической: да, законодательный корпус, конечно, должен настаивать на достоверности этой информации, я здесь с вами не собираюсь спорить. Но вместе с тем, я думаю, что все же вы дали слишком мрачную картину. Я скажу, что какие-то искажения могут быть, но я не думаю, что есть какая-то единая централизованная система искажения информации. Я не считаю, что она существует. Поэтому здесь речь скорее идет о политической ответственности органов исполнительной власти перед гражданами за достоверную информацию. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо, Алексей Константинович.

Я благодарю вас за ваше очень интересное выступление и очень подробные ответы на все вопросы. Спасибо, что приняли участие в нашей конференции, и я надеюсь, что вы не будете отключаться, а послушаете выступления и других участников.

А теперь я предоставляю слово Юрию Михайловичу Батурину, член-корреспонденту Российской Академии наук, доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедры компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита Московского государственного Университета имени Ломоносова, летчику-космонавту и так далее, и так далее.

Юрий Михайлович, тема вашего выступления, которое вы заявили «Нейросетевые технологии против когнитивной свободы». Вам слово.

Юрий Батурин:

Спасибо, Михаил Александрович, я еще не успел забыть тему своего выступления. Спасибо, что напоминаете. Я ставлю свою презентацию, включаю слайд-шоу и начинаю доклад.

Нейросетевые технологии против когнитивной свободы. Возможности информационных технологий растут очень быстро и только за текущий год мы столкнулись со множеством способов нарушения частной сферы жизни: от нарушения законодательства о персональных данных до распознавания лиц по особенностям вашей мимики при проявлении тех или иных эмоций.

Это все, в общем, происходило как последствия такой важной работы, как контроль во время пандемии: пропуска, контроль появления людей на улицах и так далее. Но все эти действия мало того, что они происходят с нарушением законодательства, зачастую они опасны в перспективе своего развития. Многие из этих новшеств реализованы на нейросетевых технологиях, в основе которых лежит далеко уже не новая, больше века нейронная доктрина.

Вот Рамон-и-Кахаль в 1906 году получил Нобелевскую премию за неё. И суть этой доктрины состоит в том, что каждый отдельный нейрон человеческого мозга, он, в общем-то, прост. И он всего лишь посылает один сигнал. Но, когда громадное количество нейронов соединяются вместе, они становятся огромной вычислительной мощностью.

И вот, в наш век компьютеризации и создания мощных компьютеров инженеры и ученые создали,.. извините, не в наш век, а еще в прошлый 20 век... создали искусственные нейроны и соединили их в обширные сети, чтобы посмотреть, насколько обучаемой и умной окажется коммутация нервной системы.

Эта технология, можно сказать, перевернула мир. Поисковая система в интернете, цифровые помощники, которые будто бы понимают вашу речь, беспилотные автомобили, алгоритмы торгов на бирже, начинка вашего смартфона – все это, вся эта обыденность, она работает, в том числе, и на искусственных нейронных сетях.

А вообще-то нейросеть, несмотря на такое научное название, штука очень простая: на входе нейросети множество входных узлов, на которые мы подаем любую информацию, между входом и выходом лабиринт нейронов, по которому протекает информация. Сначала нейронную сеть обучают по специальной выборке с заранее известными результатами. Ну, например, на

вход подают цифровую информацию с камеры, с видеокамеры, а на другой вход – список имен, а на третий вход – сигнал правильно или неправильно. Сначала нейросеть связывает цифровую информацию и имена случайным образом, но по мере повторения она обучается, то есть вносит изменения в маршрутизацию сигналов у нейронов. После того как нейросеть достигает заданного порога натренированности ее можно использовать на практике. Самой нейронной сети все равно, что ей искать: какую задачу ей поставили, такую она решает.

Я хочу оттолкнуться от одного из событий двадцатого года, которое для меня ясно обозначало новую угрозу правам и свободам человека, в том числе и тем, которые обычно являются предметом нашей традиционной конференции. Летом по интернету широко прошло сообщение о том, что одна из социальных сетей начинает использовать нейросеть для отслеживания и блокирования *hate speech*. *Hate speech* – риторика вражды, язык ненависти. Я лишь мельком замечу, что *hate speech* в строгом смысле слова отслеживать таким образом все равно не удастся. А система, о которой идет речь, настроена на определенные слова, которые помещают в словари бранной лексики.

Поскольку, я повторяюсь, нейросети абсолютно все равно на поиск каких слов ее ориентируют, мне показалось, что под видом борьбы с *hate speech* – потому, что с *hate speech* просто так не поборешься – тестируется автоматическая система цензурирования. Поскольку не приходится сомневаться в успехе поставленной задачи, я уверен, что в двадцать первом году нас ждет уже нейро-сетевая цензура.

Полагаю, надо бы озаботиться хотя бы поправкой к статье о цензуре Закона о СМИ. Правда не знаю, как быть с поправкой к соответствующей Конституционной статье, но как раз об этом я сейчас и хочу поговорить потому, что в перспективе ситуация выглядит значительно сложнее. Настолько, что нейро-сетевая цензура покажется нам детскими игрушками в сравнении с подступающей новой реальностью.

Если бы мы могли описать все нейроны, как при создании нейросети, если бы могли описать все нейроны человека и характер связи между ними, мы получили бы саму сущность этого человека, сущность личности. Такая гипотетическая карта нейронов и их связей называется «коннектом». Ученым удалось картировать человеческий геном, а когда-то это считалось абсолютно невозможным. Сегодня уже ведутся работы по картированию коннектома. Небольшие пока достижения уже используют и это не удивительно.

Первой начала использовать их полиция. В США... я называю США не потому, что мы с ними боремся в информационной сфере, просто они наиболее продвинутые в этой сфере, ну а мы где-то идём... не в хвосте, конечно, но где-

то в середине. В США с помощью функциональной магнитно-резонансной компьютерной томографии полицейские уже успешно читают по образам, по имиджам в мозге цифровые пароли. Человек знает свой пароль, он в мозге, он его помнит, его можно прочесть. Цифры, их всего десять – научились читать. И цифровые пароли считывают. Но не только цифровые, конечно, там и буквенные тоже – те, которые человек запоминает. И считывают также молчаливые ответы на вопросы. Такие мысли, очень простые пока: «Я там был», «Я его видел», «Я его не видел» и так далее.

Эти ответы на заданные и даже незаданные вопросы возникают в мозге опрашиваемого автоматически без его сознательных усилий. Вот эти молчаливые ответы могут возникать и при взгляде на фотографии, вещи, документы.

Показывают вам фотографию человека, даже вопрос не задают и читают имидж, который возникает в вашем мозге. И классическая теперь уже фраза, которую вы слышите в каждом детективе американском «Вы можете соблюдать молчание, поскольку любая фраза может быть использована против вас» теперь может быть заменена на следующую: «Вам лучше не молчать, поскольку при чтении вашего мозга мы можем узнать гораздо больше опасного для вас».

Столь быстрые успехи нейронауки позволили сделать колоссальные шаги к новому миру и миру опасному. Один из экспериментов: в США скачали 18 миллионов секунд видео, на которых провели обучение нейросети по усредненным видеоклипам. Как я показывал вначале, нейросеть с поразительной точностью восстановила в виде изображения – не из этого набора, видеоизображение, которое показывали ранее испытуемым. И это говорит о том, что скоро можно будет считывать из мозга целые сцены, которые помнят допрашиваемые.

В будущем правительства и их департаменты, осуществляющие полицейские функции, могут легко получить скрытое содержание ваших мыслей из физиологических параметров и эмоций. Таким образом, куда быстрее, чем на Марсе, мы окажемся в новом, совершенно новом мире, незнакомом нам, с применением нейроцензуры и ментальных обысков. И мы окажемся там – в начинающемся десятилетии, я уверен, с 2021 до 2030 года.

Здесь возникает целый веер вопросов для юридической науки. Например, что такое «свидетельствовать»? Как быть с конституционным правом не свидетельствовать против себя? Где баланс между интересами общества сфере безопасности и правам личности на внутреннюю конфиденциальность? Останется ли у человека хоть какая-то ментальная автономность? Возникает вопрос о допустимости доказательств, полученных

с помощью нейровизуализации. Неясен, каков процессуальный статус молчаливых ответов, относить ли их связи к свидетельским показаниям или к вещественным доказательствам? Есть ли разница между паролем, записанным на листочке и найденным, и паролем, считанным непосредственно из мозга? Какие изменения появятся в уголовном праве в категории умысел? Но я рекомендовал бы уже сегодня, в первую очередь, задуматься о конституционных гарантиях когнитивной свободы и о конституционных ограничениях нейроцензуры и иных подобных действий. По крайней мере для того, чтобы ответить на вопрос: существует ли еще частная жизнь и существует ли еще внутреннее «я»?

Мне кажется, что общество, заинтересованное в надежно защищенной когнитивной свободе, захочет оградить граждан от незаконных обысков мозга и добывания в нем доказательств чего-либо. То, что нынешнее состояние законодательства это обеспечить не может, должно заставить нас задуматься – личные мысли, личные воспоминания, скрытые пока творческие замыслы помогают нам ощущать автономию личности и неприкосновенность сразу. Пока помогают!

Ментальная сфера имеет существенное значение для фундаментальных концепций свободы мысли, свободы выражения, свободы воли, индивидуальной автономии. И от того, сохраним ли мы неприкосновенной ментальную сферу или нет, зависит, каким обществом мы станем. Возможно, начнем эволюционировать так, чтобы самостоятельно, уже без помощи законодательства или государства, ставить умственные блокировки против считывания мыслей.

Это совершенно новая ветвь эволюции человека. Пока законодательство не обеспечивает адекватной защиты от таких вторжений. Масштабы проблемы и развитость информационных технологий, и скорость, с которой они развиваются и внедряются в практику, говорят как о своевременности, так и важности разработки соответствующего законодательства. Спасибо за внимание.

Михаил Федотов:

Спасибо, Юрий Михайлович. Вы нас ввергли в какие-то новые Галактики.

Юрий Батурин:

Мы уже на пороге, Михаил Александрович. Вспоминая закон о печати 1990-91 годов, надо думать уже и о 2030.

Михаил Федотов:

Да, конечно. Конечно, у нас с вами будет возможность. Сейчас запланирован мой доклад, если можно, вы сейчас убираете свою презентацию, я поставлю свою, с вашего разрешения. Спасибо.

Итак, коллеги, тема моего сегодняшнего выступления: «Адаптационные возможности российского медийного законодательства в контексте международной информационной безопасности». Она не столь инновационна как выступление нашего дорогого Юрия Михайловича Батурина. Он нас поднял в эмпиреи, как полагается космонавту, он нас оторвал далеко от Земли. Я постараюсь, наоборот, приблизиться максимально к Земле.

В связи с этим, я хочу прежде всего заметить, что традиционно на декабрьских конференциях по медийному законодательству мы анализируем изменения, которые были внесены в уходящем году прежде всего в закон о СМИ.

В високосном двадцатом году в закон о СМИ была внесена только одна поправка. Это был федеральный закон от 1 марта 2020 года, была изменена редакция статьи 35 закона о СМИ, которая определяет порядок распространения обязательных сообщений. Хотя изменения носили преимущественно редакционный характер, однако примечательно, что касались они вопросов использования СМИ, внимание, для оповещения населения о возникающих опасностях природного и техногенного характера. Как нельзя кстати в условиях пандемии, которая еще тогда не началась. Она была объявлена ВОЗ через 10 дней после для подписания этого закона. Поэтому говорить о том, что мы заранее подготовились этой поправкой в закон о СМИ к пандемии невозможно, поскольку сам законопроект был внесён в Госдуму еще в июне 2019 года.

Так вот, в условиях разразившейся пандемии принятая поправка оказалась очень кстати, но она, к сожалению, не смогла, да и не была предназначена для того, чтобы предотвратить инфодемию, которая в свою очередь обострила проблемы, связанные с определением предмета регулирования медийного законодательства и корректировки ключевого в этой сфере понятия «средства массовой информации».

Разумеется, создавая закон о СМИ в 1991 году, мы ориентировались, прежде всего, на доминировавшие в то время средства массовой коммуникации: периодическую печать, телевидение, радио, информационные агентства. Мы даже постарались не забыть колхозные многотиражки, которые тогда существовали, собкоров бывших союзных республик, которые тогда были. Следы этих стараний сохранились по сей день в законе о СМИ в статьях 52 и 55. Можно было бы сейчас от них уже и отказаться, но мы смотрели не

только в прошлое, но и в будущее, и предусмотрели в статье 24, которую сейчас вы видите на экране, правила для так называемых иных средств массовой информации. Для периодических печатных изданий мы предусмотрели расширение сферы применения для текстов, созданных с помощью компьютеров и хранящихся в их базах, в банках и базах данных.

Правила для теле- и радиопрограммы предложили использовать для системы телетекста, видео текста, иные телекоммуникационные сети. Здесь впервые у нас появился термин телекоммуникационные сети, но с течением времени эта формулировка все меньше могла удовлетворять растущее многообразие средств массовой информации в условиях широкого распространения цифровых технологий. И в 2011 году, хотя можно было бы сделать это пораньше, законодатель исключил эту статью из закона о СМИ, предусмотрев возможность регистрации сайта в качестве средства массовой информации.

Для этих целей было введено понятие «сетевое издание». Вот, сетевые издания стали первыми новыми медиа. Под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с законом о СМИ. В то же время, что было важно, большим преимуществом данного понятия являются его диспозитивность – регистрация сайта в качестве СМИ не является обязательной. Сайт может быть зарегистрирован как сетевое издание. Если сайт не зарегистрирован как сетевое издание, то он средством массовой информации не является. Это абсолютно правильная и очень точная формулировка. Но у этой формулировки есть недостаток: это то, что она не учитывает особенности распространения массовой информации в социальных сетях, поскольку распространение массовой информации в социальных сетях идет не через сайты, а через страницы сайтов.

Сетевым изданием признается только сайт, но не страница сайта, не аккаунт социальной сети или на видеохостинге. В этой связи вполне логично возникает предложение, о котором я сегодня уже говорил, задавая вопрос Алексею Константиновичу Пушкину: предложение расширить понятие сетевого издания, разрешив регистрировать в качестве СМИ не только сайты, но и страницы сайта. Безусловно, это создаст совершенно новую правовую ситуацию, которая требует тщательного исследования, о чем сегодня еще много, наверно, будет сказано.

Одновременно законодатель неоднократно предпринимал попытки таким образом изменить закон о СМИ, чтобы, не расширяя понятие средства массовой информации, распространить действие закона на весь интернет.

Первая такая попытка была предпринята еще в 1995 году, когда в статью 4 закона СМИ, определяющую содержание понятия злоупотребления свободой массовой информации, была внесена поправка, запрещающая использование скрытых вставок, воздействующих на подсознание люди не только в СМИ, как это было предусмотрено изначально. С 1991 года был запрет на использование скрытых вставок, так называемого 25 кадра по телевидению. В 1995 году решили расширить сферу применения этого запрета и написали: что нельзя использовать 25 кадр также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации.

Коллеги, как это ни удивительно, эта норма сохранилась по сей день, более того она получила отражение и в кодексе об административных правонарушениях, хотя нигде мы не можем найти ответ на вопрос о том, а о чем идет речь в этих текстах. Никто даже не предпринял попытку объяснить, какое содержание вложил законодатель в эти формулировки. Поскольку ни информационные компьютерные файлы, например, файл с текстом моего сегодняшнего выступления, ни программы обработки текстов, например, программа word – они не являются средствами массовой информации, в том числе, специальными. Напротив, вообще в законодательстве не определяется нигде, больше не используется термин специальные средства массовой информации. Нет такого. Используется термин – специализированные средства массовой информации. Но речь здесь совершенно о другом. Это те средства массовой информации, для регистрации или распространения продукции которых законом установлены специальные правила, то есть какие это специализированные СМИ: эротические СМИ, рекламные СМИ, культурно-просветительные, предназначенные для детей, подростков, инвалидов. Вот что это такое.

Поэтому загадочную формулу законодателя до сих пор никто не смог разгадать и боюсь, что теперь это нам уже не удастся.

Позднее законодатель испробовал другую формулировку, чтобы распространить действие закона о СМИ на весь интернет. В 2000 году была внесена в статью 4 поправка, устанавливающая запрет на распространение определенной информации не только в СМИ, но также в компьютерных сетях, а позднее в 2011 году законодатель заменил слова «компьютерные сети» на «информационно-телекоммуникационные», что больше соответствует, конечно, Закону об информации и информационных технологиях и защите информации. Но закон об информации был принят еще в 2006 году, то есть, значительно раньше можно было бы внести поправку закон о СМИ, чтобы

привести его в соответствие с законом об информации. Но это было сделано только в 2011 году.

И что же у нас получилось? Вот эта формула в информационно-телекоммуникационных сетях прочно поселилась в статье 4 закона о СМИ, и она распространилась также на запрет распространения информации о несовершеннолетних, о наркотиках, о способах изготовления взрывчатых устройств и о розничной дистанционной продаже алкогольной продукции. Однако невозможно объяснить, во-первых, почему она касается распространения информации, например, о наркотиках и несовершеннолетних и не касается, например, распространение информации о методах борьбы с терроризмом или составляющей специально охраняемую законом тайну.

А во-вторых, это самое главное: как эта формула согласуется с предметом регулирования закона о СМИ. Предмет регулирования у нас определен в статье 6 и определен совершенно однозначно: настоящий закон применяется в отношении средств массовой информации и не применяется в отношении предметов, которые не являются средствами массовой информации. Под действие закона попадают только те общественные отношения, в которых участвуют средства массовой информации, учреждаемые в России или распространяющие свою продукцию на территории России.

Вопросы, касающиеся распространения массовой информации через СМИ, могут и должны регулироваться законом о СМИ. Напротив, вопросы, касающиеся распространения массовой информации, минуя СМИ, не могут и не должны регулироваться законом о СМИ, если мы не изменим предмет регулирования данного закона путем расширения понятия СМИ. И в этой связи я хочу напомнить рекомендацию совета Европы 2011 года о новом понятии СМИ. Речь идет, прежде всего, о появлении информационно-посреднических структур: агрегаторы контента, социальные сети, операторы платформы, сервисов и так далее, а также о многократном приумножении числа конечных пользователей, становящихся не только потребителями, но и производителями массовой информации.

При этом нередко информационно-посреднические структуры становятся не только маршрутизаторами информационных услуг, но и присваивают себе право устанавливать правила пользования созданным ими коммуникационным пространством. Невзирая на то, что сами эти пространства уже приобрели характер среды обитания многих миллионов людей. Декларация Совета Европы от 7 декабря 2011 года о защите свободы выражения мнения и свободы объединения в связи с деятельностью частных интернет-платформ и провайдеров интернет-услуг отмечает, что, несмотря на

то, что данные платформы управляются в частном порядке, они являются значительной частью публичной сферы благодаря содействию в обсуждении вопросов представляющих общественный интерес.

Таким образом, мы наблюдаем появление нового социального регулятора, не имеющего в своем генезисе ни государственную власть, ни гражданское общество, но способного серьезно влиять на пространство массовой коммуникации.

Важной отличительной особенностью этого социального регулятора является то, что его нормы действуют, как правило, автоматически, благодаря программным алгоритмам и основанным на их использовании технологиям искусственного интеллекта, теми самыми нейронными сетями, о которых говорил Юрий Михайлович Батулин. Иными словами, программный код в реалиях киберпространства становится не только своего рода источником права, но также и правоприменителем с функциями надзора, контроля, рассмотрения претензий, принятия и исполнения решений.

Естественно, сюда попадают и функции цензуры, несмотря на ее запрет в конституциях многих стран мира. Отсюда следует высокая ответственность программистов как создателей алгоритмов и их заказчиков, ошибки, халатность или злой умысел, которых могут иметь катастрофические последствия, особенно в ситуациях, когда информационно посредническая структура обеспечила себе доминирующую позицию на национальном уровне или даже в глобальном масштабе.

Наряду с появлением нового социального регулятора – программного кода – наблюдается стагнация правового регулирования в данной сфере. В большей степени это явилось результатом трансграничности информационно-коммуникационного пространства, допускающего эффективное правовое регулирование только при условии, что оно будет столь же трансграничным. Необходима международная конвенция, которая, во-первых, установила бы зоны национальной юрисдикции в интернете по аналогии, например, с Арктикой. Во-вторых, установила применительно к интернету общие правила действия норм национального законодательства в пространстве, во времени и по кругу лиц. В-третьих, признала право каждого на доступ в киберпространство, в качестве одного из прав человека. В-четвертых, установила правила соблюдения в интернете международных конвенций о правах человека, а также других международных конвенций.

Однако, как показывает практика международных отношений, перспектива заключения всеобщей конвенции, регулирующей деятельность в интернете, к которой присоединились бы все страны мира, остается пока весьма туманной.

В отсутствие международно признанных основ правового регулирования деятельности в киберпространстве национальные законодатели чаще всего прибегают к самому простому и прямолинейному ответу на распространение в киберпространстве нежелательной информации – блокировке доступа к информационному ресурсу. Однако сетевая природа интернета и быстро развивающиеся технологии позволяют при желании легко обходить эти блокировки. Чтобы стать действительно эффективными такие блокировки должны выйти за пределы национальных юрисдикций и обрести глобальный характер. Такое невозможно или, во всяком случае, крайне маловероятно, пока нет универсальной международно-правовой платформы, и одна и та же информация может квалифицироваться национальными законодательствами диаметрально противоположными характеристиками.

Следующий шаг в поиске оптимального регулирования новых медиа Совет Европы сделал в рекомендации 2012 года «О защите прав человека применительно к поисковым системам». Рассматривая устанавливаемые провайдерами правила пользования как средство саморегулирования, Совет Европы предупреждает, что такое саморегулирование провайдера может граничить с вмешательством в права других людей. Вот почему в рекомендации подчеркивается, что данный механизм должен быть прозрачным, независимым, отчетливым и эффективным, а ИТ-отрасли следует развивать кодекс саморегулирования для выполнения гарантий защиты основных прав физических лиц.

В представлении Совета Европы современная медийная экосистема включает всех участников, связанных с производством и распространением контента среди потенциально большого количества людей и способов применения, которые направлены на то, чтобы содействовать интерактивным массовым коммуникациям, при этом сохраняя редакционный контроль или надзор над контентом. Именно так Совет Европы предлагает отныне определять понятия средства массовой информации. И соединяя это предложение со словами, которые были мною сказаны ранее, о возможности регистрации страниц сайтов в качестве средств массовой информации, можно получить искомый правовой продукт.

Предложенная Советом Европы концепция нового понимания СМИ предполагает дифференцированный и градуированный подход, опирающийся на 6 критериев, которые вы видите здесь на слайде, каждый из которых включает набор индикаторов, призванных, как сказано здесь, помочь политическим руководителям определять СМИ и деятельность сферы СМИ в новой медийной экосистеме. При этом все критерии и индикаторы должны применяться гибко, как написано в рекомендациях Совета Европы, то есть

толковаться в контексте конкретных ситуаций или реальности. Но, когда я вдумываюсь в эти рекомендации, у меня большой возникает вопрос. Потому что то, что предлагается здесь, такая гибкость возможна только в правоприменении, но она невозможна в нормотворчестве, которое в противном случае возвращается к утраченным много веков назад казуальности и субъективности.

Теперь рассмотрим эти критерии. Критерий первый – намерение действовать в качестве СМИ. Предполагает такие индикаторы как самоопределение в качестве СМИ, рабочие методы типичные для СМИ, приверженность стандартам профессиональных СМИ. Данный критерий носит прежде всего субъективный характер, поскольку опирается исключительно на собственное позиционирование того или иного актора медийной сферы. В этом плане он вполне соответствует закрепленному в статье 8 закона о СМИ, который я показывал на экране, принципу добровольной регистрации интернет-сайта в качестве сетевых изданий.

Второй критерий – цель и основные задачи СМИ. Содержат такие индикаторы как производить, агрегировать или распространять медиа-контент с периодической заменой и обновлением контента. Это тоже абсолютно созвучно признакам СМИ, которые упоминаются в российском законе о СМИ: под средством массовой информации понимается форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием.

Таким образом, единственный формальный критерий, который был упущен в рекомендации Совета Европы – это постоянство названия СМИ. Все остальное полностью соответствует.

Третий критерий – редакционный контроль. Он опирается на такие индикаторы как редакционная политика, редакционный процесс, регулирование и редакционная работа. Очевидно, что сохранение и развитие редакционной свободы и независимости в терминологии российского закона о СМИ – это профессиональная самостоятельность редакции, абсолютно необходимая для обеспечения гарантированных Конституцией свободы мысли и слова, свободы мнения, свободы массовой информации.

Соответственно редакционная независимость имеет своей обратной стороной собственный редакционный контроль за: производством, выпуском СМИ, надзором за содержанием и ответственностью материалов, размещаемых пользователями.

Таким образом, и здесь тоже наш закон о СМИ вполне соответствует рекомендациям Совета Европы, четвертый критерий – профессиональные стандарты. Он наиболее тесно связан с институтом медийного саморегулирования и предполагает следующие индикаторы: обязательства,

процедуры соблюдения и процедуры жалоб. В рекомендации подчеркивается, что этические принципы и стандарты СМИ являются основой для всех систем подотчетности СМИ перед обществом. Сами же эти системы могут быть разнообразны. В России, как мы знаем, существует уже с 2005 года Общественная Коллегия по жалобам на прессу, а до этого существовала та самая Судебная Палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации, о которой сегодня уже было сказано.

Ещё один индикатор, который указан в рекомендации применительно к четвертому критерию – это утверждение прерогатив прав и привилегий. В данном случае я полагаю, что этот индикатор является не столько признаком, сколько следствием официальной легитимации данного актора медийной экосистемы в качестве средства массовой информации. Согласно статье 2 российского закона о СМИ, журналист наделяется профессиональными правами и обязанностями только в том случае, если он занимается редактированием, созданием, сбором или подготовки сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации и связан с ней трудовыми или иными договорными отношениями.

Пятый критерий – сфера охвата и распространения носит ярко выраженный информационно-технологический характер. Он опирается на такие индикаторы как: реальное распространение, массовая коммуникация в агрегированном виде и ресурсы для сферы охвата.

Наконец шестой критерий – ожидания общества предполагает такие индикаторы как: доступность, плюрализм и многообразие, надежность, соблюдение профессиональных и этических стандартов, подотчетность и транспарентность. Чтобы СМИ могли выполнять роль одного из столпов демократии, они должны пользоваться доверием общества. В свою очередь доверие общества зависит от редакционной политики, прозрачности отношений собственности и контроля, наличия профессиональных и этических стандартов, процедуры рассмотрения жалоб в отношении контента и так далее.

Подводя итог сказанному, хочу подчеркнуть, что адаптационные возможности действующего закона о СМИ вполне достаточны для воплощения идеи нового широкого понятия СМИ, охватывающего всех акторов современной медийной экосистемы. Однако такая адаптация требует очень тщательной научной проработки и категорически исключает спешку.

Спасибо за внимание.

Михаил Федотов:

Коллеги, теперь мы переходим к вопросам и ответам. Сейчас на вопросы отвечают Юрий Михайлович Батурин, Михаил Александрович Федотов и Владимир Львович Энтин, то есть предыдущие докладчики.

Юрий Батурин:

Ну, тогда я готов предоставить микрофон Владимиру Львовичу. Я бы хотел начать с вопросов в чате. Давайте тогда сначала вопросы Владимиру Львовичу. Он раньше делал доклад.

Пожалуйста, вопросы Владимиру Львовичу.

Михаил Федотов:

Пожалуйста, вопросы Владимиру Львовичу, Юрию Михайловичу и мне, если есть вопросы.

Юрий Батурин:

Давайте я начну с чата.

Илья Шаблинский*: «Насколько развиты программы, которые изучают и анализируют содержание поисковых запросов пользователей? Это тоже поле для нейросети?»

Да, конечно. Это уже давно большой бизнес. Это, так называемый, профайлинг.

Стоит вам, например, поинтересоваться гостиницей в Пскове, как вы будете постоянно получать всплывающие окна о гостиницах в Пскове и так далее. И это будет до тех пор, пока не поинтересуетесь, где можно купить воздухоочиститель и какие есть типы этого – и тогда вас забросят воздухоочистителями.

Это уже как бизнес давно, действительно. Поэтому это такой простой способ делать деньги с помощью нейросетей. А здесь у меня все-таки в докладе речь шла не о том, как сделать деньги, немножко о другом.

Григорий Томчин спрашивает: «Непонятно, что будет в этом случае с госустройством вообще».

Ну, это не вопрос, но я согласен: в общем, действительно, не понятно. Поэтому я и предлагаю задуматься сейчас. Представьте себе, всего одна дополнительная процедура при приеме на госслужбу и государственный аппарат начинает меняться. Это просто один из маленьких примеров.

Владимир Львович: «Когнитивный посыл законодателя, о котором говорит Михаил Александрович Федотов, может быть разгадан с помощью нейросетей или это невозможно?»

* - признан Минюстом РФ иноагентом

Владимир Львович, если речь идет об одном каком-то законе, то, конечно, нет. Потому, что нейросеть должна обучиться на большом массиве каком-то. Мы можем свалить все законодательство в нейросеть, ну тогда мы получим как бы такой обобщенный посыл законодателя к чему вести нашу страну.

Пожалуйста, я слушаю, если есть вопросы.

Марина Карелина:

Юрий Михайлович, добрый день. Карелина Марина Максимовна, если помните, вместе в свое время работали.

У меня к вам вот какой вопрос: сейчас в сфере интеллектуальной собственности, в сфере ответственности за объекты интеллектуальной собственности возникает куча, с моей точки зрения, иллюзий по поводу того, что если искусственный интеллект – элемент творческий. И сам искусственный интеллект может выступать субъектом... там, до роботов уже дело дошло... субъектом правоотношений, связанных с нарушением прав на объект интеллектуальной собственности. Вот, как вы считаете, вот эти идентификационные моменты, они носят технический характер и, соответственно, искусственный интеллект – это некое техническое средство для человека, либо он действительно должен заменить?

Я не говорю о том, о чем вы сегодня говорили, тут новые вопросы возникли. Как вы считаете?

Юрий Батурин:

Я понял, спасибо.

Ну, я считаю, что все, что сейчас называется искусственным интеллектом, никаким искусственным интеллектом, на самом деле, не являются вообще. Хотя бы просто для того, чтобы строить искусственный интеллект, нужно перейти в другую систему координат. Вот, скажем, от всей этой декартовой системы, которая уже с какого-то века существует, надо перейти к так называемым **эмадическим** системам координат. Я не буду объяснять, что это такое, но человек не мыслит в категориях 0 и 1, вот в этой цифре 0 и 1. Вот, он мыслит: «да», «нет», «может быть», «может быть нет», «а может быть да». Иногда даже «да-нет». И подобные суждения в этих категориях цифровых, о которых вы спрашиваете, их просто не опишешь. Поэтому все, что сейчас называется искусственным интеллектом – это продукт человека, интеллекта человека. Вот он его сделал и заставил выполнять некие простые и не очень простые функции. Но и только.

Марина Карелина:

Юрий Михайлович, большое спасибо. Вы утвердили меня в моей позиции.

Михаил Федотов:

Спасибо. Еще вопросы Юрию Михайловичу, Владимиру Львовичу.

Значит, у нас Григорий Томчин и Федор Кравченко. Пожалуйста, Григорий Алексеевич.

Григорий Томчин:

Большое спасибо за последние два доклада, они вообще были, я бы сказал, за пределами сегодняшней жизни. Тем не менее, и по госустройству и по докладу Михаила Александровича, я имел в виду следующее: не госустройство... в принципе, нынешнее государство что-то там делают со своими гражданами...

В 90-е годы там была налоговая часть, были попытки организации виртуальных государств, и при наличии вот всей этой системы, двух, повторяю, докладов Юрия Михайловича и Михаила Александровича, виртуальные государства с реальными жителями становятся, вообще-то, их реальной частью. И тогда, можно уходить и переходить в виртуальные государства, а на данной территории просто пребывать с законами данного государства. И это приведет к новому государственному устройству.

Это не так далеко, как многие думают, но тем ни менее, работа в интернете и вот такие правила ее работы, работа с собственным мозгом, работа с чужим мозгом. В общем, такие государства в будущем и уже очень скоро могут появиться. Как вы к этому относитесь?

Юрий Батурин:

Да, я думаю, что это действительно не так далеко. Эти миры, они уже появляются там – в виртуальных вселенных, типа second life и другие. Но есть и другие как бы виртуальные государства. Ну, например, asgardia, которые на самом деле не в виртуальном мире, а, вот, созданы так. Вот, asgardia – космическое государство – это все уже близко.

Григорий Томчин:

Организовать государство интеллектуальной собственности, где в основе государства лежит зарегистрированная интеллектуальная собственность, само это государство и быть ее гражданином. Освободиться от иных государственных аппаратов.

Юрий Батурин:

Дело в том, что все равно какие-то связи с государством у вас остаются, даже если бы вы где-то и зарегистрировали. Какая-то точка на Земле, на территории государства будет и останутся связи с государством. Взять пример asgardia. Конечно, он показывает, что такие государства будут возникать.

А вот в качестве связи между моим докладом и докладом Михаила Александровича, я хочу маленькую реплику. Михаил Александрович, вы очень хорошо показали в своем докладе, что 1988-89-х годах мы смогли предусмотреть иные средства массовой информации такие, как телекоммуникационные СМИ, сетевые СМИ. Именно потому, что заглядывали в будущее. Поэтому сегодня не надо пугаться того, что мы заглядываем, кстати, не в такое далекое будущее – не на 30 лет. То, что я говорил, это в диапазоне 10 лет.

Михаил Федотов:

Да, я согласен.

Федор Кравченко, пожалуйста. Приготовиться Шаблинскому*.

Федор Кравченко:

Здравствуйте, уважаемые старшие коллеги и учителя. Мой вопрос связан с озабоченностью по поводу двух противоположных тенденций.

С одной стороны, те проблемы, о которых говорили и Михаил Александрович, и Юрий Михайлович, они требуют такого уровня юридического мышления, который, наверное, даже не демонстрировался с отцами-основателями вначале 90-х потому, что решались сложные политические, может быть, социальные задачи, но не философские, не мировоззренческие. Те, о которых говорил, особенно, Юрий Михайлович.

С другой стороны, у нас есть очень низкий уровень законодательной техники, юридической техники в законотворческом процессе, подавленное гражданское общество, которое сейчас не очень принимает участие в таком стратегическом законотворчестве, и законодатель, который во многом напуган и думает о тактических задачах.

Отсюда вопрос: как вы думаете, если у нас шанс решить эти новые проблемы информационного права? Я согласен с тем, что многие из них относятся не к отдаленному будущему, а буквально, например, вопросы частной жизни уже пора пересматривать. Уже мы существуем не в той реальности, в которой формулировалась статья Конституции о неприкосновенности частной жизни. Если это теоретически возможно, то как

* - признан Минюстом РФ иноагентом

процедурно можно было бы подходить к формулированию юридических решений в этой сфере? Спасибо.

Юрий Батурин:

Фёдор, я очень рад тебя видеть после многих лет разлуки, мы не встречались. Спасибо за вопрос. Очень хороший вопрос.

Я тоже сетую на понижающийся уровень вообще образования, не только юридического, я преподаю в Высшей школе с 90-го года, 30 лет. Я могу наблюдать изменение от года к году, от набора к набору, и могу сказать, что есть такая общая тенденция понижения. Но в каждом наборе, вот, у меня в группе, всегда есть одна-две «звездочки», с которыми надо работать. Да более того, они сами с тобой будут работать, чтобы взять от тебя больше, чем ты им собирался дать. Вот на них надежда.

Если мы каждый год сможем по одному-двум людям, каждый – вы и я, Михаил Александрович. В целом, мы человек двадцать за год подготовим. Этого достаточно, потому что, даже если они не будут все заниматься этими вопросами, за пять лет это получается 100 человек, из которых группа в 15 человек вполне может пробить любое решение. Интеллектуально, я имею в виду. Потому, что прорывы вперед всегда совершает меньшинство, тут даже не надо ждать, когда у всех будет прекрасное образование. Надо помочь им получить его сейчас. Затем больше. Не компетенциям им надо давать, а их нужно учить думать и понимать. И будет все хорошо. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо.

Пожалуйста, Илья Георгиевич Шаблинский*.

Илья Шаблинский*:

Да, я благодарен Михаилу Александровичу за доклад и за ответ, но я имел в виду, конечно, не коммерческие запросы, а вот запрос, отражающий политический, культурный и прочее запросы и потребности, по которым можно создать образ, портрет пользователя.

Юрий Батурин:

Илья Георгиевич, я не имеют таких данных, но мне кажется, что вот эта система, которая тестировалась в 2020 году, о которой я упомянул, с которой я столкнулся, она, собственно говоря, и есть экспериментальная подготовка к тому, о чем вы говорите.

* - признан Минюстом РФ иноагентом

Илья Шаблинский*:

Ну да, то есть она не только изучает, там, фразы и посты Вконтакте, но и запросы тоже. Были там эти слова или нет. Понятно, понятно.

У меня вопрос к Михаилу Александровичу. На самом деле он связан с тем докладом, который Батурин делал в прошлом году. Я его хорошо запомнил. Речь шла, помните, Михаил Александрович, об изменении понятия цензуры. Об изменении, о некоторой моральной устарелости нынешнего термина, и о том, что фактически сейчас цензура – это набор угроз журналистам. Набор угроз – может ли это быть отражено в законе? Готов ли к этому законодатель – это отдельный вопрос, есть там сильные сомнения. Но теоретически даже, что это может быть за определение?

Михаил Федотов:

Илья Георгиевич, я думаю, что этот вопрос нужно задать Юрию Михайловичу. Он у нас выступал в прошлом году по теме понятия цензуры. Более того, я знаю, что он пишет большую статью по поводу понятия цензуры, и, я надеюсь, что он уже ее закончил. Мне обещал ее закончить как раз к сегодняшнему дню.

Илья Шаблинский*:

О предварительном согласовании, ядре этого понятия, о предварительном согласовании сейчас уже разговор вести как-то нет смысла. Вот в чем штука. А о чем-то другом, вот, набор угроз, мы обсуждали. Вот, собственно, все.

Михаил Федотов:

Ну, вот Юрий Михайлович, я перепассовал.

Юрий Батурин:

Я должен одновременно повиниться перед Михаилом Александровичем, которому я обещал закончить статью по докладу прошлого года без пяти одиннадцать сегодняшнего дня. Я не успел закончить, но Миша, я до конца года тебе вышлю обе статьи, чтобы не получилось такого конфуза с моим вторым нынешнем докладом. Поэтому все у тебя будет через пару дней.

По поводу того, что понятие цензуры должно быть совсем другим: прав Илья Георгиевич, что здесь речь идет об угрозах. И мне кажется, что здесь нужно вот такую пару искать, как бы сказать, уязвимость журналиста, уязвимость СМИ и аномалии, которые мы наблюдаем в сфере действия

* - признан Минюстом РФ иноагентом

средств массовой информации. Через эти аномалии и уязвимости как раз вот эта обобщенная угроза, что ли, может быть описана.

Но это очень трудное дело. Я в этой статье даже не взялся за то, чтобы сформулировать новое понятие. Просто постановка: нужно, действительно, совершенно по-новому сформулировать это понятие. Это год назад было. Сейчас я готовился к этому докладу, я понял, то, что я в прошлом году имел в виду – тоже уже устарело. Нужно это корректировать. Это одна из причин, почему я не закончил сегодня эту статью.

Сегодняшний мой доклад, ментальность, чтение простейших даже мыслей – все это надо учитывать в понятии цензуры. Мне кажется, что цензура становится... она выходит уже давно за пределы средств массовой информации – это становится цензура для общества.

Михаил Федотов:

Спасибо. Следующий вопрос, Руслан Будник. Потом Алексей Николов.

Руслан Будник:

Здравствуйте, коллеги! У меня вопрос к Юрию Михайловичу Батурину. Спасибо за доклад, а вопрос, следующий: как вы считаете, возможно ли с помощью обучающейся нейронной сети воспроизвести личность человека? Мы уже подходим к этой границе, технологические гиганты и стартапы работают в этом направлении, аккумулируют, так называемые lifelogging данные – то есть данные, которые аккумулированы в течение жизни человека, результаты интеллектуальной деятельности, которые он освоил, которые он создал. Речь идёт о том, что, используя эти данные, можно обучить нейронную сеть к воспроизведению личности данного человека.

Есть две точки зрения: одна заключается в том, что искусственный интеллект не пересекает границу творчества. Какие-то творческие достижения ей, нейронной сети, даже обученной, не под силу. Они пока не достижимы. Другая точка зрения заключается в том, что обучающиеся конкурентные искусственные сети, в конечном итоге, оттолкнувшись от накопленного материала, смогут генерировать новые результаты, которые человек не создавал. И, если это так, то мы тут столкнемся с юридическими проблемами: цифровых двойников, наделение их гражданской правоспособностью и дееспособностью.

Выскажете, пожалуйста, Ваше видение.

Юрий Батурин:

Вопрос был: можно ли с помощью нейросети воспроизвести личность человека? Правильно я понял? Я отвечаю на него. Нет, я думаю, что с помощью нейросетей личность человека воспроизвести невозможно.

Нейросети – это, как бы, только вот подход к этой проблеме. На самом деле, путь идет, вот, через картирование коннектома. Когда он будет расшифрован, найдутся такие механизмы, которые смогут что-то воспроизводить.

Кстати, очень интересно, что 4 года назад на одной всероссийской конференции мне пришлось сделать доклад по поводу создания резервной копии мышления человека. Как раз то, о чём говорите. Это не воспроизведение личности, это попытка сохранить элемент интеллекта человека уже после того, как он уйдет – для того, чтобы пользоваться им.

Вот эта попытка создания резервной копии мышления. Речь не идет о воспроизведении личности, это было теоретически мной обоснованно. Поэтому я думаю, что это возможно. Это возможно, если это будет с помощью новых технологий, которые я пока не знаю, доведено до того, чтобы сохранять личность человека. Ну, замечательно, конечно.

Но сейчас пока и на пути нейросетей нет. Категорически, говорю. Нейросеть очень ограничена.

Руслан Будник:

Можно коротко. Развитие тут идет в двух направлениях, первое – это попытка обучить нейросеть быть человеком. А второе это «whole brain emulation» — эмуляция сознания.

Юрий Батурин:

Правильно, если вы говорите о практике Соединенных Штатов, пока эти две технологии держат дополняющими друг друга. Они начинают с нейросетей, воссоздают какие-то простейшие модели и потом переходят, собственно говоря, к чтению мозга. Но вот этот вспомогательный инструмент в виде нейросетей, он через какое-то время окажется просто ненужным. Поэтому я склоняюсь ко второму пути.

Руслан Будник:

Спасибо большое. Понял.

Михаил Федотов:

Пожалуйста, Алексей Николов. Потом Сергей Корзун.

Алексей Николов:

Добрый день. Я хотел с вашего позволения, вернуться к теме с короткой репликой. Поскольку здесь была упомянута тема цензуры, которая изначально не была обозначена не в теме конференции, не в теме доклада, но, действительно, с прошлого года еще эта тема возникала, хочу сказать комплимент организаторам. В этом году в онлайне гораздо лучше соблюдаются, как минимум, границы докладов, гораздо больше людей имеют возможность поговорить, чем было прошлым году. Это большой респект.

Мне кажется, я скажу точку зрения, которая тут, по-моему, совершенно не звучит. Мне кажется, что это не совсем перспективный путь – расширять понятия термина, который имеет достаточно четкое определение, достаточно большую историю. Можно вспомнить, что первый случай того как цензура употреблялось в СМИ, это 1643 год. Я думаю, что это не совсем оправданно.

Понятно, что все против цензуры. Она запрещена, и это начинает носить характер такого немножко закона Годвина, которому уже 30 лет нынче, когда стало понятно, что еще в старом юзнете как только кто-то хочет кого-то в чем-то обвинить обязательно все приходит к упоминанию Гитлера или нацизма.

Вот, мне кажется, что цензура все-таки имеет чёткий квалифицирующий признак – это предварительный запрет. То, что началось в Британии с 17 века: ввели систему лицензирования. Пока ты не получишь лицензию, ты не имеешь право печатать.

Первой жертвой стал Джон Милтон, которого до сих пор все помнят. Мне кажется, что это очень такой смелый путь. Он простой, по нему, кажется, очень легко пойти, он очень соблазнительный.

Ну как... вот, у нас запрещена цензура, и мы сейчас все плохое назовем цензурой и таким способом всеотрегулируем. Но мне кажется, что это неправильный путь. Мне кажется, что он некорректный. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо, но это не вопрос, это реплика и комментарий. Пожалуйста, Сергей Корзун.

Сергей Корзун

Михаил Александрович, коллеги, добрый день. Спасибо огромное за возможность поучаствовать. Не мог упустить до вопроса возможность, видя всех трех моих любимых юристов... я имел некоторое непосредственное отношение к пуску радио «Эхо Москвы», и всем уже говорил об этом лично. Хочу публично еще раз сказать: огромная благодарность, Михаил Александрович, Юрий Михайлович, Владимир Львович за то, что создали

закон, который дал возможность работать журналистам не в разрешительном порядке, навязанным сверху, а в уведомительном порядке. И счастье, что то, что создавалось 30 лет назад, не только радио «Эхо Москвы», но и многие другие средства массовой информации, они работают и благодарят и будут вас благодарить всегда.

А вопрос у меня, наверное, к каждому из вас. Конечно, Юрий Михайлович сегодня зажег с чтением мыслей. Это сразу выводит на многие мысли. И у меня возникла мысль по взаимности. Если кто-то и обладает аппаратом для чтения ваших мыслей, не надо ли юридически закрепить возможность и вам читать его же мысли? То есть люди сканируют вас, а вы сканируете этих людей. Кто бы ни хотел знать, что на самом деле, думает Трамп, Путин, Навальный, выступая со своими сообщениями в Твиттере. Мне кажется, вот принцип, если его можно как-то юридически закрепить... что ли это называется. Я человек не слишком ученый, это было бы идеальным. Это совершенно другой мир, еще более фантастический, чем Юрий Михайлович нам описывает. Ни в одну сторону, а в две стороны. Спасибо.

Михаил Федотов:

Юрий Михайлович, пожалуйста.

Юрий Батурин:

Да, это действительно. Это мир такой фантастический. Боюсь, что он приведет к тому, что мы потеряем наш русский язык, англичане потеряют свой английский язык и так далее. Потому, что он будет использоваться все меньше и меньше из-за того, что можно будет читать мысли друг друга.

Мир, конечно, будет другой, но, если говорить о близкой перспективе, не надо ли закрепить законодательно? Законодательно можно закрепить, конечно. Если стоят два человека напротив друг друга и у одного из них в руках шланг с водой, а у другого карандаш с блокнотом. Первый поливает второго и говорит: «ну и что, пожалуйста, возьми тоже шланг. Где, не знаю. Возьми и поливай меня».

Самое главное для чтения мыслей, этого сложного инструмента, который может позволить себе пока только государство: закрепляй – не закрепляй законодательно, симметричной эта ситуация никогда не станет.

Но, с другой стороны, ведь были когда-то мощные компьютерные машины, вычислительной машины, потом они стали там суперкомпьютерами. А то, что считалось мощным компьютером в двадцатом веке, сейчас, вот, все есть в смартфоне. Пройдёт какое-то время, возможно, что в ваш смартфон тоже заложат такие функции. Вот тогда мы придём к такому миру.

Сергей Корзун:

Ну, как сейчас говорят «предъявите документы», будут говорить «предъявите ваши мысли». Спасибо вам огромное.

Михаил Федотов:

Хорошо. Есть еще вопросы в чате.

Был вопрос Юрию Михайловичу: «Как вы относитесь к проекту “Трансгуманисты Россия 2045”?»». Вы ответили, как я понимаю.

Дальше был вопрос, адресованный ко мне: «Как вы считаете, насколько оправдан подход, согласно которого СМИ следует определять не через форму периодической массовой информации, а через субъект? То есть, СМИ – это такая организация».

Я отношусь отрицательно потому, что юридически это абсолютно некорректно. Организация не может быть СМИ. Организация может быть СМИ, если это информационное агентство. А если это, например, издательский дом, то это не СМИ, это организация, а СМИ – это газета, которая выпускается данным издательским домом. Издательский дом может выпускать 10 газет и это не будет 10 разных организаций. Организация одна, так что подобный подход, он приятен своей простотой, но только он вызывает огромное количество противоречий в Законодательстве.

Дальше: «Возможны ли новые редакции понятия “цензура”?»». Уже говорили об этом. Понятие «неоцензура» – тоже говорили об этом.

«Ответственность за разработки алгоритмов. Кто должны нести ответственность за проблемы, создаваемые алгоритмами, если, в основном, не ясно как они работают не разработчикам, не площадками, не пользователям?».

Было бы интересно услышать мнение Юрия Михайловича.

Могу сказать свое мнение. Я считаю, что такая ответственность должна быть установлена, прежде всего, на основе международного правового акта, причем выработка этого акта должна начинаться как можно скорее и начинаться она, естественно, будет с некой декларации. Потом может перейти в разряд рекомендаций, потом уже перейти в конвенциональную плоскость, в функциональную форму. И это нужно сделать потому, что на национальном уровне сделать это достаточно сложно.

Хотя, если говорить об ответственности разработчиков программ, то это всегда либо физические лица, следовательно граждане того или иного государства, либо юридические лица, которые тоже находятся в чей-то национальной юрисдикции.

Таким образом, национальный законодатель тоже может установить такую ответственность. И я считаю, что это очень важно, потому что мы с вами пользуемся этими социальными сетями, не зная, что внутри. Мы с вами не специалисты в области программирования. Мы не знаем, какие заложены внутри этих программ ловушки.

Мне кажется, что здесь законодатель должен обязательно предусмотреть ответственность в этой сфере, иначе мы можем столкнуться с катастрофическими последствиями.

Юрий Михайлович, ваше мнение.

Юрий Батурин:

Я боюсь, Михаил Александрович, что это очень опасный путь: устанавливать такую ответственность. Каждая программа создана на основе любого алгоритма прежде, чем она внедряется в практику, подлежит отладке. Отладка программ – это процесс длительный. И поверьте, очень тщательно обычно специалисты все это делают.

Но есть такая аксиома у программистов: всякая последняя ошибка, найденная в программе, на самом деле является предпоследний. Как бы вы ни отлаживали эту программу, там всегда может быть какая-то спящая ошибка и даже не ошибка, то есть нечто, что нельзя назвать ошибкой – сочетание условий, которые просто не предусмотрел разработчик алгоритма. Чем более сложен алгоритм, чем более сложна программа, тем с большим набором разных условий в процессе функционирования программы она сталкивается. И может возникнуть сочетание двух, трех, четырех условий, которые редки настолько, что они действительно могут быть раз в тысячу лет. Такие совпадения могут по теории вероятности, но они могут быть.

Это риски программирования, поэтому в законодательстве, как раз, необходимо учитывать риски, с которыми сталкиваются создатели алгоритмов и программ для того, чтобы освободить их от ответственности в этом случае.

Но, если экспертиза покажет, что это действительно халатность, допущенная человеком, человек не предусмотрел... вот, бросает монетку: орел или решка. И надо предусмотреть, что редко, но монетка становится на ребро. Вот, можно расценить как халатность, хотя, с другой стороны, если предусмотреть, как она становится на ребро, у тебя программа станет в три раза сложнее.

Соответственно, программа будет продуцировать новые и предусмотренные ошибки. Это очень и очень непростая задача. Поэтому здесь надо напирать не на ответственность, а на освобождение от ответственности.

Михаил Федотов:

Спасибо.

Коллеги, есть еще несколько просьб. Есть просьба, чтобы все презентации были доступны участникам конференции, чтобы можно было с ними познакомиться. Мы разместим презентации, которые нам докладчики предоставят. Мы их разместим на сайте кафедры ЮНЕСКО Высшей школы экономики. Это первое.

Второй вопрос был по поводу возможности ознакомиться с видеозаписью конференции. Видеозапись также будет доступна на сайте кафедры.

2 часть

Онлайн-конференция «Медийное законодательство в эпоху пандемии».

Часть вторая

Михаил Федотов:

Была просьба Акмаля Холматовича Саидова, академика Академии наук Республики Узбекистан, о том, чтобы ему предоставить слово немножко пораньше в программе, тем более, мы с вами видим, мы довольно сильно отстаём от регламента и поэтому, я думаю, мы можем пойти навстречу Акмалю Холматовичу.

Акмаль Саидов:

Большое спасибо организаторам за предоставленную возможность выступить, за приглашение. Мне очень приятно видеть сегодня отцов-основателей современного российского законодательства о СМИ, моих друзей — Юрия Михайловича, Владимира Львовича, Михаила Александровича. Я вспоминаю семидесятые годы, конец семидесятых годов, когда в школах молодых ученых два молодых, тогда еще кандидаты наук, разработали понятие права, которое тогда получило резкую критику

критику моего учителя Владимира Александровича Туманова. Это было — Юрий Михайлович — в «Норусе», если Вы помните, в Эстонии. Это очень приятные воспоминания.

Юрий Батурин:

Было понятие метатеории права.

Акмаль Саидов:

Да! Это было новое.

Михаил Федотов:

Это был 80-й год.

Акмаль Саидов:

Я хотел вот то, что Юрий Михайлович сейчас поднял у нас на галактику, – в принципе я с ним согласен, ибо за последнюю четверть века появилось новое поколение прав человека. Мы знали классификацию Карела Васака – французского учёного, который давал три поколения прав человека: первое – это личные и политические права, второе – социально-экономические, третье – коллективные, солидарные права. А последнюю четверть века уже учёные говорят о четвёртом поколении – это поколение информационных прав. И они очень быстро развиваются. Поэтому, в принципе, да, сегодня идёт то, что говорил Михаил Александрович о новом понимании средств массовой информации. Это всё идёт в русле. Сегодня уже заговорили о пятом поколении, но это уже другая тема. А что касается опасности нейросети и так далее – я хотел бы привести слова известного немецкого философа Ницше, который говорил: «все замолчанные истины становятся ядовитыми». Или Бернард Шоу говорил о естественном праве на информацию, он говорил: «я был свободомыслящим раньше, чем научился мыслить». То есть вот такие, я бы сказал, интеллектуальные выступления наводят на мысли. Я, в принципе, Юрий Михайлович, согласен с Вами. Можно дать любое законодательное новое определение цензуре – бумага всё сдержит. Здесь хотел оперировать словами Роско Паунда – американского философа права первой половины XX века, который говорил: «есть право в книгах – law in books, есть право в действии – law in action». Самое главное-то – не в том, как закрепить новое понятие цензуры, как будем претворять в жизнь. Я согласен в том, что цензура

не просто сейчас в отношении журналиста опасна, а здесь в отношении всего общества. Если я «вернусь к своим баранам» (“revenons a nos moutons” – как говорят французы), я что хотел сказать: у меня тема была обозначена: «Пандемия и информационные права граждан. Опыт Узбекистана». Да, сегодня есть уже целая система информационных прав, и сегодня даже перечень информационных прав меняется. Классическое перечисление права в ныне действующих конституциях мира – к ним относится свобода массовой информации, доступ к информации, культурным ценностям, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, право на свободу выражения и так далее – в связи с новыми реалиями то, что даже касается личной жизни, – всё меняется. И поэтому я поддерживаю мнение Михаила Александровича о разработке международной конвенции по этому вопросу. Сейчас в Узбекистане разрабатывается концепция Информационного кодекса. Но я очень бы хотел, чтобы это не было как во французском смысле: кодекс – сбор разнородных, но регулирующих одну и ту же тему, как лесной или другой кодекс Франции. Я хотел бы иметь классический кодекс в наполеоновском смысле. Я не знаю, сумеем ли или нет, но в отношении Избирательного кодекса мы достигли такого. Мы в прошлом году приняли Избирательный кодекс и на основе Избирательного кодекса провели первые парламентские выборы. Да, это не просто сбор пяти равнодействующих законов в данной сфере, а это получился в прямом смысле новый кодификационный акт, который регулирует избирательные отношения. Такой же кодекс хотелось бы и в области информации, то есть Информационный кодекс. Сегодня в Узбекистане в области информационного права – более десяти законов, которые в принципе есть и в России, и в Узбекистане. Я хотел бы указать о пяти направлениях обеспечения информационных прав в Узбекистане. Первое направление – это создание законодательных основ права на информацию. У нас да, есть система, можно говорить о системе законов, касающихся средств массовой информации. Это касается и диффамации, цензуры – всех спорных вопросов. Второе направление – это создание институциональных основ обеспечения информационных прав. В этой связи создаются как государственные, так и негосударственные органы, направленные на обеспечение права на информацию. У нас создано агентство, например, по средствам массовой информации, а также в парламенте Узбекистана есть комитет по вопросам инновационного развития, информационной политики и информационных технологий. Сейчас во всех органах исполнительной власти учреждены

информационные службы или пресс-секретари, то есть идёт такое системное создание институциональных основ. Ну, уже функционирует ряд негосударственных институтов, которые призваны обеспечить информационное право, типа Национальной ассоциации электронных средств массовой информации, Общественный фонд по поддержке национальных массмедиа, Международный пресс-клуб, Национальный пресс-центр и другие – это второе. Третье – это информационно-просветительская и образовательная система в СМИ. Два года тому назад мы образовали Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана. Сейчас развиваются также частные образовательные учреждения. Без квалифицированных кадров – это невозможно. Я с Юрием Михайловичем согласен: такая же тенденция общего снижения образовательного уровня. Я тоже читаю в нескольких вузах лекции и действительно это наблюдаю. Но согласен, что среди них есть отдельные дети-«звёздочки» – и у нас появляются.

Четвёртое – я бы сказал, крайне необходимо для обеспечения информационных прав, создание системы мониторинга состояния правоприменительной практики в защите информационных прав граждан. Здесь можно говорить о трех уровнях мониторинга обеспечения – это национальный, региональный и международный уровень на уровне договорных органов Организации Объединенных Наций. На национальном уровне осуществляется парламентский контроль, а также в последнее время весьма развита реализация общественного мониторинга. Узбекистан, как и Российская Федерация, имеет закон о парламентском контроле. В мире только два государства имеют закон о парламентском контроле – Российская Федерация и Узбекистан. Все другие государства парламентский контроль осуществляют в рамках регламентов национальных парламентов. Изучая опыт Михаила Александровича, мы тоже разработали Закон «Об общественном контроле». У нас общественный субъект значительно шире, чем в Российской Федерации, поэтому мы все пожелания Михаила Александровича, которые вы изложили в комментариях к российскому закону «Об общественном контроле», мы все учли в практике. То есть, изучаем позитивный опыт, отвергаем негативный. Лучше учиться на ошибках других, чем самому наступать на одни и те же грабли, поэтому очень важно вот это сочетание.

Что я имею в виду, говоря о международном мониторинге – комитет по правам человека всегда рассматривает наши национальные доклады по реализации Международного пакта о гражданских и политических правах. И там очень много того, что касается права на информацию. А в региональном мониторинге речь идет о ежегодных совещаниях ОБСЕ по человеческому измерению в Варшаве. Там уже рассматриваются обязательства в рамках человеческого измерения.

Пятое направление обеспечения – это международные основы. И сегодня, я видел, среди участников есть зарубежные участники, это наше, я бы так сказал, международное сотрудничество по этому вопросу. У нас очень широкие международные контакты, которые мы изучаем. Я очень не люблю, когда говорят о международных стандартах, – я считаю, что нет никаких международных стандартов, потому что в мире нет двух похожих людей. Можно говорить об общепризнанных стандартах и общепризнанных правах человека. Каждый воспринимает это по-своему, но в целом мы учитываем стандарты или нормы, выработанные Организацией Объединенных Наций, Советом Европы, ОБСЕ и так далее, имплементируя такие предложения в национальное законодательство. Я могу продолжить длинный перечень проведенных мероприятий, но самое главное – это очень важно, ибо, как говорил американский юрист Ральф Нейдер: «Информация – основная валюта демократии». Без информации представить демократию невозможно. В заключение хотел бы поблагодарить наших организаторов и хочу привести пример. Первая книга, которую я читал на французском языке – «Le Petit Prince» («Маленький принц») Антуана де Сент-Экзюпери, сплошь и рядом состоит из афоризмов. В ней есть такой афоризм: «Самое ценное у нас – это человеческое общение». Благодарю организаторов за то, что предоставили возможность прекрасного общения. И последнее: мой любимый немецкий поэт, автор «Фауста» Гёте, говорил: «Решение любой проблемы – это новая проблема». Если наша сегодняшняя конференция решит какие-то проблемы, то они поставят перед нами новые проблемы, давайте вместе их решать. Благодарю вас.

Михаил Федотов:

Спасибо, Акмаль Холматович, за Ваше очень интересное выступление. Сразу видно, что выступает настоящий ученый, академик, но и одновременно

выступает правозащитник, потому что Вы же возглавляете **Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека**. Спасибо Вам, в любом случае, за Ваше выступление, оно было очень интересным, полезным, и мы рассчитываем на то, чтобы и в будущем наше сотрудничество продолжалось столь же успешно и было столь же плодотворным, спасибо.

Коллеги, я предоставляю слово следующему нашему докладчику, это Наталья Леонидовна Якимовская, медиаюрист. Ее тема – «Государственная поддержка российских вещательных организаций в условиях пандемии коронавируса». Наталья Леонидовна работает в нашем международном научно-образовательном центре «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам». Пожалуйста, Наталья Леонидовна, слово Вам.

Наталья Якимовская:

Здравствуйте, дорогие коллеги! Так сложилось, что из года в год на нашей декабрьской конференции я всегда делаю обзор новелл законодательства за год, рассказываю, как чувствовали себя СМИ в уходящем году, делаю небольшие прогнозы: что будет в следующем году, если какие-то из законопроектов, которые уже есть, примут. Но в этот раз хочу поговорить о том, как плохо было некоторым видам СМИ в этом году и что все-таки случилось в законодательстве, благодаря чему нам удалось выжить. В первую очередь буду говорить об отрасли радиовещания. Смотрите, что было: самое начало 2020 года было довольно оптимистичным, все было хорошо. И даже на примере радио – в январе наблюдался прирост рынка, сетевая реклама приросла, а с февраля началось падение, и дальше уже в апреле она до 49 процентов показала уровень падения в Москве, а на локальных рынках на региональных радиостанциях дела пошли совсем плохо, и в конце первого квартала было зафиксировано падение даже до минус 90 процентов в некоторых городах. Стало очень плохо.

Значит, условия пандемии, локдаун, все сидим дома, большинство нашей аудитории. Если граждане продолжали смотреть телевизор, то радио слушать стали намного меньше. Почему? Потому что радио слушают где? Во-первых, в автомобиле. Есть понятие утренний drive time – все едут на работу, есть понятие вечерний drive time – все едут с работы. Во-вторых, на работе. Я проводила собственное исследование о том, кто слушает радио. Почему-то

всегда в фоновом режиме его слушают сотрудники бухгалтерии. Вот в любую бухгалтерию если войдешь, всегда тихонечко играет радио, но если спросить: «Какую радиостанцию вы слушаете?», почему-то бухгалтеры никогда не отвечают. Радио играет и хорошо, а на какой частоте – очень часто они не знают. А тут все сидят дома, смотрят телевизор, радио мало кто слушает, стало совсем плохо.

Самые первые меры – это понизить зарплату сотрудникам, у которых и так она на региональных радиостанциях небольшая. Почти все сотрудники к этому отнеслись с пониманием, почти никто не уволился. Я знаю только два примера по всей России – ребята перешли работать в госструктуры именно в это время. А так все сидят с пониженными зарплатами. На радио можно было работать из дома, как мы потом смотрели, даже телевидение выходило из дома. Очень многие ведущие Первого канала, ВГТРК в домашних условиях проводили свои эфиры. Но смотрим, что было дальше: дальше отраслевые организации – я надеюсь, что я всех вспомнила, если кого-то не вспомнила, напишите мне, пожалуйста, в чате – Российская Академия Радио, Национальная ассоциация телерадиовещателей, Торгово-промышленная палата, Союз журналистов России – начали активный диалог с государством, чтобы разработать общеиндустриальные меры государственной поддержки. Также отдельные региональные радиовещатели, которые не входят в Российскую Академию Радио, стали забрасывать, просто бомбардировать письмами и Администрацию президента, и Министерство культуры, и правительство, и Минсвязи, которое потом стало Минцифры, с просьбами поддержать медиаотрасль, поддержать радиоотрасль. Закрылись очень многие малые бизнесы, а это - основа рекламодателей радио в регионах. Рекламирывать нечего, денег нет, зарплату платить нечем, жить не на что. Но я считаю, что все вместе – и отраслевые организации, и региональные радиовещатели сами по себе, сплотившись, отсылая такие коллективные письма, все-таки добились успехов.

Что нам удалось: нам удалось общими усилиями внести вещательную отрасль в перечень наиболее пострадавших от коронакризиса. Это позволило, во-первых, распространить льготы, различные меры поддержки на вещательные организации, на малые и средние предприятия, собственно, к которым и относится большинство региональных телерадиокомпаний. Что мы получили: сначала 3 апреля вышло постановление Правительства с перечнем

«отраслей российской экономики, которые в наибольшей степени пострадали в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции». 3 апреля СМИ туда не вошли, но зато вошли туда в конце мая. 26 числа, об этом уже говорил Александр Евсеевич Хинштейн. Смотрите, как они вошли: по коду ОКВЭД - внешнеэкономической деятельности. Если в той организации, которая является держателем вещательной лицензии, в кодах ОКВЭД – их может быть несколько сразу – прописаны были именно вот эти коды: 60-е, 18-е и 58-е, она стала считаться пострадавшей. Это дало:

- снижение размера и возможность отсроченной уплаты страховых взносов;
- отсрочку уплаты налогов;
- субсидии, даже беспроцентный кредит на зарплату;
- кредитные каникулы;
- пониженную ставку страховых взносов и отчислений в Пенсионный Фонд РФ;
- различные компенсации по фонду оплаты труда;
- зачеты по выданным ранее кредитам на зарплату персонала, если определенный уровень персонала так и останется работать;
- обнуление налоговых платежей со второго квартала – всех, кроме НДС.

Что сразу пошло не совсем так: у некоторых вещательных организаций стоит еще и «Рекламная деятельность» как главная деятельность по кодам ОКВЭД. Но, к сожалению, на них не распространились вот эти самые меры господдержки.

Также большие, ведущие, огромные радиохолдинги, государственные и частные, были отнесены к системообразующим предприятиям, и они попали под особые условия субсидий со стороны государства. Это, естественно, ВГТРК, ГПМ – это Газпром медиа, телерадиокомпания «Мир», телекомпания «Звезда», радиохолдинги Европейская медиагруппа, Русская медиагруппа, радиохолдинг «Крутой медиа» и «Мультимедиа-холдинг». Все эти большие компании смогли получить большие государственные субсидии. Но при этом им было необходимо выполнить ряд достаточно сложных условий одновременно. По-моему, все с этим справились. Дальше хочу сказать, что точно не сработало. Одна из мер господдержки – это уменьшение ставок налога на прибыль от рекламной деятельности. С 30 процентов уменьшили до

15 процентов. Но, так как не было прибыли в рекламе, нечего было и начислять.

С какими трудностями столкнулись региональные радиовещатели: 26 мая их включили в перечень наиболее пострадавших отраслей, они все кинулись в свои налоговые. Там надо было окончательным сроком подать 1 июня все данные за апрель, например. На сайтах региональных налоговых это объявление вывесили только, к примеру, 3 июня, и кто-то не смог подать. У кого-то не обновлялась программа, в которой они должны были в электронном виде посылать. На местах было достаточно много таких недопониманий. Вещатели звонили в банки – консультировались, на каких условиях они могут получить свои кредиты, которые потом станут даже невозвратными. Банки просто тогда еще не владели информацией, но понемногу все разобрались. Бухгалтеры куда надо все отправили и получили эти субсидии.

Дальше нашей медийной отрасли помогло выжить Постановление Правительства №849 от 11 июня 2020 года, по которому:

- у тех отраслей, которые пострадали, автоматически продлевалась лицензия, истекающая в 2020 году – это очень хорошо;
- отменялись обязательные плановые проверки региональными территориальными подразделениями Роскомнадзора, но при этом, что характерно, внеплановые остались, и непрерывный мониторинг остался также;
- давалась возможность вещать с уменьшенной мощностью передатчика и не вещать в ночные часы.

Также большое спасибо государству и Академии Радио, которая лоббировала эту господдержку. Так, перенесли конкурсы ФКК – конкурсы на получение права на эфирное вещание – с весны на осень. В марте-апреле был конкурс, их перенесли с марта на ноябрь, с апреля на декабрь, и сейчас проводят.

Дальше 15 июня вышел приказ Минцифры, который разрешил до 31 декабря 2020 года сократить объем территории вещания путем понижения мощности передатчика, сократить объем вещания в ночное время. С нуля до шести утра можно не вещать, и за это ничего не будет. Произошел переход в режим моновещания – было стерео, стало моно. Но здесь конкретно радиовещатель ничего не чувствует, никаких лишних затрат на это не надо. Здесь страдает слушатель. Также можно было вообще приостановить работу передатчиков до 3 месяцев, то есть до 3 месяцев радиостанция могла спокойно

не выходить в эфир. Я знаю, что некоторым было совсем плохо, в очень маленьких городах и селах это сделали. Но в целом это означает для маленькой вещательной организации просто смерть – три месяца пройдет, она опять начнет вещать, но не факт, что ее аудитория будет опять ее слушать. Часть затрат на услуги связи снижена. Но, естественно, там, где моновещание и покрывается другая, меньшая территория, там, где не было ночного вещания, где радио 3 месяца просто молчит – там уходит аудитория, уходит рекламодатель.

Еще хочу рассказать про негосударственные меры поддержки. Они стали возможны благодаря Российской Академии Радио, огромное им спасибо от всех радиовещательных организаций страны. Федеральные сети снизили свои франшизные платежи. Наверное, многие знают, что это очень значительная статья расходов для региональной станции за право вещать, условно говоря, «местная» Европа плюс в своем городе каждый месяц платит очень даже большой франшизный платеж. Кто-то из московских сетей уменьшил размер этого платежа до 50%, до 80%, кто-то вообще отменил, за что большое им спасибо. Также хочу сказать, что благодаря Российской Академии Радио, по-моему, впервые в истории российского вещания стало возможно следующее: снижение выплаты авторским обществам. Ни разу на фоне никакого кризиса такого раньше не было, то есть Российское Авторское Общество и Всероссийское Общество Интеллектуальной Собственности просто уменьшили минимальную сумму авторского вознаграждения на 50 процентов и должны были это сделать с 1 апреля по 30 сентября. Не должны были взимать штрафы за просрочку с вещателей, которые на начало второго квартала, то есть, апреля, не имели задолженностей, или они их погасили на момент обращения за этой льготой. Это заработало тоже не сразу, потому что региональные отделения РАО и ВОИС тоже не все должным образом были об этом осведомлены заранее из Москвы. Не хотели снижать, хотели все равно оставить прежний минимальный платеж, не тот, который платится исходя из процента вещания музыкального, а тот, который все равно неизбежно стабильный, потому что минимальный. Но в конце концов, тоже большое человеческое спасибо за то, что они прислушались к радиовещателям, к Российской Академии Радио.

И что еще хотелось бы, но не получилось: на этом слайде я попыталась собрать все, что региональные радиовещатели еще высказывали. Во-первых, РАР – Российская Академия Радио – в этот непростой период предлагала

вообще отменить ограничения на рекламу вина и пива, рецептурные лекарства, спортивное оружие, некоторых видов финансовых услуг, что могло бы принести хоть какой-то дополнительный доход вещателям, этого сделано не было. Также вещатели теперь сидят и гадают – осталось 10 дней до Нового года, а что будет в 21 году? Опять малый бизнес чувствует себя очень плохо, некоторые регионы опять закрываются на локдаун и карантин, например, Калининградская область. Будут ли продлены эти меры поддержки на 21 год – пока не очень понятно. В РАР беседы идут, вроде в Министерстве беседы идут, но пока ничего не известно. РТРС – Российская телерадиовещательная сеть, на вышках которой большинство региональных радиовещателей вещают свои передатчики. От РТРС вещателям уже стали приходить письма по поводу расценок на следующий год, и они еще больше, чем на двадцатый. Это огромная статья расходов для регионального вещателя. Естественно, они там с огромной просьбой к РТРС всегда пишут, звонят, не то что не повышать, а чуть-чуть снизить, но пока ничего по этому поводу не было сделано. РТРС, насколько вещатели поняли, просто не хочет ничего не снижать, а повышать хочет. Дальше, от очень многих вещателей в адрес Роскомнадзора есть пожелания не наказывать за несоблюдение лицензионных условий, когда есть совершенно небольшие расхождения в процентах вещания. Что написано в лицензии, и то, что реально идет в эфире. Получается, что в любом случае региональные вещатели уже стали нарушителями. Те, которые, например, не вещают в ночные часы. У них же получается не 24/7, и там, например, не 80% музыки, там 10 – новостей и 10 развлекательного. Также, например, когда были такие тучные, рекламные, хорошие годы, тогда было много спонсорских развлекательных передач. Какой-нибудь автосалон на год вперед оплачивал какую-нибудь развлекательную программу, раздачу призов, викторины, конкурсы и так далее. Сейчас ничего такого в региональном эфире нет. Нет спонсоров – соответственно, нет развлекательных программ.

Что делают вещатели – ну либо какие-то повторы ставят, либо музыку. Получается, нарушают вот эти процентные соотношения вещания, то, что написано у них в вещательных лицензиях. Один из выходов, который сейчас стал популярным: в процентном соотношении от этих направлений вещания обычно пишется сколько чего процент – вот, как я сказала – музыки 80%, информации 10%, развлекательных программ 10%. Что теперь переделывают региональные вещатели? Они пишут теперь не через запятую и не через отдельные ячейки 80%, 10% и 10%. Они пишут: музыкально-информационно-

развлекательное – 100%. Чтобы при непрерывном мониторинге, который проводит территориальное отделение Роскомнадзора, не было выявлено нарушений. То есть, точно идет в мониторинге аудиозапись, где все – и информационные программы, и музыка идут, а отдельно подсчитать нельзя, сколько чего именно. Я знаю, что сейчас несколько региональных радиостанций подали документы в Роскомнадзор с просьбой как раз переделать им лицензии на такое вещание, это через тире. На этом у меня все, если есть вопросы – готова ответить. Всячески поддерживаю вещательную отрасль в период пандемии. Большое всем спасибо за внимание.

Михаил Федотов:

Спасибо большое, мы переходим к следующему докладчику. Следующий докладчик у нас – Виктор Николаевич Монахов. Все вопросы – для этого у нас предусмотрен временной слот после выступления Руслана Александровича Будника. Мы уже сильно отстаем, тем не менее, от нашего регламента, от нашей программы. Итак, пожалуйста, Виктор Николаевич Монахов, кандидат юридических наук, член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Виктор Николаевич, Вы с нами? Нет, Виктор Николаевич, видимо, не смог подключиться.

Тогда я предоставляю слово следующему сотруднику нашей кафедры, моему заместителю. Заместителю директора международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам», доктору юридических наук Руслану Александровичу Буднику. Руслан Александрович, пожалуйста, тема Вашего выступления «Стратегия защиты стримингового сервиса от претензий пользователя». Пожалуйста, 15 минут в Вашем распоряжении.

Руслан Будник:

Здравствуйте, коллеги. Сегодня в рамках конференции мы много слышали о законодательном регулировании сферы СМИ, о поправках в текущие законы, о создании и разработке новых законов, это понятная история, с одной стороны. С другой стороны, все, что стоит на пути информации, как говорил Грегори Бейтсон, не устоит и будет сметено, но я хотел бы сказать несколько о другом. О том, что контентные платформы, стриминговые сервисы находятся в конкурентной среде. Они конкурируют между собой и, в частности, платформа ТикТок начинает составлять

конкуренцию традиционным – не знаю, можно ли назвать их традиционными – агрегаторам контента, оттягивать на себя пользователей – это конкурентная ситуация. Это беспокоит, тот же YouTube. Я хотел бы сказать, что для стриминговых платформ, цифровых медиа большое значение имеет пользователь, поскольку это их монетизация – чем их больше будет, тем больше база для рекламы, для других возможностей заработка. Хотел бы отметить тенденцию коллективного действия со стороны пользователей, которая проявилась в последние месяцы в этом году. И как мне представляется, эта тенденция может оказаться перспективной, поскольку аудитория является основной ценностью контентных платформ и цифровых медиа, им должно быть небезразлично мнение аудитории, пользователей, тем более, когда они выступают согласованно, например, подавая коллективные иски и таким образом пытаются повлиять на политику сервиса.

Первый случай, о котором я хотел бы сказать – это случай с Amazon Prime Video. Но предварительно начну с того, что, когда мы становимся пользователями стриминговых платформ, или цифрового медиа, мы вынужденно соглашаемся с условиями, которые нам предлагаются. Особенно когда собираемся размещать, продвигать контент, зарабатывать на нем. То есть мы сталкиваемся с условиями, которые императивно нам предлагаются: «не хочешь – не присоединяйся». Попадая в такую ситуацию, мы зачастую не вчитываемся в правила, ставим галочку и присоединяемся. Даже если мы обнаруживаем какие-то неточности в правовых формулировках, мы можем об этом написать в администрацию, а там как получится. Часто люди говорят, что пишут в пустоту или «в черный ящик», мы отправляем свои предложения и там ничего больше не происходит, реакция не гарантирована. Кроме того, технологические платформы применяют соответствующие механизмы, которые иногда именуют digital restrictions, то есть управление ограничениями цифровыми средствами, когда программный код платформы и есть для нас закон – то, о чем сегодня говорил Михаил Александрович. Это законодатель и правоприменитель в одном лице, он формирует для нас правила.

Здесь мы оказываемся в новой ситуации. Если мы возьмем физические носители, то мы не ограничены в количестве сеансов использования носителя – сколько раз мы прослушаем музыку, или сколько раз прочтем книгу – мы можем этот носитель подарить кому-то или продать. А в области, когда мы подпадаем под цифровое регулирование, можно ограничить количество

просмотров или сеансов доступа. С этим мы мало что можем сделать на сегодняшний день. Тенденции последних месяцев заключаются в том, что пользователи начали сопротивляться. Бреши, казалось бы, в железобетонной обороне этих платформ, которые созданы силами лучших юристов мира, которые вооружены запретительными механизмами копирайта и других законов. А платформы, в свою очередь, столкнувшись с такими коллективными действиями пользователей, пытаются их торпедировать и выстраивать свою стратегию обороны. Пока те дела, о которых я хочу упомянуть, не завершены, попытки пользователей успехом не увенчались. Однако, сам факт имеет значение, поскольку сообщения об этих случаях попадает в средства массовой информации, люди начинают об этом узнавать, формировать мнение, возможно, в дальнейшем они будут присоединяться к этой активности.

В частности, дело против Amazon Prime Video: некая Аманда, жительница Калифорнии, внимательно прочла соглашение и обнаружила там уязвимость и подала иск в суд с интересной формулировкой от себя лично и всех жителей Калифорнии, которые оказались в подобной ситуации и приобрели – об этом я скажу дальше, о раскрытии этого термина – видеоконтент у данного провайдера, права на его использование с 25 апреля 2016 года. Пользователь обнаружил оговорку в правилах о том, что сервис оставляет за собой право ограничивать доступ конечных потребителей к контенту, приобретенному через сервис Amazon Prime Video. Юридическая суть дела состоит в том, что истец утверждает, что сервис Amazon, позволяет приобретать контент для потоковой передачи или загрузки, но вводит потребителей в заблуждение относительно приобретенных прав, потому что этот видеоконтент может стать недоступным для пользователя, если сторонний правообладатель отзовет или изменит лицензию, которую имеет сам Amazon. Видимо, это условие прописано в лицензионных условиях Amazon с контрагентами, и он его перенес в пользовательское соглашение, на что обратила внимание Аманда и выступила с иском от себя и других жителей Калифорнии, оказавшихся в этой ситуации. Интересный иск, наверное, изначально мы понимаем, что не слишком он обоснован. Но я хотел бы обозначить стратегию, которую выстраивает Amazon для того, чтобы понимать, как это происходит. Если пользователи решат, что эта активность перспективная, они смогут не делать тех ошибок, которые они делают на

сегодняшний день. Первое, о чем говорит Амазон – о ненадлежащих основаниях для иска.

Дело в том, что госпожа Аманда апеллирует к трем законам: Закону о недобросовестной конкуренции штата Калифорния; Закону о ложной рекламе и Закону о защите прав потребителей. Амазон считает эти требования нерелевантными. И считал бы эти претензии обоснованными, если бы Истец предъявил иск о нарушении правил договора, заключенного с сервисом. Таких претензий не было выдвинуто. Или если бы Истец потребовал возмещения убытков вследствие нарушения какого-либо из законов Калифорнии. Перечисленные три, они считают, что нарушены не были. В связи с этим, они апеллируют ко второму аргументу. Первый – ненадлежащее основание для иска. Аргумент номер два – отсутствует ущерб. Они считают, что жалоба Истца — это спекуляция на возможном ущербе, который по факту не наступил, и это действительно так. Истец говорит о том, что контент может стать недоступным, в частности, тот, которым он пользуется, но контент находится в доступе и того обстоятельства, на которые ссылается истец, в действительности не произошло. Более того, после подачи иска клиент приобретал права на использование других произведений. То есть, первое – ненадлежащее основание для иска, второе – отсутствие ущерба. Третье, о чем говорит Амазон – что пользователи абсолютно полностью информированы о том, что они платят за ограниченную лицензию, и что соглашение нужно читать полностью, в том числе мелкий шрифт. Адвокат Амазона заявил, что не имеет значения, удосужилась ли Истец прочитать полностью соглашение, или нет, а также что пользователь связан соглашением в любом случае, читал он его или нет. Соглашение об условиях обслуживания с продавцом, онлайн-транзакция с потребителем, является действительным и имеет исковую силу, если потребитель получил разумное уведомление об условиях обслуживания. Третий аргумент заключается в том, что если вы согласитесь с условиями сервиса, то вне зависимости от того, прочитали Вы его или нет, считаете Вы его корректным или некорректным, вы связаны его условиями, и точка. Такую стратегию защиты выстраивает Амазон: ненадлежащее основание для иска; отсутствие ущерба; полная информированность пользователя об условиях, и выраженное согласие с помощью конклюдентных действий. Так сказать, нажал кнопку «согласиться». На сегодняшний день это дело продолжается, оно еще не завершено, будем следить за его развитием. Вот что здесь еще важно сказать о природе этого иска: Истец утверждает, мы это проверили и

подтверждаем (вот скриншот), что при заключении соглашения в онлайн-форме используется слово «купить» контент, что очевидно не соответствует интеллектуально-правовой природе отношений. То есть, ты получаешь возмездное право использовать контент, однако, действительно, Амазон использует глагол купить – buy, вот, пожалуйста, вот этот интерфейс заключения договора. Здесь есть кнопка «купить». Возможно, одним из последствий данного иска будет то, что владельцы сервиса станут аккуратнее оформлять отношения с пользователем.

Промежуточные выводы такие, что, вероятно, иск будет отклонен, поскольку ущерба нет. Если Амазон и понесет издержки, то не более, чем репутационные. Вероятно, сервис более точно будет отражать природу отношений и уберет термины «buy», «purchase», которые могут вводить в заблуждение пользователей, которые не настолько глубоко посвящены в проблему авторских прав и могут проводить для себя аналогию между покупкой физического носителя и приобретением права на доступ, воспроизведение контента, тем более, которое ограничено временем. Также промежуточным выводам я бы отнес то, что пользователи стали обращать внимание на свои права и даже пытаться их защищать. Возможно, не в этот раз, но в будущем это возымеет действие. Важно отметить сам факт иска, такие дела работают не сразу, а по мере накопления. Здесь я бы вернулся к тезису о конкуренции среди цифровых платформ, пользователь – главная ценность, и сервисы не могут не реагировать на то, что пользователи высказывают недовольство качеством или условиями услуг в публичном поле.

Второй случай – это случай с ютуб, второй иск. Иск о так называемом «деплатформинге». Это коллективный иск от пятнадцати Истцов, которые подали в суд на за то, что их аккаунты были приостановлены. Они не удалены, но они не могут ими пользоваться. Дело в том, что 15 октября ютуб объявил о расширении своей политики в отношении ненависти, преследований, «маргинальных теорий заговора». Это все было перед выборами. На основании измененных правил, действительно, ютуб приостановил часть аккаунтов, которые попадали с его точки зрения под новые ограничения. Здесь интересным представляется вот что: сегодня мы говорили о том, как государство должно влиять на эти сервисы, призывать их работать в своей юрисдикции по тем правилам, которые установлены здесь, на данной территории. А вот эти 15 пользователей с консервативными взглядами

подозревают, что их ограничили, их аккаунты заблокировали, потому что они придерживались радикальных консервативных взглядов. Эти пользователи утверждают, что ютуб участвует в государственных действиях и слишком быстро капитулирует перед ситуативным и не устоявшимся в обществе «правительственным принуждением». Сегодня на этой конференции много говорилось о том, что ютуб и другие сетевые сервисы и платформы обязаны подчиняться правилам государства. А эти 15 пользователей говорят об обратном – что ютуб слишком быстро и опрометчиво отреагировал на запрос государства о том, чтобы вот эти суперконсервативные взгляды и аккаунты тех, кто их пропагандирует, были приостановлены. Какова стратегия ютуб в защите по данному иску? Они говорят о следующем: что, во-первых, «мы не комментируем незавершенные судебные процессы», но политика компании регулярно обновляется с учетом новых проблем. К таковым относят вредоносные заговоры, которые использовались для оправдания насилия в реальном мире. Команда разработчиков политики ютуб корректирует сегодня, и в дальнейшем будет корректировать свои действия по необходимости в случае требования Правительства. Также ютуб говорит, что «мы применяем эти политики последовательно и независимо от того, кому принадлежит канал». Такая стратегия.

Общий вывод по результатам этих двух случаев я бы сделал такой, что примеры коллективного действия оказываются как минимум более заметными, чем частные обращения, поскольку представители сервиса вынуждены реагировать не автоматическими ответами, или даже оставляя без ответа просьбы пользователей, а официальными заявлениями своих адвокатов в публичном поле. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что блогеры, ютуберы, получая так называемые «страйки», пытаются их оспаривать с переменным успехом, часто не получая ответов на свои вопросы. В дальнейшем мы можем получить прецеденты изменения правил сервисов на основе коллективного обращения от пользователей. На этом я хотел бы закончить свое выступление о коллективных действиях пользователей в отношении цифровых медиа. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо, Руслан Александрович. Руслан Александрович, не соглашусь с Вами в двух вопросах. Первое – Ваше утверждение о том, что лучшие

юристы готовили пользовательские соглашения для социальных сетей. Я думаю, что лучшие юристы в этой сфере собрались сегодня здесь, а мы с вами точно не готовили эти пользовательские соглашения, это первое. И второе, Руслан Александрович, мы должны показывать пример следования регламенту. Поэтому, большая просьба ко всем, кто будет теперь выступать дальше, все-таки, давайте соблюдать регламент. 15 минут – это 15 минут, не больше, 10 это 10. И с таким пожеланием я передаю слово Виктору Николаевичу Монахову. Виктор Николаевич, пожалуйста, подключайтесь. Видимо, опять какая-то проблема, но, к сожалению, мы не можем ждать, когда эту проблему Виктор Николаевич разрешит, будем надеяться, что он все-таки это сделает. А пока что я передаю слово Андрею Георгиевичу Рихтеру, старшему советнику Бюро представителя ОБСЕ по свободе медиа, доктору наук, профессору. Итак, в эфире ОБСЕ, Вена, Австрийская республика. Пожалуйста, слово Вам.

Андрей Рихтер:

Спасибо, Михаил Александрович, спасибо большое. Уважаемые коллеги, рад видеть знакомые лица, рад видеть своих коллег и друзей. И сразу же, пока не забыл, хочу вас всех поздравить с наступающим Новым годом и пожелать вам здоровья и счастья в следующем году. Мое сообщение будет не столь глубоким, как предыдущие интересные очень выступления. Я поговорю о взаимоотношениях, о балансе между правом на свободу информации и правом на здоровье в контексте, естественно, сегодняшних событий. Я уже выступал на похожую тему на другой конференции, которую организовывала ваша кафедра. Сегодняшнее выступление будет немножко другим, это будет таким приквелом, я бы сказал, к тому, что я говорил раньше.

Сначала, практически универсально известно, что все права человека в основном закреплены в двух главных международных пактах – Пакте о гражданских и политических правах и Пакте об экономических, социальных и культурных правах. Оба этих пакта были подписаны в одном году, 1966-м, и вступили в силу в один и тот же год, 1976-й. В первом пакте, как все мы знаем, прописано, в 19-й статье, «право на свободу выражения мнения».

Право на свободу выражения мнения включает в себя свободу информации. «Свобода информации» сформулирована достаточно широко и по толкованию органов ООН включает в себя, безусловно, и свободу средств

массовой информации – важнейший инструмент как для получения информации, так и для реализации свободы выражения мнения. Еще одним фактором, точнее, причиной, почему столь важное значение уделялось свободе выражения мнения, свободе информации, было то, о чем вы, как представители в какой-то степени ЮНЕСКО, знаете: с самого зарождения ЮНЕСКО выступала за то, что свобода информации является важнейшим инструментом для создания общества знаний. Для того, чтобы все люди на Земле знали как можно больше и получали знания через средства информации.

Второе право – это право на здоровье, и с ним связано возможное ограничение свободы выражения мнения, потому что и в международном Пакте о гражданских и политических правах, и в других соглашениях говорится о том, что это право может быть ограничено законом в ограниченном числе случаев. Один из этих случаев – это защита общественного здоровья. В Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая была принята еще раньше, в 1950 году, говорится о праве на здоровье, о защите здоровья как основании ограничения свободы выражения мнения.

Что это за «право на здоровье»? Это право фигурирует в международном Пакте об экономических, социальных и культурных правах. Само по себе право на здоровье вызывало довольно много споров. Само слово «здоровье» не очень-то понятно в контексте права, потому что многие считают, что это, скорее, риторическое право, и, скорее, желание, чем право. Здоровье достаточно трудно определить, достаточно трудно обеспечить и достаточно трудно им пользоваться. Но международный Пакт сформулировал право на здоровье как «право человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». Эта формулировка фигурирует и в других документах Организации Объединенных Наций, которые говорят об этом праве. Органы ООН полагают, что для обеспечения права на здоровье необходимо также, чтобы государства – и, нужно сказать, что это право на здоровье в отличие, скажем, от права на свободу выражения мнения, является позитивным правом – чтобы государства делали все возможное для предупреждения, контроля увеличения эпидемических, эндемических, профессиональных и другого рода болезней. То есть, в данном случае право на здоровье выражается как необходимость со стороны государства предпринимать определенные меры. «Общественное здоровье» – это, конечно же, не «здоровье». Это – связанные понятия, но это не обязательно собственно

здоровье. «Общественное здоровье» четко нигде не сформулировано в праве. Все исследователи оперируют формулировкой Французского Института медицины, которая говорит, что «общественное здоровье означает интерес общества к обеспечению здоровых условий жизни населения, обозначает организованные усилия общества для предотвращения болезней и развития здравоохранения и включает в себя деятельность, проводимую как органами государственной власти, так и гражданским обществом и частными лицами».

Теперь о балансе между этими правами. Вообще, возможно ли говорить в данном случае о балансе, либо необходимо подобрать какое-то другое, более правильное, слово?

Интересно, что Комитет по правам человека — это тот комитет, который уполномочен в Организации Объединенных Наций заниматься вопросами выполнения международного Пакта о гражданских и политических правах — говорит, и вы наверняка об этом знаете, что свобода выражения мнения является основой полного осуществления самого широкого круга прав человека, лежит, по сути, в основе всех прав человека. И это понятно. Но другой комитет Организации Объединенных Наций, который занимается вопросами второго правозащитного пакта, говорит о том, что именно здоровье является фундаментальным правом человека. Оно незаменимо и его невозможно никоим образом поколебать для того, чтобы осуществлялись все права человека, что тоже разумно. Но это другой взгляд.

В газете New York Times летом этого года была любопытная дискуссия между редакцией и специальным докладчиком по свободе выражения мнений, профессором Дэвидом Кэем о самой возможности баланса между этими правами. Сначала была опубликована редакционная статья, в которой говорилось о том, что гражданские права являются частью хрупкого баланса защиты частных лиц от пандемии и, поэтому, при защите от пандемии очень трудно избежать хотя бы некоторого ущемления прав человека. Кэй опубликовал в той же газете через несколько дней колонку, в которой говорил о том, что защита свобод и прав человека не является предметом баланса. Она заключается в требовании от органов государственной власти обоснования законности и правомерности любого рода ограничений. Кэй ставил достаточно понятный вопрос о том, что если государство вводит подобного рода ограничения и не объясняет, в чем, собственно, правомерность и законность этих ограничений, в чем пропорциональность целям защиты

общественного здоровья, то возникает закономерный вопрос о том, для чего это делается и как надолго?

До Covid-19 политика соотношения этих двух прав была достаточно гармонична. Более того, исследователи права на здоровье говорили о том, что без права на информацию право на здоровье бессмысленно, потому что право на информацию обеспечивает гражданам то знание, которое необходимо для того, чтобы лечиться, уберегаться от эпидемий, вести здоровый образ жизни и тому подобное.

Более того, следует сказать, что Европейский суд по правам человека использовал именно право на здоровье для оправдания и для расширения той формулировки свободы информации, которая записана в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Напомню, что в 10-й статье этой конвенции нет упоминания права человека искать информацию. В нескольких своих решениях Европейский суд вывел это право (искать информацию), которого нет в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, через право на здоровье. Например, в деле «Мак-Кинли и Иган против Соединенного Королевства» заявители в Европейский суд полагали, что пострадали от радиации во время ядерных испытаний и потребовали доступа к информации о том, какие потенциальные риски для здоровья у них есть. Такой доступ они не получили. Европейский суд принял постановление, в котором говорит о том, что если правительство участвует в деятельности, которая может принести вред здоровью, и у которой есть скрытые последствия для этого здоровья, должно уважать частную семейную жизнь – то есть, статью 8 Европейской конвенции – и предоставить заявителям право на получение соответствующей информации. Второе дело еще интереснее – это дело «Гуерра и другие против Италии». Здесь органы государственной власти в Италии отказали в предоставлении информации о деятельности частного химического завода. Заявитель полагал, что химический завод может наносить вред его здоровью, что, в общем-то, не оказалось правдивым. Но, тем не менее, он потребовал информацию, органы государственной власти сказали, что у них такой информации нет. Частный завод отказался предоставлять подобного рода информацию. Европейский суд посчитал, что у государства есть позитивное обязательство собирать, обрабатывать и распространять информацию, исходя из того же права на здоровье.

Право на здоровье, право на информацию и право на защиту выражения мнения достаточно часто помогают друг другу. Распространение информации о свойствах сигарет, лекарств, количестве калорий, которые мы видим на различных продуктах, и есть тот самый баланс, по сути, между правом на свободу информации и правом на защиту здоровья, о котором может идти речь. Кроме того, мы все знакомы с многочисленными случаями того, когда право на информацию ограничивается, в случае распространения рекламы, именно из-за защиты здоровья. И это включает в себя не только рекламу некоторых товаров, но и некоторых медицинских услуг. Например, в некоторых странах это запрет информации об услугах совершения абортов, запрет рекламы так называемой «нездоровой еды», которая, в свою очередь, абсолютно законна. В последнее время, и не только в связи с ковидом, это ограничение на распространение информации, связанной с борьбой против вакцинации, против тестирования и так далее. До нынешнего года эти вопросы не считались противоречивыми и вызывали очень ограниченный интерес со стороны правозащитников, потому что все было более-менее сделано на основе консенсуса, спокойно, без скандалов и противоречий.

Этот вопрос был настолько мало изучен, что когда я попытался выяснить, что же пишут о праве на здоровье как о возможном ограничителе свободы информации, я выяснил, что в томах и томах книг, посвященных свободе выражения мнения, праву на возможность этого ограничения для защиты здоровья уделено, в лучшем случае, половина абзаца, может быть, абзац. Право на ограничение свободы выражения мнения для защиты здоровья в целом ряде случаев, книг, посвященных 19-й статье международного Пакта, вообще не упоминается. Это касается не только субъективного взгляда исследователей и того, что они хотели при этом сказать, но и вопрос позиции международных органов. Например, Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций в своем докладе-исследовании того, как применяется 19-я статья – я имею в виду «Общий комментарий номер 34» – вообще не упоминает хоть один случай, когда ограничивается свобода выражения мнения ради общественного здоровья. Конечно же, причина не в игнорировании этого вопроса, причина в том, что конфликтов по этому вопросу было крайне мало. Но, опять-таки, в данном случае речь идет об истории, о том, что происходило в мире, в международном праве до марта этого года. Спасибо большое за внимание.

Михаил Федотов:

Спасибо, Андрей Георгиевич, это было очень интересно. Тема баланса между свободой выражения мнений и правом на охрану здоровья раньше не звучала, но сейчас она, наоборот, звучит очень и очень актуально, спасибо. И я сразу передаю слово Елене Шерстобоевой. Елена Алексеевна работает в Городском Университете Гонконга, преподает там на двух факультетах, является кандидатом филологических наук и членом нашей Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Пожалуйста, Елена Александровна.

Елена Шерстобоева:

Добрый вечер, у меня уже добрый вечер. Я, действительно, продолжу говорить о балансе и сразу начну делиться своей презентацией. Я расскажу об исследовании, которое мы подготовили вместе с моей коллегой Валентиной Юрьевной Павленко с Департамента медиа НИУ ВШЭ. Это, в некотором смысле, часть определённого сериала, который мы делаем относительно того, как в азиатском праве закрепляется реакция на вызовы, создаваемые в период коронавируса. Почему, на мой взгляд, данный опыт в принципе может быть интересен вообще всему миру, и почему он может быть интересен нам? Ну, по нескольким причинам. Всему миру он интересен потому, что Азия уже в каком-то смысле зарекомендовала себя в качестве определённого трендсеттера в области вообще разработок, новых технологий и всего остального. Поэтому здесь, конечно, весь мир довольно пристально следит за цифровым регулированием Японии, Кореи, может, Гонконга в меньшей степени, Сингапура. Кроме того, здесь информация финансовая, скажу вообще, здесь большие деньги завязаны, и весь мир следит за экономической информацией из этого региона. Этот регион интересен ещё и тем, что его опыт борьбы с COVID-19 вообще считается очень успешным. Нам было интересно посмотреть, насколько успешен опыт борьбы с инфодемией.

Другое исследование, которое мы делали с Валентиной Павленко, непосредственно посвящено регулированию новых средств цифровой слежки, которые используются в регионе для предотвращения новых кейсов вируса. Почему нам это может быть интересно? Я здесь нахожусь уже полтора года и довольно плотно изучаю местную концепцию того, как в азиатском регионе понимается свобода выражения мнений. Вообще, сложно говорить о каком-то азиатском подходе, если честно, потому что азиатский регион очень

разнообразен. Общий подход к тому, что общественная безопасность превыше всего и превыше индивидуальных прав, здесь прослеживается и в правовой традиции, и в общем ряде культур тоже. Я бы хотела обратить внимание на первый момент, когда термин «инфодемия» появился в общественном дискурсе, потому что очень часто цитируется определение ВОЗ, а на мой взгляд, это определение, может быть, даже больше помогает и объясняет. Оно появилось в контексте SARS, который тоже имеет отношение к азиатскому региону. И журналист Роткопф, который ввёл этот термин, как считается, в общественный дискурс, собственно, видел проблему инфодемии в том, что она возникает на фоне недостатка фактов, которые провоцируют, как раз, страхи, слухи и спекуляции. Я обращаю внимание, что термин «fake news» он здесь не употребляет, я к этому термину ещё вернусь. Если в целом говорить о результатах нашего с Валентиной Павленко довольно-таки большого исследования, мы видим очень активную роль государства в борьбе с инфодемией. Мы видим, не могу сказать, что очень активное использование, но, тем не менее, мы видим, что так или иначе все юрисдикции региона имеют определённого рода запреты, которые могут использоваться максимально широко. В частности, можно говорить о таких запретах, как запрет на ложную информацию, что вызывает большие вопросы, потому что мы все в какой-то степени вынуждены иногда врать или обманывать. И, наверное, границу здесь провести очень сложно. Они закрепляют прямо запрет на ложь. Есть юрисдикции, прямо закрепившие конструкт «фейковые новости».

Так или иначе все юрисдикции используют довольно расплывчатые формулировки, то есть, что понимать под искажением фактов, тоже не очень понятно. Нигде конкретное определение не даётся, а если и даётся, то, как правило, ничего не объясняет. Применение пока, я бы сказала, в основном, в регионе не очень активное, за исключением Китая и Сингапура, они вообще явно выделяются. Самый мягкий, наверное, подход в Японии, которая стоит особняком. Но, так или иначе, Япония тоже относится к тем юрисдикциям, которые очень активно усилили роль государства в борьбе с инфодемией. Уже сегодня говорили про алгоритмы, как раз это тот регион, где алгоритмы используются довольно активно, и используются по-разному. Где-то они предполагают идентификацию фейковых новостей и сразу их удаление, где-то предполагают отсылку этой информации для последующей верификации.

В частности, на мой взгляд, таким позитивным моментом является развитие медиаграмотности. Опять же, оно иногда происходит при поддержке государства, и, в общем, нельзя сказать, что оно является независимым. Вот здесь, в частности, пример из Кореи. А вот этот пример как раз независимый, то есть это даже не тайваньская площадка, но в неё тайваньская фактчекинговая организация интегрировала алгоритм, позволяющий пользователям в ручном режиме отправлять информацию, которая нуждается в верификации, и они используют также алгоритмы. Если рассматривать инфодемию как проистекающую на фоне недостатка информации, то мы видим, с одной стороны, усилия государства, с другой стороны, это говорит лишь об усилении государственной информации, что не говорит нам об её разнообразии. Насколько я знаю, все популярные фейковые новости здесь, которыми обменивались довольно внушаемые, скажем так, люди, возникали в основном из-за того, что люди просто не знали, что делать. Действительно было очень много слухов вокруг всего, особенно в начале, когда COVID-19 только появился. Я хочу обратить внимание на то, что Китай уже начинает предпринимать попытки, по крайней мере, по созданию ощущения, что они смягчают политику по фейковым новостям, потому что такая жёсткая политика, используемая поначалу, спровоцировала ещё больший недостаток информации правдивой, потому что люди перестали сообщать о каких-то нарушениях на местах. И это усилило кризис легитимности власти, который уже назревал. Мне будет очень интересно смотреть на то, как будет развиваться в дальнейшем политика и право в Китае. Имеет ли это какое-то развитие, или это сделано исключительно в популистских целях, чтобы успокоить население. Это, пожалуй, основной риск, о котором я хотела сказать в контексте доминирующей роли государства. Я не говорю, что государство не должно здесь играть роль. Государство должно, безусловно, занимать очень активную позицию, государственная информация крайне важна, это правда. Но не сужать интерпретацию термина «надежная информация», как это делается в китайском и сингапурском законодательстве, до информации, полученной из органов государственной власти. В общем, это приводит к очень серьёзному перекосу, социальному недовольству и очень серьёзным рискам и для свободы выражения мнений, и для права на здоровье. Это то, о чём говорил Андрей Георгиевич – о том, что, действительно, здесь очень сложно говорить о конфликте этих прав, потому что в данной ситуации, такой, как коронавирус, они выступают вспомогательными. И без права на

информацию обеспечить право на здоровье невозможно. У меня всё, я буду очень рада выслушать ваши вопросы.

Михаил Федотов:

Спасибо, для вопросов у нас потом будет слот, а сейчас я передаю слово господину Мариусу Лукошунасу, советнику Сектора коммуникации и информации ЮНЕСКО. Пожалуйста, господин Лукошунас, слово вам.

Мариус Лукошунас:

Добрый день всем, слышно хорошо, я надеюсь. Я поговорю об одном аспекте нашей сегодняшней дискуссии – это право на доступ к информации. Как мы все знаем, ЮНЕСКО является учреждением ООН, агентством ООН, которому поручено следить за прогрессом в этой области посредством мониторинга показателя 16 10 2. Это очень бюрократическая определение, но, в принципе, это означает, что ЮНЕСКО собирает данные по всему миру о том, как применяются и осуществляются конституционные и другие законодательные гарантии общественного доступа к информации. В этой части повестки двух тысяч тридцать мы являемся ведущей организацией, мы этим начали заниматься уже довольно давно и, как мы все понимаем, безусловно, любая глобальная проблема, будь то окружающая среда или то, что сейчас происходит пандемия, имеет свою очень важную информационную составляющую, которая напрямую связано с правами человека. Если мы говорим о правах человека в этой области, это, конечно, одно из главных закреплённых прав человека – право на информацию. В этой связи, конечно, очень интересно развивалась вся ситуация, которую мы наблюдали на фоне пандемии.

И во время кризиса общее мнение экспертов было такое, что конституционные законодательные гарантии общественного доступа к информации не только гарантируют это право, но дополнительно спасают жизнь, укрепляют доверие и помогают разрабатывать устойчивую политику, что очень важно. И доверие, и устойчивая политика – очень важные моменты, когда мы стараемся управлять кризисной ситуацией. Дополнительно к этому они укрепляют доступ к здравоохранению, о чем было сказано, к образованию, к правосудию. Индикатор 16 это, вообще, про доступ к правосудию, и доступ

к информации рассматривается в этом контексте как одна из составляющих или важных элементов доступа к правосудию. И, конечно, ко всему прочему, ещё может способствовать сокращению неравенства. Если мы очень быстро взглянем на то, что происходило в сфере доступа к информации, или законодательного регулирования информации за последние 15 лет, мы видим огромный прогресс, количественный прогресс. Я не говорю о качественном прогрессе, то есть, огромное количество законов было принято к концу 2019 года. 126 законов. По разным подсчетам, ООН и не ООН, у нас есть чуть больше, чем 190 юрисдикций. Всего мы имеем 126 стран, которые имеют специальные законодательные акты, гарантирующие доступ к общественной информации. В 2009 году было только 40 таких юрисдикций. Это, конечно, представляет собой большой скачок роста, более чем в три раза за одно десятилетие. Международные гарантии, тоже, в какой-то мере множатся, насколько я понимаю, стратификацией Армении, Украины конвенцией совета Европы по доступу к чистой информации. Это конвенция вступит в силу в конце этого года.

Также у нас есть конвенция Аргуса, которая если и не говорит об общем праве на доступ к информации, то говорит о том, что граждане имеют право на доступ к информации, связанной с окружающей средой. В этом смысле эта конвенция тоже очень интересна, потому что она показывает в какой-то мере 1998 год. Она показывает, что, когда защита окружающей среды стала глобальным вопросом, надо было принять специальную конвенцию, которая регулирует в том числе информационную составляющую этой глобальной проблемы. Когда мы смотрим на эту логику, мы видим, что есть определённая логика и в сфере информации, связанной со здравоохранением, особенно когда это происходит в контексте глобальной пандемии, которую мы переживаем сейчас. Как учреждение, осуществляющее глобальный мониторинг показателя 16 10 2, то есть, доступ к информации, ЮНЕСКО в 2019 году провела опрос, который не только зафиксировал, сколько есть юрисдикций и сколько специальных законов принято в этом смысле. Но мы тоже постарались взглянуть на имплементацию этих законов, мы увидели во многих юрисдикциях тенденцию утверждения офисов – по-английски «information commissioners». Иногда у них мандат распространяется на защиту частной жизни, но, конечно, есть юрисдикции, где это осуществляется через судебную систему, или через специальные офисы, которые работают вместе с парламентом. Они имеют немножко шире мандат, но в том числе и мандат,

который гарантирует доступ к информации. На данный момент такая глобальная картина, с которой мы встретили пандемию, начали думать и смотреть, что же происходит с законодательством о доступе к информации, с имплементацией доступа к информации, особенно той, что связана со здравоохранением на фоне пандемии. С 1915 года отмечается Международный день всеобщего доступа к информации. Это для нас является очень важным моментом. 28 сентября, когда мы собираем все международное сообщество, чтобы посмотреть, что же происходит, обсудить наметить какие-то рекомендации. В этом году международный день Всеобщего доступа к информации первый раз отмечался как ООН-праздник, то есть, до этого он был ЮНЕСКО. На генеральной ассамблее его объявили в 19-с году днём ООН. Мы сфокусировались на праве на информацию во время кризиса и на преимуществах конституционных законодательных гарантий общественного доступа к информации. Главный вывод большой глобальной дискуссии: в 40 странах мы проводили разные мероприятия, а также центральное мероприятие в Париже, конечно, на платформе zoom, право на доступ к информации в данной ситуации, которую мы переживали и переживаем, укрепляет доверие, это очень важно во время кризиса.

Я поделюсь потом своей презентацией, не получается вывести на экран, но мы провели специальные исследования права на информацию во время кризиса и очень коротко, так как у меня только 15 минут, я изложу здесь главные выводы того, что происходило с законодательством и его имплементацией во время кризиса. Почти 80 стран применили разные методы, которые или замораживали законодательные нормы, которые гарантируют доступ к информации, де-юре или де-факто просто приостанавливали ответы на запросы, которые являются главным компонентом такого законодательства. Изучив все это, в нашем исследовании мы предлагаем такие рекомендации: приостановление действия закона о праве на информацию, или введение общих задержек – это то, чего надо избегать. Задержки должны быть конкретно обоснованы. Запросы, имеющие большое общественное значение, должны не замораживаться, так как помогают правительству быть ответственным перед обществом и должны рассматриваться во время кризиса как приоритетные. В первую очередь мы, конечно же, имеем в виду информацию, связанную с пандемией. В настоящее время правительства принимали очень важные решения для оказания медицинской помощи, для защиты экономики и поддержания механизмов подотчетности, включая

доступ к информации. Это имеет огромное значение для высокого уровня доверия населения.

Главный контекст инфодемии – это недоверие. Оно происходит от того, что люди не верят. Нужно сделать все, чтобы общество могло получать информацию, особенно информацию, которую надо запрашивать, которая не предоставляется проактивно. Следующие рекомендации – государства несут позитивные обязательства по раскрытию ключевой информации, это тоже очень важно, потому что во многих странах не создана инфраструктура, которая может функционировать в проактивном режиме. Чрезвычайная ситуация в области здравоохранения может привести к возникновению материально-технических препятствий для обработки запросов по информации. Таких, как невозможность доступа к физическим документам или предоставление информации лицам, которые не имеют доступа к цифровым технологиям. Поэтому, очень важный урок здесь – цифровые технологии должны внедряться в этот процесс как можно быстрее. Есть огромное количество практик, которые можно найти на веб-сайте одного из партнеров ЮНЕСКО – Open Government Partnership – это, 775, по-моему, государств, которые объединились 10 лет назад в международную организацию. Они проделали огромную, очень интересную работу, как цифровые решения помогали и помогают в данной ситуации. Как они будут помогать в будущем, если мы снова окажемся – мы пока не вышли из этой ситуации – но, если снова окажемся в похожей ситуации.

Михаил Федотов:

Большое спасибо, господин Марино, по-моему, идея насчёт продолжения дискуссии в Италии мне кажется симпатичной, но давайте сначала разделаемся с пандемией коронавируса. К сожалению, пока мы видим только свет в конце туннеля. Но мы ещё из этого туннеля не выехали. И теперь я предоставляю слово нашим финским участникам – это Каарле Норденстренг, Светлана Пасти. Эти люди не нуждаются в отдельном представлении, но всё-таки я их представляю. Каарле Норденстренг – почетный профессор университета Тампере и научный руководитель международного исследовательского проекта медиа в странах БРИКС. Кроме того, Каарле, вообще, всё-таки классик, в нашем медийном сообществе, всемирном

медийном сообществе, его знают во всём мире, как одного из создателей Концепции нового мирового информационного порядка. Это человек, который всю свою жизнь посвятил проблемам развития медиа в мире. То есть, практически, перед нами Лев Толстой в сфере медиа, а рядом с ним, его помощник и прекрасный специалист, доцент университета Тампере Светлана Пасти. Светлана, пожалуйста, я готов показывать вашу презентацию.

Светлана Пасти:

Спасибо, даю слово Каарле.

Каарле Норденстренг:

Добрый день коллеги, я Каарле Норденстренг.

Светлана Пасти:

И я, Светлана Пасти, мы оба в Тампере, Финляндия, я перевожу выступление моего коллеги Карле.

Каарле Норденстренг:

Наше выступление «Защищая нормативность: не упустить фундаментальные ценности», основано на международном проекте по СМИ в странах БРИКС, который мы координировали в Тампере. Резюме проекта изложено в книге, выходящей в свет. Предыдущая книга посвящена журналистам, и она даёт нам хорошую отправную точку для этой презентации.

Светлана Пасти:

В нашем анализе журналистского восприятия профессионализма мы обнаружили, что в России и Китае техническая экспертиза была важной характеристикой в то время, как в Бразилии и Индии понимание профессионализма было обусловлено моральными требованиями – быть честными и искренними. В Южной Африке журналисты отдали приоритет независимости, непредвзятости и отсутствию коррупции. Эти приоритеты профессиональных качеств отражают специфические профессиональные культуры, которые сформировались в конкретных исторических контекстах и

современных обстоятельствах. Журналистика этих стран была площадкой освободительных движений против колониальных западных держав (Бразилия, Индия, Китай и Южная Африка) или царского самодержавия (Россия), но в то же время впитала некоторые идеи, которые преобладали в обществе, а также некоторые идеи, экспортированные из западных стран. Исторически, в коммунистических странах, России и Китае, журналистика воспринималась как политическая функция партии и формировалась как рупор правительства для построения нового коммунистического бесклассового общества. Для журналистов было важно техническое мастерство профессии, в то время как коммунистическая партия и государства заботились об идеологии. Это понимание не исчезло полностью сегодня и в значительной степени узаконивает желание журналистов, выполнять роль посредника между государством и обществом, и содействовать общественному порядку. В бывших колониальных странах журналистика столкнулась с борьбой за независимость от колонизаторов, которые долгое время навязывали свои собственные средства массовой информации, игнорируя интересы и права местного населения. Журналистика была частью борьбы за справедливость и освобождение от гнёта колонизаторов. Моральная сила была на стороне угнетенных, они отстаивали истину и победили. Эта историческая и генетическая память о силе истины и справедливости живёт в нынешних поколениях журналистов и влияет на их ценности и выбор в работе, каким образом, для бразильских и индийских журналистов профессионализм понимался и отражался как моральный дух, который помогает выполнять миссию добра и справедливости, которая выходит за рамки, просто роли или функции. В Южной Африке недавняя история апартеида является одним из объяснений того, что журналисты считают независимость главным качеством профессионала, за которым следует отсутствие предвзятости и коррупции; они были бы наиболее актуальны для участия журналистов в решении текущих проблем демократизации в стране. Мы попросили журналистов определить три наиболее важных социально-политических изменения, которые необходимы стране, чтобы журналистика могла выполнять свои функции. Журналисты были очень похожи в своих ответах, они сказали, что их стране нужно больше демократии и больше независимости медиа, их экономической независимости. Журналисты БРИКС разошлись в своих ответах, указав текущие проблемы в стране, решение которых поможет укрепить демократическое развитие и защитить журналистику. Например, журналисты в Бразилии говорили о необходимости положить конец коррупции и

олигополии, в то время как журналисты в России, Индии и Китае видели необходимость в усилении политической конкуренции в своих странах. В Китае журналисты хотели бы изменений, которые защищали бы права журналистов, в Индии – изменения, которые открывают доступ к правительству, а в России – изменения, которые создают открытость властей.

Каарле Норденстренг:

То, что Светлана рассказала здесь о мышлении журналистов БРИКС, напоминает об общем взгляде на то, как мы, академические учёные, подходим к нашим темам в СМИ и обществе, включая закон о СМИ. С одной стороны, мы стремимся открыть реальность путём сбора и систематизации эмпирических данных разного рода, такой подход можно назвать фактуальным. С другой стороны, мы всегда явно или неявно привязываем чистые данные к некоторым ценностям и помещаем фактуальные конструкции в более широкий контекст социальных, культурных и политических целей. Мы можем назвать этот подход нормативностью. Эти два подхода всегда смешаны и редко явно различимы. Часто преобладает фактологичность, особенно когда предполагается, что исследование должно быть объективным и свободным от ценностей, а также когда речь идёт об использовании права. Но иногда преобладает нормативность, особенно когда исследование направлено на продвижение политической, коммерческой, религиозной, или другой, явной цели, в так называемых прикладных исследованиях. Давайте посмотрим, как изучаются социальные явления, в том числе медиасистемы и модели. Обычно к ним подходят на трёх разных уровнях. Во-первых, описываем рассматриваемое явление. Во-вторых, объясняем природу этого явления, в-третьих, определяем, что должно делать это явление. Первые два уровня представляют собой описательный и аналитический подходы, социологическую перспективу, которая определяет функции, цели и задачи СМИ в социальной системе. Третий уровень, со своей стороны, представляет собой нормативную перспективу, которая определяет обязанности, задачи и ответственность СМИ в социально-политическом и профессиональном контексте. Нормативный подход заключается в том, чтобы спросить: какова задача СМИ в обществе? И типичные ответы на этот вопрос, например следующие: зарабатывать деньги и поддерживать демократию. Мы пришли к выводу, что сегодня нормативность не воспринимается достаточно серьёзно. С одной стороны, разговоры Трампа о ложных новостях и альтернативной истине справедливо дали новый импульс эмпиризму и возрождению

позитивизма, нацеленного на объективную науку и подчеркивающего фактуальность. Это понятно и, естественно, заслуживает поддержки, с другой стороны, реакция объективной науки на популистские идеологии легко ведёт к подрыву нормативности и восприятия её как ещё одной формы иррациональной идеологии. Нормативность не должна рассматриваться как альтернативная, но неотъемлемая часть науки, рядом с фактуальностью, особенно, с учётом фундаментальных ценностей, универсальной этики и старых ценностей мира, плюс новых ценностей экологии. Спасибо большое.

Михаил Федотов:

Спасибо, Каарле, спасибо, Светлана, я понимаю, как вы готовились и, по-моему, получился очень интересный доклад. Я уверен, что все слушали самым внимательным образом, и, если вы не будете возражать, то мы, конечно, вашу презентацию тоже разместим на сайте кафедры для того, чтобы все могли с ней познакомиться поближе. Спасибо огромное. Для нас большая радость видеть вас снова, хотя и виртуально, конечно, было бы лучше всем увидаться в Москве, но это будущее.

Светлана Пасти:

Мы очень надеемся, спасибо большое, Михаил Александрович.

Михаил Федотов:

Спасибо вам, ну может быть в Италии, господин Марино нас пригласил в Италию. Там соберемся. Или в Финляндии. А может и у кого-то из наших следующих докладчиков. Следующим нашим докладчиком является Мурат Абдулаев, ассоциированный член Американской Ассоциации политических наук. Пожалуйста, господин Абдулаев, вы с нами? Нет, видимо там какие-то проблемы с подключением, он из Майами, но в Майами, видимо, сейчас проблемы с подключением к интернету. Но я вижу, что с нами другой наш друг, с другого континента из-за океана – это постоянный партнер нашей кафедры, член нашей кафедры, профессор Иллинойского университета,

доктор Питер Мэггс. Питер, вы с нами? Если вы включите микрофон, то мы вас и услышим.

Питер Мэггс:

Сейчас.

Михаил Федотов:

Прекрасно.

Питер Мэггс:

В США самая высокая награда наших вооруженных сил – это медаль почёта, даже генерал должен отдать честь простому рядовому, носящему эту медаль. Около 20-30 лет тому назад наш Конгресс принял закон «О краже доблести», который определяет преступление ложного утверждения о получении наград или медалей и предусматривает более суровое наказание, если речь идёт о Медали Почета. Обвиняемый признал свою вину, по ложному утверждению о том, что он получил Медаль Почета, но оставил за собой право обжаловать приговор, утверждая, что закон «О краже доблести» является неконституционным. В 2013 году Верховный суд признал этот закон недействительным в соответствии с первой поправкой в Конституции нашей страны. Эффектом этого решения Верховного суда было установление право лгать. Это очень важно сейчас, когда у нас в социальных сетях очень много ложных постов насчет ковида. И от права лгать переходим к новой проблеме. Это монопольное положение Facebook и Twitter в наших социальных сетях. Десять дней тому назад Федеральная Торговая Комиссия и Генеральная прокуратура США объявили иск против Facebook за нарушение антимонопольного законодательства. Вот суть нашей проблемы, по конституции имеет право лгать, но фактически, это право регулируется не государством, а Фейсбуком и Твиттером. Многие опасные посты появляются в Фейсбуке. Это типичный пост от антимасочников, и ещё из Твиттера. Здесь то же самое из Фейсбука. Во время наших выборов стало ясно, что многие представители одной политической партии были за маски, другие против масок. И здесь пост в Твиттере, главного медицинского советника Белого Дома, о ковиде. Доктор объявил, что маски неэффективны, и дальше аритмия.

Самый популярный человек Твиттера, которого читают около 8 миллионов пользователей – это наш президент, который постоянно занимается ретвитом разных отрицательных мнений о масках. Вот в этом проблема. Политика Твиттера сейчас – это цензурировать твитов частныз лиц содержащий неверную информацию о ковиде. Это объяснение насчет результатов выборов в штате Невада. В этом случае мы видим ретвит Трампа с ложной информацией о новой больнице в Неваде. Сейчас этот твит недоступен. Твит частного гражданина тоже исчез из ленты президента. Фейсбук тоже удаляет опасные группы. Например, группы антипрививочников. Сейчас на сайте этой группы в Фейсбук вы получаете это объяснение с Фейсбука. К счастью, возможно найти удаленные, на замечательном сайте archive.org. Этот сайт каждый месяц более или менее делает полные снимки всего интернета, это очень полезно, не только для историков, также для адвокатов, которые могут искать статьи, которые исчезли из интернета. Здесь мы найдем удалённую группу антипрививочников, на этом сайте. Но даже после высылки из Фейсбука эти организации имеют свои сайты, с этой ложной информацией, как на их частных страницах в интернете. Нечего делать об этом. Среди самых опасных сайтов интернета – сайт племянника покойного президента Кеннеди. Фейсбук тоже занимался цензурой его сайта и в ответ он объявил иск против Фейсбука из-за цензуры своего сайта. Мне кажется, что этот иск безнадежный, потому что Фейсбук как частная организация имеет право решить, что он хочет заблокировать, а что не хочет блокировать. Но это интересный вопрос, он усложняется монополистическим положением Фейсбука. В ответ на цензуру сайтов наших социальных сетей Фейсбука и Твиттера появляется новая социальная сеть Parler – социальная сеть свободы слова. Я завел себе счет в Parler, чтобы посмотреть, что там, и там нашёл очень активные дискуссии среди оппонентов масок, и оппоненты среди локдауна и среди оппонентов вакцинации. Как я сказал, вопрос масок в Соединенных Штатах стал политическим вопросом. Мне вспоминается детская игра, похожая на «найди 10 отличий», где-то в этой картине вы должны найти Вальдо. Имеется сотня таких картин, книги с такими картинками для развлечения детей и, признаюсь, тоже занимаюсь этой игрой, но, как я сказал, это стало политическим вопросом и сейчас ваша задача найти человека с маской. И также как в картине с Вальдо, найдём только одного человека с маской в этой группе, но через месяц у нас будет новая администрация. Для нашей сегодняшней администрации остаётся эта проблема, не может регулировать ложную информацию о ковиде, и доступ

информации для потребителей социальной сети контролируется двумя монополистическими организациями. Большое спасибо за внимание.

Михаил Федотов:

Спасибо, Питер. И, действительно, ситуация такова, что государство и общество играет в эту игру – найти Вальдо, потому что в киберпространстве в эту игру играть практически невозможно, выиграть точно невозможно, потому что никогда не найдёшь этого Вальдо. Я думаю, что мы ещё не раз будем возвращаться и к теме цензуры, и к теме регулирования деятельности сетей. И тезис о том, что Твиттер вряд ли можно будет привлечь к ответственности в судебном порядке, поскольку это частная корпорация. Здесь ещё много вопросов, потому что эта частная корпорация выполняет публичные функции. Я не был бы здесь столь категоричен. На мой взгляд, все-таки нужно искать решение этой проблемы, я полагаю, что решение может быть найдено на пути международного сотрудничества, поскольку тот же Твиттер, тот же Ютуб, Фейсбук – все это трансграничные сети, следовательно, и решение проблемы может быть только трансграничным, поэтому я в очередной раз говорю о необходимости международного сотрудничества, а не международного противоборства, потому что не приводит ни к чему хорошему, а сотрудничество приводит к хорошему всегда.

Теперь у нас есть несколько минут, чтобы задать вопросы предыдущим докладчикам. Я имею в виду профессора Мэггса, профессора Нордэнстренга и Светлану Пасти, господина Марино, Лукошунаса, Шерстобоеву и Рихтера, то есть всех тех, кто выступал на тему международного аспекта данной проблемы. Пожалуйста, есть ли вопросы? Пожалуйста, сразу включайте микрофон и задавайте вопросы. Да, вот вопрос от Григория Томчина, пожалуйста.

Григорий Томчин:

Я хотел бы задать вопрос двум предыдущим ораторам, не последним, а предыдущим, очень много было ссылок на конституции и на наши поправки к Конституции, в которых очень много красивых слов. Считается, что эти красивые слова, то есть, иначе говоря, провозглашенные ценности не принесут некую пользу. Самая красивая конституция, по словам, была конституция 37-го года, там были все очень качественные и красивые слова, там соблюдались

все правила. Но структура власти, которая определялась в той конституции, она не позволяла эти слова преобразовать в некие конкретные действия, которые вместо слов давали бы какие-то действия. Мне кажется, что сегодняшние поправки в Конституции, я спрошу именно вот этот вопрос, они тоже дают очень много красивых слов, которые не могут быть подкреплены нормами в нынешней структуре власти, в отсутствии реальных прав парламента, в отсутствии местного самоуправления. То есть, прав ли я? Наличие красивых слов даёт возможность, чтобы и государство, и люди имели права, или нужно ещё что-то?

Михаил Федотов:

Спасибо, я так понимаю, что это вопрос господину Марино.

Григорий Томчин:

Да, это вопрос господину Марино и следующему за ним оратору, тоже.

Михаил Федотов:

Хорошо, пожалуйста. Господин Марино.

Иван Марино:

Не будем про конституционные реформы 2020 вообще, потому что не тема нашей конференции, но всё написать в основном законе тоже нельзя. Например, я ссылался на проект конституционной комиссии. Я хотел зафиксировать следующие моменты. Статус СМИ, функции, права и обязанности. Мне кажется, что в конституции России конституционные вопросы о СМИ – тоже жертва того политического конфликта, который был тогда. Новелла, которая единственная конституционная реформа 2020 – это введено понятие «информационные технологии», и не более того. Если как политологи, как философы, как социологи, а для юриста основной закон – это высший юридический, поэтому это не стихотворение о философии, отсюда все правовые последствия, но я не специалист в этой области. Спасибо.

Михаил Федотов:

Спасибо. Каарле.

Светлана Пасти:

Может быть ещё раз повторить, что от Карле ожидается, Михаил Александрович?

Григорий Томчин:

Вы в своём выступлении говорили о тех записанных основных законах, о записанных ценностях. То есть, если ценности записаны, то они должны априори существовать. Я бы считал, что записанные ценности без подкрепления конкретными правами в основных законах, без подкрепления устройства государства только затуманивают саму суть. Можно не записывать никаких ценностей, но сделать структуру, которая и защищала бы права человека и защищала свободу прессы. При этом не обязательно писать, что пресса должна быть свободной. Обязательно писать, как и почему она должна быть свободной. То есть, в структуре взаимоотношении СМИ и власти. Что здесь более главное, на ваш взгляд? Поскольку я в России не вижу действий, в поправках к Конституции-2020, там наоборот – красивых слов много, а реальности ещё меньше, чем было до того. Спасибо.

Светлана Пасти:

Я пытаюсь перевести сейчас Карли вопрос может взять тогда немножечко паузу.

Михаил Федотов:

Хорошо, тогда давайте мы сделаем таким образом. Сейчас я предоставляю слово следующему докладчику, а после него мы снова вернёмся к ответу на этот вопрос. Итак, коллеги, я предоставляю слово Людмиле Ганта, вице-президенту международной фирмы Крипцов и партнеры. Людмила, вы с нами?

Людмила Ганта:

Да, с вами. Большое спасибо за предоставленное слово. Соответственно, хотелось бы немного уйти возможно, а возможно и вернуться, и от пользовательских соглашений и от киберпространства, всё-таки тематика информационных кейсов и интернет СМИ, она тесно связана с этими вопросами, может быть, что-то в приоритете остаётся, что-то несколько выносится на задний план, но, тем не менее, мы понимаем в условиях информационной глобализации как бы широко, у нас, не звучало это слово, всё-таки мы возвращаемся к данным вопросам, они тесно взаимосвязаны. Работая в международной фирме и в Институте развития интернета, под проектную работу, я всё больше убеждаюсь, что это тесно взаимосвязанные вопросы и всё-таки нужно формировать, если говорить с точки зрения науки, систему. Говоря о содержании, которое сегодня я постараюсь представить. Во-первых, разобраться, что же такое диффамация, только ли это словесный, определённый речитатив или игра слов. Разобрать кейс ЕСПЧ. Разобраться в том, является ли это нестандартным повтором *Castells vs Spain*, тот кейс ЕСПЧ, который я приведу. И поговорить о медитативных техниках, и в целом, вот как раз-таки поднимались вопросы, в части роли государства, в вопросах регулирования интернет-компаний. В принципе, интернет-СМИ далеко не ушли. Вообще вопрос стоит со стороны регулирования и саморегулирования со стороны государства. Насколько важно соблюсти такой баланс и пределы правового регулирования, как раз-таки отдать эту наводку к саморегулированию, что, в принципе, благодаря медитативным техникам, удаётся. Но обо всём по порядку.

Михаил Федотов:

Прошу не нарушать регламент.

Людмила Ганта:

Говоря, в целом, о такой цитате вводной, как Говорил Джек К.: «Я хочу минимум информации с максимальной вежливостью». Постараемся соответствовать данной цитате. Говоря о диффамации, есть понятие диффамационный конфликт, между субъектами, как раз-таки, которыми

рассматривается оскорбление. Оскорбление в сети Интернет, оскорбление в той или иной форме, в социальных сферах, но мы же все-таки через интернет будем рассматривать, то есть через цифровое пространство. Сложность этого конфликта в том, что предметная суть, она не всегда для юристов, в принципе, понятна и ясна, насколько пределы этого оскорбления, насколько они соответствуют норме, то есть именно объективная сторона и субъективная сторона. И субъектный вопрос. Кто будет отвечать? Информационный посредник, то есть, интернет-СМИ, или пользователи, говоря о кейсе ЕСПЧ, хотелось бы привести «Хейнесс против Норвегии», выделила основные моменты, которые являются коррелирующими, то бишь важность заключается в том, что здесь у нас прибавляется в субъектном эквиваленте интернет-издание плюс онлайн-форум и также пользователи, которые фигурировали в этом деле. Говоря о деле, здесь всё было достаточно просто. Госпожа Хейнесс обратилась с иском к изданиям, в Норвегии, которые не являлись интернет-изданиями. Которые размещали те или иные статьи о ней и о некой госпоже, с которой она состояла в определённых профессиональных отношениях. В принципе, в изданиях всё было изложено корректным языком, но стоило попасть этим вкладкам на онлайн-форум, как сразу пользователи начали это комментировать, обвиняя в том, что эти комментарии, соответственно, и скажем так, по финансовым вопросам каким-то являлись оскорбительными и с эмоциональным подтекстом. На что госпожа Хейнесс обращается в претензионном порядке в комиссию и говорит о том, что соответственно, это нужно как-то урегулировать, это действительно наносит оскорбление чести и достоинству, и вообще её деловой репутации. Здесь же затрагивается интернет-пространство. Говоря о ходе дела, вот она обратилась в эту комиссию. Комиссия признала нарушение кодекса этики журналиста данными изданиями. Судебная инстанция в Норвегии, так как, в принципе, комиссия признала нарушение кодекса этики журналиста, но она не наделена полномочиями возмещать ущерб. А судебные инстанции Норвегии отказали, потому что, в принципе, данные объективные действия не соответствуют и не могут укладываться в логику статьи 246 и 247 УК Норвегии. Что же касается ЕСПЧ. ЕСПЧ действительно в данном случае, скажем так, подводил, очень аккуратно, я бы сказала, фактологические обстоятельства и баланс уважения личной жизни заявителя и уважения свободы, слово пользователя в рамках статьи 8-й. То есть, здесь опять было огромное толкование, изложено право на личную жизнь, подчеркнуто, что оно многогранно. Но всё-таки, оценивая фактические обстоятельства и оценивая изложенные доказательства, ЕСПЧ

очень аккуратно изложил, что если выбирать между уважением личной жизни заявителя и уважением свободы слова, пользователь всё-таки придерживается свободы слова. Стало быть, вопрос золотой середины так и не был урегулирован, что, в принципе, я говорила, в таком тезисном послании, соответствует единой практике ЕСПЧ и баланса. Как-то вот не находится и, соответственно вывод – нарушения не было, которое сделал ЕСПЧ.

Что ценного для нас? В какой-то мере можно говорить, что ЕСПЧ склоняется к праву на свободу слова и постоянно это подчеркивает, и всё более востребованы в этой связи становятся медитативные практики, которые в том числе ведутся фирмами. При этом, кстати, фирмы это не отдельно ведут, это ведут научно-консультативные советы. Всё-таки, мы приходим к такому выводу, что там, где не может до конца дойти в каких-то выводах, до определенного компромисса суд, всё-таки могут сделать медиативные техники. Говоря о медиативных техниках, здесь важно, чтобы здесь была составлена первичная, юридически корректная претензия. То есть, это очень важно, потому что очень многие интернет-издания обращаются с интернет-претензией на тот или иной комментарий, чтобы его удалили, исключили или модерировали правильно контент. Должно быть соблюдение законодательства страны, где интернет-СМИ зарегистрировано. То есть, важно уважать тот или иной порядок, который разбирается для урегулирования споров. Построение коммуникации между заявителем и представителем интернет-СМИ, что в принципе должен решать медиатор, юрист, как важная фигура, которая находится в переговорном процессе, потому что здесь важно достигнуть компромисса, а не так, чтобы одна сторона выиграла, а другая осталась в какой-то определённой проблеме. Так как здесь юрист, в данном случае, ему почему тяжело оценивать – потому что это баланс свободы слова и личной жизни. Здесь действительно, очень тяжело, так сказать, блюсти, потому что фактологические обстоятельства разные, а идти только по одной линии здесь как-то не совсем корректно. Всё-таки, криптоанархизм, если рассматривать и философский трактат, и теоретические работы, нужно здесь определенные грани соблюдать. Опять же, свобода пользователей и свобода как такового индивида, который у нас находится в цифровом пространстве. Итоговое подписание документа по дополнительному соглашению о возмещении убытков, что, в принципе, в результате медиативных практик, медиативных техник, находят своё оправдание определённое, и позволяет каким-то образом достигнуть определённого компромисса. Соответственно, как вывод для нас,

который мы здесь предлагаем, в действительности, проблема является актуальной, по кейс практике.

В силу такого сжатого регламента перехожу к двум основным выводам. Первое – необходимо четко оценивать фактологические обстоятельства, то есть, объективные действия пользователей и, собственно, субъекта, который находится в цифровом пространстве и права которого были нарушены. Говоря о конкретных претензиях, стоит чётко изучать порядок подачи этой претензии и ссылку делать на конкретное нарушение, а не обо всём мире, чтобы интернет-издание, или та или иная цифровая платформа смогла ответить правильно. Второе, пожалуй, что в принципе для нас, теория права, что тоже актуально. Важно прорабатывать систему, систему, в принципе, международной кибербезопасности, кстати, чему моя диссертация посвящена. Ковлер Анатолий Иванович является моим научным руководителем, и мы, соответственно, данную тему прорабатываем. Здесь очень важно понять структуру. Здесь практика идёт как-то по пути саморегулирования, но всё-таки, если теория будет дополнять и гармонизировать в этой части и создавать систему определенную, может быть, получится более результат синтеза теории и практики, и мы сможем прийти не просто к медитативным техникам, которые, казалось бы, так просто звучат, а может быть, к какой-то единой системе, может быть, к определенному правовому регулированию, которое направлено на не просто закрепить как сейчас в законодательной практике у нас регулирование, но и в целом создать слаженную систему, которая позволит воздействовать на данные права и отношения, иметь свои собственные пределы. Спасибо огромное за внимание.

Михаил Федотов:

Спасибо Вам за Ваш очень интересный доклад. Мы ждём вашу презентацию для того, чтобы мы могли её разместить на сайте кафедры, если вы не возражаете, конечно.

Людмила Ганта:

Конечно-конечно.

Михаил Федотов:

И второе. Вы рассказывали о том, как заявительница обращалась в комиссию, совет по прессе, совет по делам прессы в Норвегии, как раз наводит на мысль, что у нас есть аналогичная структура, которая называется «Общественная коллегия по жалобам на прессу». Вы знаете о её существовании?

Людмила Ганта:

Да. Много было кейсов с этим связано.

Михаил Федотов:

Очень хорошо, значит, мне кажется, было бы очень полезно Вам наладить сотрудничество с общественной коллегией, потому что то, что вы рассказываете, теснейшим образом занимается общественная коллегия по жалобам на прессу. Просто она не занимается Норвегией, занимается всё-таки в России этими процедурами. Здесь, в нашей конференции, принимает участие Ольга Вальтеровна Карабанова, пожалуйста, свяжитесь с ней, и она вас введет в курс работы общественной коллегии по жалобам на прессу. Я думаю, что это будет очень интересное сотрудничество. Я прошу прощения, у нас сейчас ответ господина Нордэнстренга, которого я представил как нашего живого Льва Николаевича Толстого, но я бы ещё добавил и Фёдора Михайловича Достоевского тоже, потому что Каарле действительно классик. Пожалуйста, классик, дорогой вы наш. Скажите, что вы думаете по вопросу господина Томчина?

Каарле Норденстренг:

Это очень хороший вопрос, который ведет к рефлексии, философской рефлексии. Мои слайды показали тему очень просто и не отвечают на все вопросы. Вопрос в том, что существует очень много разных видов ценностей. Права человека – это один из видов ценностей. Другие ценности, которые

были упомянуты в моей презентации, например, универсальная этика, ценности мира, новые ценности экологии – ко всем этим видам ценностей можно подходить по-разному. Они могут быть зарегистрированы и записаны в конституции и в других законах. Различными путями, в зависимости от нашего аналитического подхода, какая именно позиция этих ценностей находится. Невозможно судить это в общем пути. Что мы берем во внимание этих ценностей и какая специфика этих ценностей. Мы, конечно, должны были подходить к этому вопросу более детально и всесторонне, и я не могу сейчас ответить. Мой главный фокус в презентации был на том, что давайте не будем терять ценности или избегать ценностей, давайте будем подходить к ценности серьезно и аналитически, с холодным умом. Очень много литературы по ценностям. Давайте мы будем продолжать нашу дискуссию о ценностях. Это очень важно, но не будем сводить её к простому выводу.

Михаил Федотов:

Спасибо Каарле, спасибо, Светлана. Очень мудрые выводы сделал Каарле. Я думаю, что мы все с ним согласимся в том, что не нужно упрощать ситуацию, не нужно пытаться найти простые ответы на сложные решения, потому что иначе мы можем оказаться в ситуации, о которой в своё время написал Василий Гроссман. Он написал: «Самые сложные проблемы всегда имеют простые, ясные для понимания неправильные решения. Хотелось бы обойтись без этих простых, неправильных решений».

3 часть

Михаил Федотов:

Будем слушать наших докладчиков. И на очереди у нас Михаил Борисов, специалист по операциям с частной информацией компании Facebook, аспирант нашей Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву/ смежным, культурным, информационным правам. В эфире город Дублин, Ирландия. Пожалуйста!

Михаил Борисов:

Здравствуйте, дамы и господа! Позвольте мне продемонстрировать мой экран. Надеюсь, всем видно. Так, еще раз добрый день. Меня зовут Борисов

Михаил. Да, я работаю в компании Facebook. Я аспирант Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Высшей Школы Экономики, и сегодня я бы хотел вам провести небольшую презентацию на тему «Право на забвение» в Европейском Союзе и в Российской Федерации.

Итак, как уже многие спикеры до меня указывали, мы живем в эпоху невероятного темпа развития информационных технологий, когда они все больше и больше проникают в нашу жизнь. Пользователи как сами публикуют огромное количество информации о себе в социальных сетях или еще где-то, так и государство, и бизнесы стремятся использовать эти данные для разных целей. То есть, как высказывался глава компании Intel Брайан Кржанич: «Данные, информация стали, по большому счету, новой валютой или даже новой нефтью». И несмотря на явные преимущества данного положения дел, существует ряд рисков, в частности, то, что информация может быть легко использована, в принципе, кем угодно, в каких угодно целях, и зачастую, к сожалению, эти цели не очень приятны.

Для демонстрации этой ситуации я использую достаточно показательный пример журналистки по имени Джастин Сакко, которая в 2015, если я не ошибаюсь, году в своем небольшом аккаунте в Twitter запостила глупую шутку про африканцев. Позже она отправилась в Африку и, прилетев туда, обнаружила, что ее твит – номер один в трендах, и что работы у нее больше нет, что никто с ней не общается, и жизнь ее, в общем-то, разрушена.

Не сказать, чтобы это было сильно чем-то новым, то есть эти проблемы не являются абсолютно новыми. Например, вы можете видеть слева у себя на экранах заголовки статьи «The right to privacy», которая была опубликована в 1890 году и которая во многом положила начало формированию института, собственно, privacy — защиты неприкосновенности частной жизни. То есть перед законодателями и тогда, и сейчас, с особой силой возник явный вызов того, что информация о пользователях, о гражданах разных стран публикуется в интернете зачастую абсолютно бесконтрольно, и их задача что-то с этим сделать, как-то защитить пользователей.

И на помощь в данном случае пришел такой метод, механизм, под названием «забвение», так же известный уже очень давно, в разном виде использовавшийся как в древних странах: Древнем Египте, Древнем Риме. Или в Советское время, когда некоторые деятели в определенный момент просто пропадали отовсюду, но в нынешней ситуации, в нынешних реалиях,

этот механизм предстал в несколько ином виде, в каком, я вам сейчас расскажу.

Примерно в 2009-2010 году гражданин Испании Марио Костеха Гонсалес в ходе поиска информации в поисковой системе Google обнаружил репринт выпуска популярной испанской газеты La Vanguardia 12-летней давности. В этом репринте содержалась информация о том, что его дом выставлен на продажу или на аукцион в связи с тем, что он не выплатил законодательно установленные выплаты, налоги. В связи с этим Марио Костеха Гонсалес, пользуясь правами, закрепленными в тогда действующей директиве 95/46 Европейского Союза о защите персональных данных, обратился в Испанский Орган по защите персональных данных AEPD. Он, по большому счету, требовал от Google и газеты удаления данной информации из поисковой выдачи.

Рассмотрение этого дела заняло несколько лет и в конце концов оно дошло до Европейского суда справедливости, который постановил следующее:

Суд интерпретировал статьи тогда действующих статей 12 и 14 Директивы 95/46 Европейского союза как дающее право индивиду требовать удаление ссылок на веб-сайт третьих лиц из поисковой выдачи, полученной в ходе поиска по имени индивида. Данное право может осуществляться вне зависимости от законности публикации такой информации или от того, была ли эта информация уже удалена с веб-сайта третьих лиц или нет. И также было установлено, что в данном случае будет применяться «право на забвение», которое в тот момент получило свое название. Устанавливается, что должен соблюдаться справедливый баланс между правом индивида требовать удаления ссылок из поисковой выдачи и правом остальных лиц на доступ к информации. Тем не менее, право индивида должно иметь приоритет над правом остальных иметь доступ к информации.

Мы можем с легкостью сказать, что данное решение произвело эффект взорвавшейся бомбы на тогдашнее юридическое и IT-сообщества, было выпущено множество различных мнений, статей по данному вопросу, критиковавших в основном данный институт не без оснований. И для вашего удобства я разделю выделенные недостатки этого решения на три части.

В первую очередь, указывались недостатки относительно условий использования «права на забвение». Указывалось, что эти критерии весьма

расплывчаты, и порог его использования очень низкий. То есть существует риск, что кто-либо сможет цензурировать поисковую выдачу, требуя удаления той или иной информации из нее.

Во-вторых, существовали проблемы с материальной сферой действия данного института:

1. указывалось, что решение слишком узкое и слишком широкое. Слишком узкое – потому что оно усложняет доступ к информации в сети Интернет, а слишком широкое – по причине того, что информация из сети Интернет не исчезает бесследно, а удаляется лишь ссылка на эту информацию, сама же информация остается на сайтах.

2. из решения не было до конца понятно, к каким именно поисковым запросам это право должно применяться: к запросам только лишь по имени заявителя, либо к запросам, содержащим какую-либо иную информацию, идентифицирующую заявителя.

В-третьих, это территориальный охват. Из решения не было до конца понятно, применяется ли оно за пределами Европейского союза или нет.

Все эти недостатки были позже адресованы, но мы до этого еще дойдем.

Как я уже сказал, это решение произвело эффект взорвавшейся бомбы, и российский законодатель, вероятно, решил не отставать от европейского опыта защиты прав граждан в сети Интернет, и в 2015 году группой депутатов Государственной Думы был внесен на рассмотрение законопроект о внесении изменений в ряд законодательных актов. В числе прочего – в Закон об информации, в который вносилась отдельная статья, регулирующая право на забвение. Оно называлось «Об обязанностях оператора поисковой системы».

Оговорюсь сразу же, что изначальный проект решения был достаточно сильно изменен, потому что он содержал в себе весьма экстравагантные формулировки. Например, по мнению депутатов должна была бы удаляться любая информация из сети Интернет, которая старше трех лет. К счастью, это положение не дошло до окончательной версии, но тем не менее закон был рассмотрен достаточно быстро, и уже в июле 2015 года президент России подписал этот законопроект, и он вступил в силу 1 января 2016 года.

То есть по нему, в Законе об информации появлялась отдельная статья номер 10.3, которая называлась «Об обязанностях операторов поисковой системы», и по нормам этой статьи гражданин имеет право требовать от

оператора поисковой системы, поисковика, удаление из поисковой выдачи ссылок на информацию, которая распространяется с нарушением законодательства Российской Федерации, является недостоверной, неактуальной или утратившей значение для заявителя в силу последующих действий. Исключением для этих правил является информация о событиях, которые содержат признаки уголовно-наказуемых деяний, по которым не истекли сроки привлечения к ответственности, и информация о совершении гражданином преступления. Поисковику дается 10 дней на выполнение данных требований, после которых он должен либо удалить из поисковой выдачи ссылки на информацию, либо предоставить мотивированный отказ об этом. Соответственно, после этого заявитель будет иметь возможность обратиться в суд для продолжения борьбы за удаление информации из поисковой выдачи.

Как вы можете догадаться, данный законопроект вышел достаточно сырым и несколько недоработанным. Кроме того, подвергся весьма обширной критике, которую можно также разделить примерно на три составляющих.

В первую очередь, указывалось что данный институт конфликтует с правом на информацию. Самыми явными проблемами в этой связи было то, что закон не устанавливает необходимости уведомлять владельцев сайтов о том, что ссылки на их материалы будут более недоступны в поисковой выдаче по тому или иному запросу, и нет необходимости вести регулярную отчетность у поисковиков о применении права на забвение.

Также, по большому счету, кроме указанных мною исключений из действия «права на забвение», не было закреплено никаких иных исключений для использования «права на забвение». Также указывалось, что оно никоим образом не связано с регулированием персональных данных в отличие от упоминавшихся мной решений по делу Марио Костеха Гонсалеса несмотря на то, что на поисковик налагаются обязательства по удалению из поисковой выдачи ссылок, содержащих персональные данные пользователей сети Интернет.

И третья группа недостатков – это недостатки, выявленные из судебной практики по данным делам.

Я назову, пожалуй, только один из них, наиболее экстравагантный, на мой взгляд. Из судебной практики по праву на забвение из Российской Федерации исходит то, что не может быть подвержено праву на забвение лишь

та информация, которая по своей сути не имеет возможности в дальнейшем устареть. То есть, если, например, публикуется информация о ком-то, кто был привлечен к уголовной ответственности, а после приговор, например, был отменен, то первоначальная информация может быть спокойно подвергнута праву на забвение. Несмотря на ее возможную ценность для науки, для архивов и так далее.

Давайте теперь коротко посмотрим о применении «права на забвение» в России и в Европейском Союзе. Как я уже сказал, в России, к сожалению, обязанности поисковиков вести открытую отчетность не существует, поэтому мы имеем достаточно куцые цифры по применению этого права. Однако мы можем видеть, что, например, «Яндекс» за несколько месяцев действия данного института удовлетворил 27% требований по «праву на забвение», Google также удовлетворил примерно 26%. Цифры относительно небольшие, и мы видим, что поисковики не торопятся применять это право.

В Европейском союзе дело обстоит несколько иначе. Там поисковики ведут достаточно подробную отчетность. Вот, например, отчет Google: по состоянию на вчерашний день, с момента начала действия права на забвение, было получено порядка миллиона запросов, касательно четырех миллионов ссылок, удалено порядка половины ссылок, на своих экранах вы можете видеть основные источники удаленной информации и основные категории удаленной информации.

То есть, как мы видим, по большому счету, дело Марио Костеха Гонсалеса породило собой новый институт – Право на забвение. Но, в то же время, параллельно с этим, в Европейском Союзе шло активное обсуждение проекта нового регламента GDPR о защите персональных данных в Европейском Союзе. Этот документ вступил в силу в 2016 году, начал действовать в мае 2018. Огромное количество изменений произошло, по сравнению с действующей до этого Директивой о защите персональных данных. Но я не буду, останавливаясь на них всех и сконцентрирую внимание на наиболее интересующей нас части, то есть на статье 17 – «Право на удаление информации». Таким образом, Право на забвение из дела Марио Костеха Гонсалеса получило свое логическое продолжение в виде статьи 17 регламента GDPR.

Справедливости ради, скажу, что его некоторые составляющие можно найти также в статье 21 GDPR, но я не буду на этом подробно останавливаться и сконцентрирую внимание на прямом, так сказать, наследнике решения

Европейского суда справедливости. В статье 17 регламента GDPR было закреплено право субъекта персональных данных требовать от оператора персональных данных удаления без неоправданной задержки относящихся к нему персональных данных. Был закреплен перечень случаев, при которых можно требовать удаления. Наиболее популярными, как правило, являются отзыв согласия на обработку персональных данных, отсутствие законных оснований для обработки персональных данных и так далее. Также, что очень важно, был закреплен ряд исключений, когда право на удаление не может быть реализовано. Это, например, нарушение права на свободу выражения, общественный интерес к публикациям этих персональных данных, их научные или архивные цели.

Мною уже упоминались проблемы Европейского права на забвение: проблемы с условиями использования, с материальной сферой действия, с территориальным принципом. Так получилось, что статья 17 регламента GDPR, и в принципе GDPR, исправила эти недочеты. Каким же образом это произошло? В первую очередь, статья 17 регламента GDPR, формализовала закрытый перечень случаев, когда субъект персональных данных имеет право требовать их удаления. То есть был адресован риск того, что будет использоваться кем угодно, в абсолютно любых случаях для цензуры поисковой выдачи. Кроме того, была выстроена основа для использования балансировочного теста, который упоминался еще в решении по делу Марио Костеха Гонсалеса. Балансировочный тест должен применяться в каждом случае о применении «права на забвение». То есть, должны быть оценены аргументы за и против удаления той или иной информации. GDPR дал основу для использования этого теста. Это решило одну из проблем. Кроме того, решение по делу Марио Костеха Гонсалеса применялось только к поисковикам и только в сети Интернет. В свою очередь, регламент GDPR не содержит ограничений того, к каким типам операторов персональных данных могут быть применены положения статьи 17.

Из практики мы можем сказать, что они применяются к Интернет-магазинам одежды, банкам, различным операторам персональных данных. Также любопытно, что социальные сети включили в свой функционал инструменты для реализации права на удаление. Facebook и даже российская социальная сеть ВКонтакте предусматривают такой механизм для пользователей из Европейского Союза.

И последнее – это территориальный принцип, когда не было до конца ясно, применяется ли это право за пределами Евросоюза или только в пределах Евросоюза. Точка в этом вопросе была поставлена в деле компании Google против CNIL – Национальной комиссии по делам информационных технологий и правам человека во Франции. Регулятор указывает, что «право на забвение» не может применяться за пределами Европейского Союза. То есть мы видим, что, став логическим продолжением «права на забвение», GDPR, статья 17, решила большую часть проблем данного института, и пользователи, граждане ЕС получили в свои руки эффективный инструмент защиты своих персональных данных.

Какие же мы можем сделать выводы из этого?

1. Да, «право на забвение» возникло как ответ на взрывные темпы развития ИТ и необходимость защиты прав граждан в связи с этим.
2. Дело Марио Костеха Гонсалеса стало прецедентом, который породил «право на забвение».
3. «Право на забвение», как мною было указано, получило свое логическое продолжение в регламенте GDPR, который также исправил основные недочеты, недостатки этого института.

Что же по поводу России?

Россия стала первой страной, закрепившей «право на забвение» на законодательном уровне. К сожалению, этот институт получился достаточно сырым, недоработанным, и он не очень эффективен для защиты прав граждан в сети Интернет. И на наш взгляд, российскому законодателю возможно следовало бы изучить европейский опыт регулирования «права на забвение» и права на удаление в GDPR, а также, по возможности, адаптировать под местные реалии. Вероятно, одним из решений данных проблем могла бы стать привязка института «права на забвение» к защите персональных данных и внесения некоторых поправок в нынешний порядок реализации прав субъектов персональных данных, закрепленный в законе РФ о персональных данных для того, чтобы сделать наконец-то «право на забвение», во-первых, работающим институтом, а во-вторых, реально применимым и эффективным институтом.

Благодарю вас за внимание!

Михаил Федотов: Спасибо! Михаил Александрович, только в следующий раз, пожалуйста, регламент. Ладно?

Михаил Борисов: Прошу прощения.

Михаил Федотов:

Я уже и так проявил к Вам максимальный либерализм. В общем, хотелось бы ко всем относиться одинаково. Все-таки Вы аспирант, поэтому я сделал некоторую поблажку. Но вообще-то говоря регламент есть регламент. Закон есть закон. А регламент – это выше, чем закон. Это почти Конституция.

Но к Вам есть вопрос. Пожалуйста, Роман Сахаров, вопрос Михаилу Борисову.

Роман Сахаров:

Уважаемые коллеги, извините, я без камеры сегодня. Скажите, пожалуйста, Михаил, я услышал у Вас такое слово «к сожалению» во время выступления. А скажите, не рассматриваете ли Вы негативные последствия этого законоприменения? Вы сами сказали, что, например, GDPR частично устранил в Европе, но тем не менее ведь мы знаем случаи, в том числе, в России, когда это действительно послужило цензурированию поисковой выдачи. И как с этим поступать? Зачем вообще применять законы, которые так широко трактуют понятие информирования? Не сродни ли это вырезанию, если помните, из Большой Советской энциклопедии листов, когда сменялась очередная идеологическая позиция в Советском государстве? Спасибо.

Михаил Борисов:

Спасибо большое за вопрос. Безусловно, такие риски есть, и я просто не стал на этом подробно останавливаться. По большому счету, да, одной из основных претензий к существующему ныне, так сказать, «праву на забвение» в Российской Федерации было то, что оно используется людьми из определенных кругов в целях удаления неудобной для них информации в сети Интернет. На мой взгляд, этот институт должен быть серьезно переработан с тем, чтобы минимизировать риски того, что он будет использоваться для цензурирования информации и использовать его только лишь в тех случаях, когда обработка тех или иных персональных данных и их циркулирование наносят очевидный ущерб субъектам персональных данных.

Михаил Федотов:

Спасибо! Действительно, здесь проблема может быть решена именно через привязку права на забвение, права на удаление к праву на защиту персональных данных. На мой взгляд, это наиболее перспективный путь решения проблемы. Теперь я предоставляю слово... Видите, какой у нас разброс идет: от аспирантов, к профессорам, а потом обратно. Пожалуйста, сейчас слово предоставляется профессору Московской Государственной Юридической академии им. Кутафина, доктору юридических наук, профессору Ивану Анатольевичу Близнецу. Пожалуйста, Иван Анатольевич.

Иван Близнец:

Добрый день! Спасибо, уважаемый Михаил Александрович, за предоставленное слово. Я очень счастлив и рад участвовать в очередной конференции. Мне вдвойне приятно, что я вместе с вами был у истоков создания такой кафедры, первое рождение которой было очень давно и в другом вузе. И очень рад, что оно восстановилось абсолютно в новом качестве, и я вижу наше участие в нашей конференции. Коллеги, которые сегодня участвуют, это залог очень интересных проектов, которые, я уверен, мы абсолютно осуществим в будущем. И в особенности, что касается последнего выступления, конечно же, поддерживаю необходимость внесения изменений в законодательство, касающихся регулирования таких важных вопросов, которые связаны с персональными данными. И я думаю кафедра в будущем, наверное, могла бы в том числе поучаствовать в разработке такого профессионального закона. Я думаю, это будет интересно и полезно для, в целом, средств массовой информации и для Интернета. Еще хотел бы остановиться и очень поддержать, идею упоминания по суду по информационным спорам. Я имел честь представлять этот суд, работал в то время как раз в Администрации президента, до ликвидации этого суда, и абсолютно согласен, что он никогда не был неким тормозом или цензором. Это была возможность объективно рассматривать те споры, которые связаны со средствами массовой информации. И все-таки нам стоит подумать. Эта идея очень интересна, и может быть в каком-то виде воссоздать эту структуру.

Сегодня я хотел бы поговорить на очень интересную, на мой взгляд, тему и важную, в целом, для высшего образования, в том числе, и для нашей кафедры ЮНЕСКО, которая получила сейчас новый статус. Здесь мы могли бы быть тоже некими пионерами в части защиты интересов по праву

профессорско-преподавательского состава наших университетов, наших институтов. Тем более, с учетом того, что сегодня очень активно используется дистанционное образование, вернее, дистанционные механизмы передачи знаний нашим студентам, а не личное общение студентов. Конечно же, многие преподаватели вынуждены записывать свои лекции, и эти лекции размещаются в интернете, и зачастую, в открытом доступе, а вот четких механизмов такой защиты, на мой взгляд, здесь недостаточно. И нам очень серьезно нужно подумать сегодня о неизбежном.

Мне кажется, элементы этой системы такого образовательного новшества, останутся, в той или иной степени у ВУЗов, и нужно выработать механизмы, которые оказали бы помощь нашим преподавателям. Может быть, совместно с нашими кафедрами и нашими специалистами. Сегодня я очень счастлив, что видел много очень старых друзей, которые столько лет работают, в том числе, в сферах, связанных с интеллектуальной собственностью. Конечно, мы бы могли бы разработать не то, чтобы нормативный, а практический документ для наших вузов, для наших преподавателей. Ведь такая защита необходима и в интересах ВУЗа, и в интересах самого университета, и в интересах профессорско-преподавательского состава. То есть, как на законных основаниях можно использовать создаваемые объекты интеллектуальной собственности.

Очень важным являются вопрос и доказательства этих прав, кому должны принадлежать права: университету, институту или профессору, создавшему то или иное учебное пособие, тот или иной материал. Очень часто возникают вопросы (а они так до конца и не решены) о праве принадлежности дипломных работ, особенно когда речь идет о творческих вузах, когда создаются художественные, музыкальные, аудиовизуальные произведения. Кому это должно принадлежать: ВУЗу или студенту-выпускнику? Эти вопросы, конечно же, нужно юридически закреплять.

Кроме того, на мой взгляд, установление системы охраны создаваемых объектов в процессе деятельности, в процессе работы профессора в университете – это его возможность капитализации создаваемых объектов. И зачастую бывает так: мы подготовили учебник, передали его, издали, а дальше он может издаваться и переиздаваться по пять-семь раз, а его автор не получает даже уведомления о том, что он переиздавался. А уж не говоря о гонорарах. К этому же относятся и аудиовизуальные лекции, которые профессор записал для студентов ВУЗа. А как в этом случае быть с гонораром,

который должен выплачиваться этому профессору? Или это нужно включать в трудовой договор? Или в контракте? Но, в таком случае, это необходимо прописывать. Это очень важно. Эти вопросы мы рассматривали в рамках форума Российского профессорского собрания. И мало того, Российское профессорское собрание поддержало создание при этой структуре Центра интеллектуальной собственности и защиты интеллектуальной собственности, регистрации интеллектуальной собственности.

Я надеюсь, что мы тоже сможем помочь в этом плане нашему профессорско-преподавательскому составу через этот Центр регистрации создаваемых объектов, закрепления прав, чтобы в будущем доказать свое авторство. И самое главное, появится право на вознаграждение, которого зачастую преподаватели лишаются. Особенно эта проблема возникает, когда преподаватель, работая в одном ВУЗе, создавая там соответствующие объекты интеллектуальной собственности переходит в другой ВУЗ. И как в этом случае эти вопросы должны быть урегулированы? Здесь очень много неясного. То есть сегодня отсутствует правильное оформление учебными заведениями заявок на создаваемые объекты интеллектуальной собственности.

Очень важно, что в 2018 году, Министерство образования утвердило разработанный на основе политики Всемирной Организации интеллектуальной собственности, собственную политику в области интеллектуальной собственности. Это утверждено Первым заместителем министра науки и образования. Это нормативный акт для высших учебных заведений, который позволяет решать все вышеупомянутые вопросы. И на мой взгляд, ВУЗы должны сегодня системно регулировать эти вопросы, создавая структуры и создавая политики интеллектуальной собственности.

Мы об этом много, Михаил Александрович, обсуждали. Помните, еще, когда на первых наших заседаниях кафедры, мы говорили о необходимости создания государственной стратегии в области интеллектуальной собственности. Прошло 20 лет, многие страны уже её приняли, в том числе, наши коллеги из Белоруссии, Киргизии, Казахстана, а мы до сих пор думаем, нужна ли нам стратегия интеллектуальной собственности. Недавно состоялось заседание Совета по интеллектуальной собственности при Совете Федерации, и Валентина Ивановна выступала с приветственным словом. Она тоже сказала о необходимости этой стратегии, и она надеется, что наконец этот вопрос будет решен, и будет принята государственная политика. В этом плане сочетание общегосударственных, отраслевых и вузовских подходов к

решению этого вопроса, надеюсь, дадут тот результат, который мы сегодня имеем. Тем более, есть хороший зарубежный опыт: многие наши коллеги в давно уже наработали такие практики, и мы абсолютно могли бы этим воспользоваться.

Я не буду останавливаться на всех вопросах, наверное, все уже очень, устали, и регламент, как Михаил Александрович сказал, это жесткая Конституция, поэтому не буду дальше распространяться. Тем более, я абсолютно уверен, что мы вместе с вами разработаем такой регламент, который станет некой настольной книгой для каждого преподавателя и для каждого ВУЗа. Это наша общая задача. Я с удовольствием хочу присоединиться к коллегам, которые высказывали и говорили о наступающем новом годе, я надеюсь, что в следующем году мы проведем такую конференцию заочно, встретимся, глядя друг другу в глаза, не через экран компьютера, поэтому пожелаю всем крепкого здоровья, очень рад был всех повидать, берегите себя. Ну и будем помогать, чтобы интеллектуальная собственность давала результат каждому из нас. Спасибо!

Михаил Федотов:

Спасибо, спасибо, Иван Анатольевич! Напоминаю девиз нашей кафедры, который уже давно существует: «От каждого по интеллекту, каждому по собственности».

Иван Блинец:

Да, я тоже надеялся, что Вы это скажете! Спасибо!

Михаил Федотов:

Это наш любимый девиз. Хорошо, спасибо, Иван Анатольевич. Я думаю, что все преподаватели, которые участвуют в нашей конференции с удовольствием присоединятся к Вашим словам о необходимости ясного правового регулирования статуса учебных материалов, в том числе, лекций, которые мы записываем. Это абсолютно правильно, тем более, что здесь очень много белых пятен, и они касаются в том числе и работы преподавателей, и квалификационных работ, я имею в виду, кандидатские и докторские

диссертации, и до сих пор меня умиляет эта надпись на авторефератах «печатается на правах рукописи».

Иван Блинец:

Ну да, рукописи в десятках экземпляров, даже сотнях.

Михаил Федотов:

Да, да. Причем все-то думают, что это связано с авторскими правами, но на самом деле эта норма появилась исключительно во времена господства ГЛАВЛИТА СССР. Это было связано с особенностью цензурирования авторефератов, диссертаций. А не с тем, какие у кого авторские права на автореферат. И до сих пор это сохраняется. Это смешно, конечно, но мы с очень большим трудом расстаемся со старыми глупостями.

А теперь мы переходим к следующему докладчику. Я предоставляю слово Веронике Фридман, доценту Высшей Школы Экономики, кандидату юридических наук. Пожалуйста!

Вероника Фридман:

Да, большое спасибо! Мне очень приятно выступить после такого уважаемого докладчика. Как преподавателю, конечно, тема очень актуальна. И продолжим тему защиты прав интеллектуальной собственности именно в отношении СМИ. Естественно, в условиях пандемии наибольшее развитие получают электронные средства массовой информации, в связи с изолированностью народонаселения нашей планеты. Конечно, про социальные сети, и про вопросы деформации, и по вопросам фейк-ньюс говорили очень много интересного предыдущие докладчики, поэтому мы поговорим сейчас кратко о каких-то основных моментах: какие риски возникают у пользователей у сетевых изданий и у, собственно, поисковиков, и у владельцев компаний, которые являются администраторами социальных сетей, например.

Конечно, вещь, казалось бы, очевидная. Но тем не менее понадобилось постановление пленума Верховного Суда №10 23 апреля 2019 года, чтобы поставить точку в вопросе о том, что вообще такое средства массовой информации, которые могут претендовать на то исключение из монополии

прав на интеллектуальную собственность, которые у нас установлены под пунктом 3, пунктом 1 статьи 1274, и это возможность цитирования в информационных, образовательных и иных, так сказать, общественно важных целях. Но тем не менее, именно в этом постановлении поставлен очень правильный акцент на том, что на воспроизведение статьи в сетевом издании или в ином указанном издании, которое не попадает под понятие периодического печатного, так же распространяются нормы статьи, которую я сейчас указала, – 1274. При условии, что, естественно, такое использование не должно препятствовать нормальной эксплуатации оригинального произведения, должно обязательно сопровождаться указанием автора этого произведения и источником публикации. Кроме того, объем цитирования должен соответствовать поставленной цели.

Но так как здесь все практики и академические специалисты, мы прекрасно понимаем, что проблема наша в том, что законодательно объем этого допустимого цитирования, не установлен. То есть эти цели понять можно. Цель – это, как судебная практика нам объясняет, как логически мыслящие здесь специалисты все понимают, актуальность проблемы. То есть если это какой-то редакционный материал, который сопровождается цитированием любых материалов авторского права с правильными, так сказать, правилами цитирования, это могут быть и фотографии. Как все мы знаем, только в 2017 году, было принято определение Верховного Суда по конкретному делу, где рассматривался вопрос, возможно ли признать использование фотографии цитированием, и, конечно же, фотографические произведения точно так же, как и текстуальные произведения и любые другие, охраняемые авторским правом, тоже могут цитироваться. В этом аспекте хотелось бы упомянуть одно дело достаточно значимое, к которому я прямого отношения не имею. Просто как специалист изучала. И пару слов сказать о судебной практике, которая совершенно недавно у меня была в Конституционном суде в декабре этого года.

Значит, известное дело было такое: на сайте Архив.ру, который занимался обзором блогов по архитектуре, градостроительству, охране архитектурного, культурного наследия, были использованы 22 фотографии истца. Это как раз к вопросу о допустимом объеме. Но суд, рассмотрев в комплексе и проанализировав все факты этого дела, пришел к выводу о том, что в данном конкретном случае жанр и характер изложения на сайте Архив.ру не соответствовал информационным целям. То есть, так как аудиторией был

представлен актуальный обзор в области архитектуры, охраны культурного наследия и т.д.

Если пару слов сказать, не называя участников процесса, о тех делах, в которых я недавно участвовала, мне тоже кажется довольно любопытным с точки зрения прав СМИ и вообще для практикующих юристов. Речь шла об использовании фотографических произведений в средстве массовой информации, которое зарегистрировано как электронное СМИ Роскомнадзором. Использование имело актуальный характер, говорило о событиях, связанных с культурной музейно-выставочной деятельностью, и были использованы фотографии автора с указанием источника, с указанием принадлежности его к музейной коллекции. Они были использованы как вот периодическом печатном издании, так и путем рассылки на портале крупного поискового сервиса. Соответственно, судом конституционной инстанции такое использование было признано соответствующим.

Сам поисковый сервис получил статус информационного посредника, в связи с тем, что они никак не влияли, не модерировали этот пользовательский контент. Также контент был удален сразу после получения претензии во избежание конфликта. Хотя нарушения прав не было. В данной конкретной ситуации, о которой мы сейчас говорим, да в ней были вопросы и цитирования, и информационного посредника, но прежде всего, конечно, там были договорные отношения между автором и между пользователями. Поэтому вопрос в основном по факту шел вокруг наличия прав и объемов использования. Как раз возникал вопрос, что же такое СМИ, потому что договоры были заключены в начале нулевых годов. Конечно, в тот период уже были электронные СМИ, и уже появлялись какие-то зачатки социальных сетей. Но тем не менее, определенную дискуссию судебное доказывание заняло то, что мы слались непосредственно на статью 2 ФЗ «О средствах массовой информации», которая, как мы знаем, говорит о том, что к периодическим изданиям относятся, в том числе, и сетевые издания, а не только печатные, как настаивал истец, и в том числе иные формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием, что имело место в случае с одним из ответчиков.

Хотелось бы отметить, что в случае, например, с использованием фотографических произведений федеральным каналом, суды встали на сторону истца, именно в связи с тем, что уважаемыми СМИ были нарушены элементарные правила цитирования. Был не указан источник, был не указан

автор и коллекция, и суд постановил в пользу истца, несмотря на небольшой размер компенсации. Тем не менее, СМИ стоит учитывать эти правила, установленные, кстати, 1274, и соблюдать правила цитирования во избежание рисков и судебных издержек.

Вот собственно, что я хотела сегодня сказать. Спасибо за внимание!

Михаил Федотов:

Большое спасибо, это очень интересно! И я думаю, что мы продолжим обсуждение этой темы. Ну как бы от нее не уйти, от нее не уйти. И для нашей кафедры ЮНЕСКО это как раз одна из сфер, где мы обязаны просто постоянно вести научные дискуссии.

Теперь я предоставляю слово Никите Воробьеву. Он младший научный сотрудник, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Как видите, повторяю, у нас выступают то профессора, то доценты, то студенты, то аспиранты. Вот сейчас аспирант, а потом пойдут студенты.

Пожалуйста, Никита. Мы Вас слушаем. Так, Никита, Вы с нами? Нет, Никиты с нами нет.

Ну хорошо, в таком случае мы предоставляем слово следующим докладчикам. У нас здесь три студентки, факультета коммуникаций, медиа и дизайна ВШЭ Дарья Масленко, Елизавета Слыва и Мелинда Тайжетинова. Так, девушки, вперед. Сразу могу сказать, что это мои студентки. Помните, о чем говорил Юрий Михайлович Батурин в начале конференции? В каждой студенческой группе есть несколько звездочек. Вот это наши звездочки из моей группы. Пожалуйста!

Дарья Масленко:

Здравствуйте, коллеги! Всем добрый день! Очень приятно и почетно быть на конференции. Наш доклад называется «Регистрация блогов в качестве СМИ: преимущества и риски». С чем связан наш доклад? Это связано с тем, что в последние пару лет на платформе YouTube и других платформах появились блогеры, которые позиционируют себя как журналисты. Они не только делают журналистский контент, но и используют журналистские форматы. Однако официально они не являются СМИ. Мы решили разобраться, ограничивает ли факт, что они не являются СМИ, их возможности, или, наоборот, это расширяет их. Давайте попробуем разобраться вместе, какие

преимущества, ограничения появляются у блогеров, если они все-таки получают свидетельство о регистрации СМИ.

Итак, первое, мы разберемся в преимуществах. Мы искали ответ на следующий вопрос... Да, давай Лиза. Передаю слово Елизавете.

Елизавета Слыва:

Да, Даш, спасибо! Начнем с преимуществ регистрации. Прежде всего, нужно сказать базовые вещи. Если вы регистрируетесь как СМИ, то Роскомнадзор выдает вам Свидетельство о регистрации СМИ, и после этого вы будете называться «Сетевым изданием». Соответственно, вся ваша деятельность будет регулироваться Законом «О СМИ». Например, одно крупных преимуществ быть в статусе СМИ, сетевого издания, может послужить факт, что крупнейшие агрегаторы, такие как «Яндекс.Новости» или Google News, после января 2017 года обязаны в своих подборках новостей публиковать только статьи СМИ. То есть, если вы блогер, и вы действительно хотите выходить на массовую аудиторию, вы никак не попадете в эти агрегаторы, поэтому здесь статус СМИ является преимуществом.

Далее, по Закону «О СМИ» все ваши сотрудниками становятся журналистами. Журналисты обладают некоторыми правами. Получают пресс-карты, например, в местном Союзе журналистов. Также вы должны понимать, что ваша редакция имеет право получать аккредитацию при различных государственных органах, организациях. Вы можете подавать заявку в орган местного самоуправления, например, общественные объединения, и это все согласно статье 48 Закона «О СМИ».

Одно из главных преимуществ, на наш взгляд, это то, что вы имеете право не раскрывать свои источники информации, даже так, редакция обязана сохранять в тайне источники информации и не вправе называть лицо, которое предоставило сведения, если изначально была такая договоренность. Редакция должна будет раскрыть свои источники только по требованию суда. Также есть такая уловка, о которой мы хотим вам напомнить, что, в целом, если от редакции потребуют раскрыть источник, она спокойно может сказать, что мне журналист не сказал. Когда придут к журналисту и попросят раскрыть его источник, он скажет: «Я не имею права раскрывать источник. Это имеет право редакция», То есть это такой замкнутый круг, который сделали специально, чтобы сохранить анонимность источника информации. У блогера же,

естественно, такой привилегии нет. Наоборот, если он, например, откажется дать показания, то это становится уголовной ответственностью.

Более того, цензура в массовой информации, да и требование от редакции СМИ как-то согласовать что-то, повлиять как-то, внести изменения, не допускаются, согласно статье 3 Закона «О СМИ». В то время, как блогеры, обычные люди, они просто руководствуются 29 статьей Конституции, согласно которой каждому гарантируется свобода мысли и слова. Здесь, как нам кажется, ФЗ бережнее к нам относится, и мы более защищены в этом плане. Но здесь нужно уметь различать такие понятия, как самоцензура или косвенная цензура, но это уже другая тема.

Также нужно понимать, что редакция, главный редактор, журналист освобождаются от ответственности за сведения, которые не соответствуют действительности, которые порочат честь и достоинство граждан, организаций, либо они ущемляют чьи-то права, если эти сведения содержатся, например, в интервью, в комментариях, которые размещались, например, без премодерации. Это, например, сведения каких-либо пресс-служб или же какие-то авторские произведения, которые идут в эфир без предварительной записи, то есть, прямой эфир. Также СМИ освобождаются от какой-либо ответственности за недостоверную информацию со ссылкой на другое СМИ. Это согласно Постановлению Пленума Верховного суда и также ФЗ «О СМИ». В то же время у блогеров нет освобождения от ответственности за недостоверную информацию и более того, как правило, за распространения недостоверной информации несет ответственность сам владелец сайта либо же иногда это третьи лица, которые разместили информацию на сайте. Также нужно понимать, что когда вы регистрируетесь в качестве СМИ, вы защищаете свое название, оно у вас будет уникальным, но при этом у вас название СМИ должно соответствовать наименованию Интернет-ресурса. В целом, это так или иначе поможет сохранить ваши авторские права. И здесь немного про блокировку. Это важно, потому что сетевое издание, интернет-сайт не могут быть заблокированы в любом случае, предусмотренном законодательством. Например, это запрещенные материалы, порнографические материалы, экстремистского характера информация, пиратство. И все это блокируется как бы на основании другого Закона «Об информации и информационных технологиях и защите информации». Но в то же время, деятельность СМИ может быть прекращена только по решению учредителя или суда. И в принципе Роскомнадзор может прислать еще два

предупреждения, только после этого его заблокировать, в то же время блогеры просто могут взять, отключить и заблокировать.

Вот, наверное, это все, что я хотела сказать о преимуществах. Передаю слово своей коллеге Милинде. Она расскажет вам о недостатках.

Мелинда Тайжетинова:

Добрый день! Да, несмотря на уже перечисленные Лизой преимущества, все-таки у регистрации есть несколько недостатков. В первую очередь, Закон «О СМИ» признает сетевым изданием только отдельные сайты. Получается, господин Варламов с сайтом Варламов.ру имеет право зарегистрировать себя как сетевое издание, а, например, Даня Милохин не сможет это сделать, потому что иначе пришлось бы признать СМИ весь TikTok.

Зарегистрировавшись в качестве СМИ, блогер попадает под действие статьи «О злоупотреблении свободой массовой информации», куда, в том числе, входят запрет на нецензурную брань. И в таком случае, если, например, Юрий Дудь регистрируется в качестве СМИ, ему придется глушить мат, избавиться от хэштегов с матом и т.д.

Кроме того, если блогер регистрируется в качестве СМИ, возникнут ограничения по иностранному участию. Иностранец не сможет в таком случае быть учредителем СМИ, и недолично быть более 20% активов в управлении у иностранных компаний или у иностранцев.

Также, если блог будет зарегистрирован в качестве СМИ, ему понадобится устав или договор, замещающий этот устав, а нужно будет предоставлять в Роскомнадзор сведения, если вы меняете адрес. Так же это касается доменного имени. Кроме того, если блогер получает иностранное финансирование, и он регистрируется в качестве СМИ, он должен будет отчитываться о том, от кого он получает деньги. Это не касается рекламы, но если это, например, суммы от иностранной компании больше 15-ти тысяч, то об этом нужно будет обязательно отчитываться.

Также у блогеров нет никаких ограничений сейчас по предвыборной агитации, для СМИ они существуют. Кроме того, Закон «О СМИ» не защищает источники сайтов, которые не зарегистрированы как СМИ, как сетевые издания, но об этом уже говорила Лиза, поэтому я не буду заострять на этом внимание.

Дарья Масленко:

Итак, мои коллеги перечислили преимущества и недостатки, и хотелось бы сказать выводы, к которым нам удалось прийти в процессе подготовки этого доклада. Конечно, как уже было отмечено предыдущими докладчиками, мы сейчас находимся в новой цифровой среде, эпохе так называемых новых медиа. Поэтому нам нужен закон. Вообще, любой закон должен идти в ногу со временем. Поэтому, мы выделили некоторые ключевые моменты, которые могут повлиять на формирование законотворчества, формирование закона, который включал бы в себя всех участников медийной среды.

Первое, что нужно учитывать – это отсутствие четких определений, таких понятий как блог, репост и блогер. Ведь репост – это тоже распространение информации. Тогда как мы будем его учитывать?

Второе – за СМИ всегда стоит редакция. У них есть определенная редакционная политика. За блогом всегда стоит один человек.

Третье – большинство блогеров не имеют своих сайтов. Как уже Мелинда говорила, если господин Варламов может зарегистрироваться как СМИ, то Даня Милохин, блогер из TikTok, не может зарегистрироваться. Мы тоже должны это учитывать, то, что многие блогеры являются популярными только благодаря социальным сетям.

Четвертое – нужно учитывать блог журналиста и блог блогера. То есть если журналист работает в редакции и параллельно ведет свой блог, то как мы будем к нему относиться? Как это учитывать? Где эта грань?

Последний момент, который, наверное, тоже очень важен, – это то, что преимущественно все блогеры зарабатывают деньги на рекламе. Это их основной доход. У СМИ немного другая система финансирования.

Это было все, что мы хотели вам рассказать. Спасибо большое за внимание!

Михаил Федотов:

Спасибо! Спасибо! Как видите, наши дорогие авторы, докладчицы на последней странице своей презентации нарисовали лампочки, но на самом деле они не лампочки, они звездочки наши. Если есть какие-то к ним вопросы, то пожалуйста, задавайте нашим звездочкам. Я бы обратил внимание только на один тезис. На одну проблему, которую они обозначили, но не предложили решения этой проблемы. Давайте подумаем, может быть мы найдем решение этой проблемы. А проблема заключается вот в чем: есть Закон «О СМИ»,

который говорит о том, как может быть прекращен выпуск того или иного СМИ, на каких основаниях и в каком порядке. Сетевое издание, если оно зарегистрировано как СМИ, оно тоже СМИ, и на него распространяются в полном объеме Закон «О СМИ». Что такое сетевое издание – это сайт в интернете, зарегистрированный как СМИ. А если на этом сайте, например, размещена информация о способах самоубийства, то включается другая закон, Закон «Об информации и информационных технологиях и о защите информации». А там предусмотрен совершенно другой порядок реагирования. Как быть в этой ситуации? Какой порядок должен действовать: тот, который предусмотрен одним законом или другим: в одном случае это порядок исключительно судебный, а в другом исключительно внесудебный. Как быть? Не знаю, у меня нет готового ответа на этот вопрос. Я думаю, что этот вопрос нуждается в том, чтобы действительно его продумать, внимательно посмотреть, проработать. Очень интересная тема. Тот, кто возьмется за эту историю, я думаю, что это будет и интересно, и полезно. И полезно для законодателя, и для правоприменителя. Это, конечно, не единственный способ, когда у нас законы сталкиваются друг с другом, но такая ситуация возможна. Это не что-то из ряда вон выходящее, а вполне возможная ситуация. Поэтому нужно заранее продумать, как эта проблема может решаться.

Так, коллеги, я не вижу желающих выступить. Есть, да? Пожалуйста. У нас есть традиционный докладчик – это Григорий Алексеевич Томчин. У нас он выступает практически после каждого докладчика. Пожалуйста, Григорий Алексеевич. Не могу, не могу цензурировать.

Григорий Томчин:

Да, первое, я бы хотел некоторую реплику по поводу, как быть в ситуации между двумя законами. Если кого-то интересует это, то все решается в Конституционном суде, и один из двух законов отменяется. А если никто не хочет их решать, то так и получается. А теперь у меня вопрос последним докладчикам, уважаемым студентам. Многим понравилось их совместное выступление. Я бы хотел, чтобы они ранжировали и недостатки, и достоинства, то есть какие недостатки являются обязательными с точки зрения потребителя, то есть они как бы ограничивают данного либо блогера либо СМИ. Вот какие недостатки являются достоинством с точки зрения потребления, а какие недостатки являются общим проявлением государственной цензуры, уже очень сильно существующей и в нашей новой Конституции, и в старом законодательстве? Доклад был нейтральный:

достоинства и недостатки. Я просил бы ранжирование, потому что, скажем, наличие устава – это публичный устав, это защита прав потребителя СМИ. Он точно знает, что это, кто это. Это написано в уставе. И он может с этим уставом работать. А наличие, отсутствие регистрации – это неправильно поставленная регистрация. То есть если бы регистрация была бы при саморегулировании, а не государственная, тогда бы было в общем нормально. Они нашли практически полный состав достоинств и недостатков, а я хотел бы ранжирование. Может быть не сейчас, но обратите на это внимание. Спасибо!

Михаил Федотов:

Спасибо за вопрос! Так, звездочки, вы готовы ответить? Сразу, сходу или все-таки это надо продумывать? Вопрос достаточно серьезный, глубокий. Я бы предложил подумать, прежде чем ответить.

Мелинда Тайжетинова:

Да, мы тоже считаем, что нужно подумать и уже дать какой-то более взвешенный серьезный ответ, чем сейчас просто.

Григорий Томчин:

Я всегда на связи, жду вашего ответа.

Мелинда Тайжетинова:

Хорошо, спасибо!

Григорий Томчин:

После Нового года, обязательно!

Михаил Федотов:

Хорошо, Григорий Алексеевич! Не пугайтесь! Так, коллеги, мы идем дальше. У нас следующий докладчик – Алена Денисова, старший преподаватель **департамента медиа** факультета коммуникаций, медиа и дизайна ВШЭ, аспирант кафедры Юнеско по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Пожалуйста, Алена Сергеевна, слово Вам.

Алена Денисова:

Да, добрый вечер, коллеги! Сейчас настраиваю свою презентацию. Михаил Александрович, спасибо большое, что дали возможность выступить. Немножко опоздала к своему времени. Особенно приятно выступать после

наших студентов. Я всегда говорю, что они у нас все звездочки на департаменте медиа. У них сегодня началась сессия, и я с этим их поздравляю, желаю успешной сессии.

Я посмотрела программу, видела, что были доклады по инфодемии. Это очень серьезный вызов нашего времени. Я бы хотела еще раз в общем виде поговорить про эту проблему, обратить внимание на какие-то проблемы, которые были изначально при регулировании такого сложного неоднозначного понятия как фейк-ньюс в России и о том, что же поменялось в контексте COVID-19 и какие новые проблемы образовались.

Начать я хотела с тех тенденций, которые в российском подходе можно выделить в регулировании фейк-ньюс. К слову, понятие фейк-ньюс у нас не фигурирует в законодательстве. У нас есть наш любимый Федеральный Закон «Об информации», где фейк-ньюс считается как недостоверная информация, которая подается под видом достоверной и, соответственно, создающая угрозу причинения вреда определенным интересам и сферам в жизни демократического общества. Но есть ряд проблем при подходе к регулированию. **Российский подход** несколько отстаёт, отступает от международных стандартов. В частности, Совет Европы, Еврокомиссия разрабатывала план, в соответствии с которым предлагала (и ООН, кстати, соглашались, фейк-ньюс, что регулирование фейк-ньюс должно быть очень осторожным, и ответственность, подход к регулированию должны быть тоже соразмерными. Регулирование не должно вредить свободе слова.

Если мы поговорим про наш подход (который отстает от международных принципов): во-первых, сама по себе непрозрачная формулировка – что такое «создающее угрозу»? То есть, когда мы говорим про дезинформацию (Евросоюз употребляет понятие дезинформация), мы же понимаем, что не любая дезинформация, не любые фейк-ньюс будут охраняться свободой слова, свободой выражения мнения. Здесь важно, чтобы наступили определенные последствия. Наша концепция «информация, создающая угрозу» немножко настораживает. И если мы посмотрим на **правоприменительную** практику, то увидим действительно ряд проблем. **Возвращаясь к международному праву**, запрет любых ложных новостей или необъективной информации – этого рекомендуется не делать, тем более не устанавливать, не криминализировать ответственность. У нас это произошло в контексте COVID-19. Я об этом дальше скажу.

По поводу блокировок, у нас был и так ряд проблем. Наши российские блокировки также немного отступают от международных стандартов. Мы помним, что блокировка у нас должна быть исключительной мерой, применяться как самая последняя мера в контексте свободы слова, потому что это может быть довольно серьезным злоупотреблением, ограничением. **Практика по блокировкам**, например, в 2020 году. Была интересная позиция ЕСПЧ относительно наших российских кейсов по поводу блокировок, когда ресурсы блокируются без предупреждения. Такие неожиданные блокировки, когда у нас блокировка одного IP-адреса тянет несколько ресурсов, которые содержат информацию, которая запрещена для распространения, так и не содержат её. ЕСПЧ высказались категорически против подобных подходов, рекомендовав **России** пересмотреть эту процедуру.

Если говорить глобально про тенденцию, то – это высокие санкции, особенно в контексте COVID-19. Я буду говорить про криминализацию, вплоть до реальных сроков лишения свободы. Это очень серьезно для СМИ, вплоть до применения статьи 4 Закона «О СМИ» – злоупотребления свободой массовой информации. По процедуре Кодекс об административных правонарушениях, когда по нескольким эпизодам, если их больше одного эпизода в год, может быть приостановление деятельности СМИ. То есть, мы же понимаем, что журналист работает с большим массивом информации, и фейки – это неотъемлемая часть работы журналиста. К сожалению, и оступиться очень легко. ЕСПЧ ни раз напоминал нам, что в демократическом обществе не должен быть очень простым процесс ликвидации СМИ, так как это нарушает весь принцип свободы информации. Мы это понимаем, да. Из-за этой причины, из-за таких довольно суровых санкций наш современный подход противоречит этой тенденции поддержки саморегулирования в борьбе с фейками. Рекомендуется начинать решение этой проблемы изнутри, да. То есть на уровне самой платформы повышать степень её ответственности, повышать медийную грамотность пользователей. Нужно начинать как бы снизу. То есть блокировки – это довольно несоразмерно, может быть иной раз даже жестоко.

Фактчекинговые организации в России – это довольно интересный феномен, который только сейчас начинает развиваться, появляется «ЛапшеСнималочная», например. Или у Яндекса появляется **сейчас** ресурс, который занимается фактчекингом. Но в России, к сожалению, пока это только встает на рельсы. У меня в прошлом году исследовала магистрантка и выпускница фактчекинговые организации Великобритании. И вот там это

давно уже применяющаяся практика, и действительно это очень интересно. Там тоже есть свои проблемы, например проблема маркировок этой информации, механизмов отсеивания. То есть там должны быть все же разные методики. Это все сложно, но сама по себе фактчекинговая деятельность, она как один из путей решения фейк-ньюс. И конечно же, международное право нам говорит о том, что еще один вариант решения – это независимый регулятор, который, контролировал бы оборот этих фейк-ньюс, контроль над информацией, которая может содержать недостоверную информацию.

Про правоприменение, я скажу чуть позже. Дальше были ряд проблем, негативные тенденции даже в российском подходе. В условиях COVID-19 у нас обновилось законодательство, в частности, произошла криминализация, усиление санкций, появились две статьи в УК РФ. Я вывела названия этих статей. Очень интересно посмотреть, обратите внимание на санкции, я думаю, все об этом слышали.

Интересна позиция Верховного суда, когда в апреле вступили в силу эти составы. Появилось много вопросов у правоприменителя: как разграничить две этих статьи? В частности, предлагается конкретно по наступившим, непосредственно, когда вред уже был причинен. Это явно вытекает из анализа составов преступления. Что сказал верховный суд? Понятно, что Верховный суд соглашается, что COVID-19 – это действительно угроза безопасности жизни. Мы понимаем, что распространение какой-то недостоверной информации по части COVID-19 действительно может привести к очень плачевным последствиям, поэтому в государстве есть такая тенденция (помню, мы обсуждали это на первой конференции обновленной кафедры ЮНЕСКО, восставшей из пепла) как раз тоже на уровне Азии. Мы говорили про Европу, что сейчас намечается такая тенденция к криминализации и к некоторой монополизации в руках государства, информации о COVID-19. То есть, стремиться сделать так, чтобы использовать только официальные цифры, статистику, данные. Сейчас, если мы говорим в контексте Закона «О СМИ», деятельность журналиста – это огромная зона риска. На практике мы это видим. Сейчас про практику я тоже расскажу.

Концепция «провокации паники» – это очень интересно. Как это понимает Верховный суд: именно в контексте важности **выбора** правильной стратегии информирования населения, любая провокация паники может создать саботаж. И мы понимаем, что это может быть максимально широкое

поле для злоупотреблений. И действительно, в отсутствии каких-то четких понятий, эти злоупотребления могут быть.

Ну дальше это частности, не будем останавливаться. По поводу риска злоупотребления и свободы слова. Когда поступила информация о том, что Министерство здравоохранения просит ведомственные учреждения согласовывать информацию, прежде чем работать со СМИ, это вызвало волну паники и вопросов, как в медицинском сообществе, так и в юридическом. На что помощник министра сказал: «**не** переживайте, это не будет работать как цензура. Здесь речь только про то, что, это именно для официальной информации». Но это было в октябре, пока что злоупотреблений по этой части, слава богу (если можно так сказать), не было.

Но были неприятные истории. Два кейса приведу в пример: один **как раз** про журналиста. Причем этот кейс прославился в общем-то за пределами России, в рамках «Коалиции за единую прессу». Эта правозащитная организация, которая публикует очень громкие кейсы со всего мира, связанные с нарушением прав журналистов. И вот они в декабре опубликовали 10 самых громких и скандальных историй, где, на их взгляд, нарушаются права журналистов, и там как раз был наш Александр Пичугин. Сейчас у него уголовное дело, приговор и штраф. То есть приговор не связан с лишением свободы, они его обжалуют вместе с Центром защиты прав СМИ. По крайней мере, хотя бы не применяются реальные сроки, но штраф в 500 тысяч, если я не ошибаюсь. В общем, это тоже достаточно серьезная санкция для журналиста. В чем была суть этой истории: Александр сделал саркастическую публикацию в Twitter, что появилась очередная теория о том, что коронавирус был кем-то специально **завезен**, чтобы навредить человечеству, в частности россиянам. Публикация была сделана накануне Пасхи, когда, несмотря на все ограничения люди все равно пошли в храмы. Произошел резонанс. И вот с тех пор началось расследование по этому делу.

Следующий кейс – самый громкий. У Александра Торна на странице в Twitter написано, что он занимается комедией. У человека юмористический жанр, он в нем работает. Он снял ролик в шуточной форме о том, что коронавирус – очередная теория заговора. И он тоже понес ответственность. Мы помним, что свобода слова охраняет сатиру, юмористические жанры как одну из форм свободы выражения мнений. Конечно, такой российский подход к регулированию фейк-ньюс показывает, что эти злоупотребления выход за пределы свободы выражения мнения, и все-таки, если не наступили

определенные **опасные** последствия, возможно стоит как-то пересмотреть регулирование в этой части.

Ну и последнее, о чем я хотела сказать. Нельзя было не сослаться на очень важные доклады. Например, доклад «Агоры»*: в июне они проанализировали практику по уголовным делам, **связанным с распространением недостоверной информации о COVID-19**. Мы видим только рост привлечений. Всего было 42 дела по состоянию на июнь 2020 года. Полагаю, что сейчас уже больше. Нужно проверить. Причем, привлекаются как журналисты, так и блогеры. Это касается и тех, и других. Если посмотреть, вникнуть в суть нарушений, которые **выявляются** на уровне правоприменения, то это, конечно, **частое** отсутствие лингвистической экспертизы, что тоже неприемлемо. Важен контекст. Мы помним, что ЕСПЧ ни раз говорил о важности контекста, когда мы анализируем журналистский материал. Это тоже один из подходов международного права. Наличие умысла. Вспомним наше экстремистское законодательство. У нас там тоже есть проблемы с тем, что умысел часто **специально не изучается судом**, то есть не **всегда бывает** доказано, что это было умышленно. И если выделить причинно-следственные связи, то все это рушится. Не всегда, повторюсь, но зачастую, злоупотребления **эти** мы увидим.

Но если говорить про сложность журналистов, почему для них это сейчас зона риска: писать про COVID-19, про ситуацию в России, мире? Потому что правоприменение **сформировало** те темы, на которые писать стало опасно. Потому что журналисты и блогеры попадались. Все то, что как-то расходится с официальной статистикой **о заболевших**, показателями, про какую-то неэффективность **применяемых мер**. Например, про то, что не хватает каких-то препаратов.

Поэтому, конечно, про фейки можно говорить очень много, про российский подход тоже, про **альтернативный** международный подход. Эта тема очень актуальная сейчас. Она и была актуальной, COVID-19 ей просто добавил актуальности. Конечно, сейчас будет интересно наблюдать, что будет дальше. У меня несколько студентов тоже занимаются исследованиями. Сейчас эта тема интересна на разных уровнях, и политологи ее обсуждают, и мы, медиаюристы, и журналисты. То есть эта тема сейчас крайне актуальна, как и, наверное, персональные данные.

Кстати, я хотела тоже такую ремарку внести, когда ранее говорили про запись занятий со студентами. **В условиях** COVID-19 и онлайн-образования,

* - признан Минюстом РФ иноагентом

очень интересный момент с персональными данными **студентов**. Потому что если мы это куда-то выкладываем, естественно, нужно хорошо подумать, потому что, если бы мы жили по концепции GDPR, наверное, вообще мы бы этого не могли делать. Но, тем не менее, там еще помимо авторского права, возникает проблема использования персональных данных. Это сейчас **крайне актуальный вопрос на уровне европейских ВУЗов**.

В принципе, у меня все. Спасибо большое. Всем хороших последних деньков этого непростого года. Ну с наступающим. Спасибо большое!

Михаил Федотов:

Спасибо, Алена Сергеевна. Очень интересный доклад, прекрасная презентация. Я вам скажу, что эта идея насчет того, что опасная информация, которая нацелена на создание паники, не новая, ее еще в начале прошлого века высказывал председатель Верховного суда США. Он как раз говорил о том, что свобода слова не распространяется на случаи, когда в переполненном театре раздается возглас «пожар» с целью вызвать панику, потому что эта паника может привести к жертвам. Тогда и возникла эта идея реальной и действительной опасности. Поэтому мысль о том, что, действительно, опасны и противозаконны публикации, которые призваны вызвать панику, конечно. Я с этим абсолютно согласен. А детали требуется безусловно проработать.

И теперь я предоставляю слово следующему нашему докладчику. Это Марина Амара, которая в кругу медиаюристов больше известна как Марина Савинцева, мы ее так знаем все. И она сейчас работает юристом в «Трансперенси Интернешнл - Р», кандидат юридических наук. Многие присутствующие здесь медиаюристы, они в свое время присутствовали на ее защите, аплодировали ее прекрасной защите. Пожалуйста, Мариночка.

Марина Амара (Савинцева):

Ой, спасибо большое! Я так рада видеть на виртуальной конференции, так хочется всех лично увидеть наконец-то. И спустя столько времени, в прошлом году и в позапрошлом году я не участвовала, извините, если мой доклад небольшой. Я постараюсь быстренько, у меня за стеной целый день была тишина, за стеной какая-то сверлежка началась, периодически старший высказывает ребенок.

Когда я увидела заявленную тему конференции, мне сразу захотелось поговорить именно об этической стороне СМИ, об освещении темы, основной,

наболевшей пандемии. Почему? Потому что мне кажется, на фоне лавинообразного потока информации о мерах... простите, я сейчас презентацию включу, сейчас... забыли именно...Видно, да? Алло.

Михаил Федотов:

Пока нет.

Марина Амара (Савинцева):

Пока нет, да? Так, сейчас.

Михаил Федотов:

Так, сейчас, подождите секундочку, видимо загружается, у вас не очень хорошая связь.

Марина Амара (Савинцева):

Ну вот, тишина была и прервали, не знаю. Именно в этической стороне СМИ, потому что такое впечатление, что СМИ забыли о том, что есть основные принципы, которые нерушимы и которые нужно соблюдать. Ну...

Михаил Федотов:

Марин...

Марина Амара (Савинцева):

Связь есть? Связь есть?

Михаил Федотов:

Может Вам просто выключить... Нет, нет.

Марина Амара (Савинцева):

Нет, так. Не знаю, у меня все прям вот стоит...

Михаил Федотов:

Так, Марина, вернитесь. Сейчас Марина вернется, мы ееждемся. Так, Марина. Так, хорошо, давайте мы сделаем иначе, дадим слово следующему оратору, тем более, что следующий оратор – это Татьяна Георгиевна Мерзлякова. Да, вот Марина подключилась.

Татьяна Мерзлякова:

Я могу говорить или Марина?

Михаил Федотов:

Нет-нет, Мариночка вот уже подключилась. Так, Марин, включите звук, включите звук. Да, включили, хорошо.

Марина Амара (Савинцева):

Да, пытаюсь куда-то уйти, не получается.

Михаил Федотов:

Главное не уйти из доступа.

Марина Амара (Савинцева):

Нет, я здесь. Вернее, очень неудобно, слышно.

Михаил Федотов:

Да, хорошо.

Марина Амара (Савинцева):

Всегда, когда тема этики как-то будоражится, думается, что... сразу вспоминается фильм с Филатовым «С вечера до полудня», когда такое морализаторство просто людей цепляло, но именно сегодня хотелось поговорить об этических принципах, об основном, о достоверности информации, потому что этот поток лавинообразной информации, который идет о пандемии, о статистической информации, о стиле подачи этой информации – это, конечно, говорит о том, что СМИ, именно классические СМИ, сегодня обслуживают официальную информацию, обслуживают органы государственной власти, нагнетают, формируя панику. И они как бы с такой динамичностью и постоянством напоминали в первое время пандемии о том, какие меры должны быть, как это предотвратить. То есть именно подача и лавинообразность эту панику и нагнетала. Некоторые суды пандемию коронавирусной инфекции называли обстоятельствами непреодолимой силы. Алена делала хороший очень обзор по позиции Верховного суда, поэтому я не буду повторяться. Но то что публичное распространение заведомо ложной информации об увеличении статистики заболевших или уменьшении, это конечно, сложный вопрос.

У меня, помимо этической стороны, сразу возникли такие ключевые слова, описывающие наше сегодняшнее время, в котором мы живем:

цифровизация, использование искусственного интеллекта, квантовость, то есть использование Big Data, и несвобода классических СМИ. Но где же найти правду? Где найти правду об информации, достоверной? В этом плане социальные сети, социальные медиа и Интернет-СМИ отчасти дают инструмент получения этой правды, и.. извините за такой немножко суетливый доклад... Хотела сказать, что я за то, чтобы вырабатывались сегодня этические кодексы по цифровой этике. Старый кодекс, который регулировал этические принципы Интернета. Как Азимов сформировал три закона об использовании техники. Сегодня нужно кратко и четко сформировать основные законы использования искусственного интеллекта, цифровизации, потому что цифровизация уже подменила информационное право. И то что мы сегодня, москвичи, являемся как бы субъектами и объектами эксперимента по внедрению искусственного интеллекта, мне совсем не нравится, потому что в этом я вижу нарушение защиты персональных данных.

Также хотела привести конкретный пример использования, нарушения этики со стороны СМИ – это утаивание информации. Например, «Сбербанк» сделал мощный ребрендинг, он стал «Сбером», нигде об этом не сказано, но именно «Сбер» теперь является главным оператором по сбору биометрических персональных данных. Помимо лавинообразной подачи информации в СМИ, есть еще проблема утаивания.

Спасибо за внимание, уже к вечеру все устали, спасибо большое. Надеюсь, что в следующем году уже увидимся лично. Спасибо!

Михаил Федотов:

Спасибо, Мариночка, за Ваш такой немножко сумбурный доклад.

Марина Амара (Савинцева):

Да, сумбурный. Да, извините. Целый день ждала...

Михаил Федотов:

Да, видите, у Вас плохая связь была, и мы не увидели Вашу презентацию. Это, конечно, Вам сильно помешало. Но я хочу заметить, что конференция ведь не заканчивается тем, что мы все выступим и отключим Zoom, потому что конференция будет продолжаться уже в виде публикаций. И я просто хочу всем сказать, мы об этом и напишем всем докладчикам, и не

только докладчикам, что они могут прислать в адрес кафедры свои научные статьи, которые мы с удовольствием рассмотрим на предмет их публикации в нашем кафедральном журнале «Труды по интеллектуальной собственности». Это ВАКовское издание, так что милости просим. Давайте, присылайте хорошие статьи. Хорошие статьи мы всегда с удовольствием публикуем.

Марина Амара (Савинцева):

Благодарю.

Михаил Федотов:

Значит, теперь я представляю слово Татьяне Георгиевне Мерзляковой. Она наверняка продолжит Вашу тему насчет журналисткой этики, потому что она сопредседатель Уральской общественной коллегии по жалобам на прессу, ну и одновременно, так, по совместительству, уполномоченная по правам человека в Свердловской области. Пожалуйста, Татьяна Георгиевна.

Татьяна Мерзлякова:

Михаил Александрович, спасибо! Я когда заявила тему, я думала, мне есть, что рассказать. Но когда я сегодня послушала столь умных людей и этих Ваших звездочек, в том числе, я б их назвала умнички, просто действительно, умнички. Вот и мне показалось, что надо опуститься на грешную Землю, идти по ней и говорить то, что я планировала сказать.

Итак, первое, мое отношение к COVID-ситуации. Вот уже 20 лет, да, Михаил Александрович, будет, как я уполномоченная по правам человека. Видела все. Нет ни одной забастовки в Свердловской области, ни одного горя, ни одной беды, которые бы обошлось без меня. Все равно где-то я там участвовала, все равно где-то я успокаивала, где-то я была медиатором и т.д. Вот это страшнее всего. Никогда такого ничего не было. Это потеря близких, это потеря родных, это паника в обществе, это неподготовленность нас, и мы не понимаем, что нас ждет завтра. Ну, много всего, кто чего лишился. Это действительно суициды людей, от которых этого не ждали. Ну много чего, что случилось.

Меня удивило одно: мы, журналисты, не объединились. Мы не объединились на уровне мира. Вот то, что вы сейчас сделали, это то, что надо было делать, и то, что делает только ваша кафедра. Я не увидела

международной журналистики, которая бы все-таки какую-то одну линию тактично, стратегически и тактически прослеживала в каждой из наших тяжелых недель, буден, наших непростых историй, в каждой из наших стан. Я не видела, чтобы где-то на уровне РФ журналисты объявили о каком-то этическом кодексе по эпохе пандемии, информационном кодексе, о чем-то таком, чтобы они могли, объединившись, стать сильнее. Потому что сейчас говорят, что это рискованно писать о пандемии. Я не вижу риска, мы еще никого здесь в Свердловской области не наказали и, об этом скажу позже, и не собираемся, думаю, сильно-то. Мы будем, я буду отстаивать, того, чтобы это не случилось, но не случилось самого главного – объединения журналистов. Еще раз, если это учитывать, что мы живем в тяжелейшие времена, когда мы не знаем, кто нам послал это испытание.

Второе, не было дискуссий, диспутов, споров. Не было чего-то такого, чтобы всех заставило подумать. Я не имею в виду там Соловьева с его приглашенными постоянными выступающими. Мне, например, лично очень не хватало. Вот когда у нас разразился целый скандал, указом губернатора была введена необходимость в такси, везти какие-то ограничения, заграждения, был целый скандал. И вдруг я вижу, что, наоборот, Латынина Юлия пишет, что это вообще нужно делать, и вдруг я вижу, наоборот, что кто-то пишет, что это крайне необходимо. Понимаете, журналистика вдруг себе позволила, что мы все знаем, мы все можем, не растерялась и давай вести свою линию. Мне кажется, мне, как уполномоченному по правам человека, не хватило общественного мнения. Я привыкла выходить в толпу, сейчас нет толп, сейчас нет вот этих дискуссий, площадок. И вот здесь мне не хватило журналистских обсуждений, как на уровне России, так и у нас.

Третье. Нет вот форумов, порталов, которые бы, ну у нас Е1и «Знак» каким-то образом вели эту тему, так устойчиво вели. Но все-таки даже они не вели ее так системно, чтобы я могла понять, как человек, которому надо тут же взять и кинуться защищать. Я по-прежнему работала, увы, нет журналистским текстам, которые я всегда очень люблю видеть и которые тут же вызывают у меня желание встать и пойти на баррикады. Я работала только с обращениями граждан. Мне их хватало, их очень много было. Их чересчур много было. Но мне кажется, что не хватило мне сердечной боли наших журналистов за какие-то истории.

Далее. Я не увидела аналитики. Не увидела выводов. Почему-то, вот не увидела я, чтобы это было очень серьезно проанализировано, где мы

ошиблись, почему мы ошиблись, где мы не ошиблись. Мы по-прежнему, знаете, «регионы сами виноваты», «регионы сократили». Мы по-прежнему слово «оптимизация», которое ввели боевыми темпами на уровне федерации, по-прежнему это слово никто не производит, хотя мы знаем, как мы сокращали наше здравоохранение со слезами на глазах. Тогда я выступала как уполномоченная: «мы регион самодостаточный, нам не даются дотации, мы имеем возможности». Это первое. Второе. Вы знаете, что Цыпленков и другие товарищи всегда бьются за наши экологические права. У нас действительно горно-металлургическая отрасль преобладает. 53% бюджета оттуда. Поэтому мы дышим тем воздухом, каким дышим. И нам бы очень хотелось, чтобы наше здравоохранение не сокращалось. Сократили. В том числе в центре Екатеринбурга закрыл один из самых известных в России мэров инфекционный корпус. Поэтому сейчас мы все это переживаем.

Чего мне еще не хватило, так это системной рубрики. Ни в одном СМИ нет статей о COVID-госпиталях или врачах от бога. Не хватило. Почему-то одни попадают, другие не попадают. Э это тоже, мне кажется, не хватает. Причем общество опередило журналистов. Флешмобы, даже в Екатеринбурге шли, когда мы аплодировали врачам целыми микрорайонами, когда несли какие-то кухни и т.д., когда пели песни. Объединяли людей благодаря флешмобам. Не случилось это с журналистами.

Далее. Мне очень сложно оценить, у нас основная информация шла по Instagram Евгения Куйвашева. Он искренне писал, как он сам считает нужным написать, он уже научился этому. И столько агрессии в его адрес, давайте кто-то из студентов проанализирует это? Оно должно так быть или нет? Он поставил задачу – никому ничего не убирать. Пишут плохо – и пусть пишут. Мы должны быть самими собой. Мне кажется, все равно мы должны это анализировать, откуда исходит такая агрессия, почему она исходит. Ведь он-то пишет искренне, он пишет сам, он нас-то не допускает туда. Поэтому это главное.

Далее. Мы журналисты, у нас Союз журналистов, решили объединиться, что-то пообсуждать, что-то сделать. Но мне досталась миссия защиты прав на здоровье, спасение, практически, старых журналистов. Очень многим людям, действительно, удалось помочь, поместить их в COVID-госпиталя. И я опять же хотела сказать, журналисты – это особая категория. Без паники, без всего. Начинаю, прошу поехать на КТ, и там же у нас делают в КТ-центрах анализы крови, все берут у одного из редакторов первых редакторов областной газеты.

Он говорит: «А почему меня? Другим может не хватить места». Я говорю: «Потому что места хватит всем!» Есть бардак в организации, но есть возможности здравоохранения Свердловской области помогать всем. Мне кажется, этот бардак разруливать не помогла наша журналистика. Поэтому я говорю о том, что, на мой взгляд, здесь не надо менять законодательства.

Я по-прежнему поклонник того закона, по которому успела поработать, за который вам поклон, Михаил Александрович и вашим коллегам. Я думаю, что мы как-то больше, чем надо, говорим «Риск». Возможно, фейки есть. И панику они сеют тоже. Это тоже бывает. Но мы как-то всем правозащитным сообществом пытаемся этих людей все равно отстоять. Мы говорим, что это не тот случай, когда надо вести в суд этого человека. Мы как-то на них заикнулись, мы сегодня очень много говорим о том, что там один-два человека осуждены. Я не знаю, я просто в Свердловской области сильно не даю судить журналистов, поэтому мне это сложно. Мне кажется, мы перестали говорить о добром, светлом, очерковом таком состоянии журналистики. Мы говорим о тех, кто иногда просто лежит на боку, но он блогер. И о нем мы пишем, на нем мы все сосредоточены. А у нас есть люди, я не буду говорить только о врачах. Я, например, говорю об одном начальнике колонии. Он очень боялся за свою колонию, потому что она находится прямо в центре Екатеринбурга. Он очень боялся, что туда что-то занесется. Поэтому пробыл там два месяца. Он отстоял колонию в первую пандемию: вообще ни одного случая не было. Поэтому говорю, что есть люди, о которых можно рассказывать.

Я перебрала время? Угу.

Михаил Федотов:

Это одно. А второе, я понял, почему начальник колонии не выходил из колонии два месяца – он там просто самоизолировался.

Татьяна Мерзлякова:

Самоизолировался. Вот поэтому я говорю о том, что да, спасибо большое, Михаил Александрович, что вы нас собрали. Для меня вообще все было очень интересно. Я только бы сказала, что гражданское общество у нас Конституции 2020 все-таки появилось. Но не получилось в те времена, сейчас оно все-таки появилось. Поэтому будем жить по нему. Сейчас и в законе о

Правительстве РФ статья 20 с тремя позициями по гражданскому обществу, это очень важно, взаимодействие Правительства РФ с институтами гражданского общества. Будем двигаться дальше и не надо сильно, так бы сказать, переживать только за то, что происходит при ограничении фейковой информации. Она действительно есть, иногда она бывает, иногда провокации очень серьезные, но самая большая проблема – это то, что не сумели сработаться, найти себя, что журналистика не стала самой мощной силой для общества. Это мне кажется, еще поправимо. Я боюсь, что COVID-19 еще не скоро закончится, поэтому мы должны идти вперед, помогая и защищая людей. Спасибо!

Михаил Федотов:

Спасибо, Татьяна Георгиевна! Насчет того, что COVID-19 еще долго не кончится, хотел сказать, типун Вам на язык.

Татьяна Мерзлякова:

Ну даже если это март...

Михаил Федотов:

Мы же оптимисты.

Татьяна Мерзлякова:

12 минут, Михаил Александрович. Перебрала две. Все.

Михаил Федотов:

Хорошо. Спасибо, Татьяна Георгиевна. Так, коллеги. Меня попросил один из наших докладчиков передвинуть его доклад, поскольку там есть опасность опоздать на лекцию к студентам. И я предоставляю слово аспирантке МГУ им. М.В. Ломоносова Юлии Совик, пожалуйста.

Юлия Совик:

Добрый вечер! Спасибо большое за отзывчивость. Я бы хотела продолжить тему фейковых новостей. Она была уже с лихвой освещена, поэтому я постараюсь кратко выразить все свои мысли.

Итак, в период пандемии произошли серьезные изменения российского законодательства в сфере свободы информации, как было указано ранее. Увеличены размеры штрафов за распространение недостоверной информации

и введена уголовная ответственность. Несмотря на то, что любые ограничивающие права человека меры должны быть подвергнуты тщательному анализу предварительному, законы были приняты палатами Федерального Собрания в течение одного дня, подписаны Президентом уже на следующий день. При этом, обязательной антикоррупционной экспертизы проведено не было, как не было получено никаких комментариев со стороны, например, общественной палаты. При этом, если мы вспомним, то на законы, так называемые законы «О фейках и об оскорблениях власти», давали свое заключение, например, совет при Президенте РФ. И заключение было весьма негативное. Также примечательным является то, что уже в первый месяц действия указанных законов верховный суд дважды предпринимал попытки разъяснить трудности правового применения, при этом в первом обзоре он фактически занялся просто переформулированием норм, а во втором дал ряд таких неоднозначных тезисов, как, например, то, что переписка в социальных мессенджерах является публичным распространением информации.

Что касается проблемных аспектов нового регулирования? Во-первых, острым является вопрос о том, на основании каких критериев государственные органы будут определять, в рамках уголовного или административного производства привлекать лицо за распространение недостоверной информации касательно COVID-19. Поскольку составы практически идентичны, логично предположить, что критерий – это общественная опасность, но при этом тут тоже не все так просто, поскольку в Уголовном кодексе существует целых два состава, при этом состав, предусмотренный статьей 207.2 имеет квалифицирующий признак, то есть наступление тяжких последствий. По статье 207.1 указаний на наступление последствий нет. При этом, авторы законов о введение административной ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации, отстаивая гуманность нового регулирования, ссылались на то, что он в качестве основания привлечения к ответственности предусматривает обязательное наступление негативных последствий. Но положение новой статьи 207.1 УК не содержит таких требований, из чего можно сделать вывод, что состав преступления сформулирован как формальный, что не соответствует стандартам ограничения прав человека, особенно когда речь идет о таком основополагающем праве, как свобода выражения мнения. При этом, следует также отметить, что аналогичный недостаток антиэкстремистского законодательства отмечался ЕСПЧ в нескольких делах, например, в деле «Стомахин против РФ», где ЕСПЧ указывал на то, что

отсутствие указаний на последствия, наступление последствий в качестве основания привлечения к ответственности – это большой недостаток.

Также по данным некоторых исследований, опубликованных в рамках, например, доклада «Агоры»*, в некоторых государствах дезинформацию распространяют государственные органы и должностные лица. Такая дезинформация особенно опасна, она не только подрывает доверие к государственным органам, но и способствует принятию ошибочных мер среди населения. На данный момент в Российской Федерации инициирование привлечения к ответственности лежит на плечах прокуратора, однако, на мой взгляд, следует ввести возможность инициировать привлечения к ответственности со стороны граждан. Например, такой механизм может быть создан на подобие такого народного иска, как иски о признании действий без действия нормативных актов государственных органов, должностных лиц недействительными, противоречащим законам.

Также пару слов о зарубежных государствах. Анализ законодательства государств Евросоюза позволяет сделать вывод о том, что ответственность за распространение фейковых новостей наступает при наличии следующих условий: заведомо недостоверность сообщений, умысел на введение в заблуждение и нарушение закона. При этом, в подавляющем большинстве государств, привлечение к ответственности за распространение ложных сообщений возможно в рамках смежных норм уголовного закона, например, норм о клевете или в возбуждении вражды. Законодательство РФ составы уголовных в частности, по ограничению свободы слова, существуют в избытке. Это и клевета, и возбуждение вражды, и публичные призывы к свержению власти, оскорбления и т.д.

С чем можно сделать вывод, что появившийся в период пандемии уголовный механизм привлечения к ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации является избыточным. Следует от него отказаться. Также, на мой взгляд, следует снизить размеры штрафов, хотя бы нижний порог, поскольку верхний...вряд ли на это уже пойдут, потому что только что был принят закон, но нижний порог можно было бы снизить, давая государственным органам большую дискрецию в данном вопросе.

Также следует преобразовать состав правонарушений материальных, о чем уже тоже говорил докладчик предыдущий о фейковых новостях. И в

* - признан Минюстом РФ иноагентом

качестве обязательного условия привлечения к ответственности указать все-таки угрозы наступления негативных последствий.

Также, что касается, законодательства зарубежных государств, позволю себе немного прорекламировать свою статью, поскольку есть публикация по поводу ограничения недостоверной информации в зарубежных государствах, а сегодня мы с вами поговорили об ограничении в Российской Федерации.

Постаралась кратко, спасибо большое!

Михаил Федотов:

Спасибо, спасибо, Юлия. Очень интересное было ваше выступление. Если Вы напишите на эту тему статью, мы с удовольствием ее опубликуем. Это интересный подход, очень глубокий анализ нашего уголовного и законодательства об административной ответственности. Спасибо! Это было интересно. Спасибо Вам.

Так, следующий наш докладчик – Арина Серебрякова. Вы с нами?

Арина

Да,

Серебрякова:

здравствуйте!

Михаил Федотов:

Здравствуйте! Арина Серебрякова – студент магистратуры Академии социального управления. Пожалуйста, Арина, слово Вам.

Арина Серебрякова:

Спасибо, что Вы меня представили. Хочу поприветствовать всех и сейчас попытаюсь включить свою презентацию.

Михаил Федотов:

Да, хорошо.

Арина Серебрякова:

Так, Вам видно?

Михаил Федотов:

Да, все прекрасно.

Арина Серебрякова:

Тогда, все работает. Собственно, неважно, кто вы и чем занимаетесь, скорее всего, у вас есть хотя бы одна социальная сеть. И, скорее всего, вы испытываете на себе влияние этих самых социальных сетей, ощущая определенные эмоции после их использования.

Тема моего доклада – это «Воздействие социальных сетей на формирование эмоций у общества в период пандемии». Хочется упомянуть, что информационное поле интернета в современном мире играет многозначительную роль. Из года в год отмечается рост аудитории пользователей интернета. Но именно пандемия, которая затронула почти все страны, стала поводом к стимулированию перехода в эру онлайн-сервисов и digital-технологий. Процесс погружения в виртуальность усилился, и социальные сети стали набирать большую популярность у населения. Социальные сети – это, собственно, онлайн-платформы, которые используются для общения и размещения различных типов информации, являясь инструментом объединения людей и задающие импульсы к формированию эмоционального фона у населения. В среднем мы проводим в смартфонах по пять часов в день, а за период пандемии социальные сети, контент в них, даже немножко трансформировались, и люди начали проводить больше времени, чем проводили раньше. И во многом наши эмоции уже, зависимые от виртуального мира, ценность которого становится эквивалентна материальному. И хоть люди индивидуальны, они могут похоже реагировать на инфопакеты и испытывать похожие эмоции. Например, вы видите, по данным компании GlobalWebindex, был проведен опрос, и более 12 тысяч человек из 13 стран были опрошены, где 45% пользователей говорили о том, что они проводят большую часть времени в социальных сетях.

Также проводилось исследование компанией Nielsen, где было опубликовано, что люди на 20% чаще используют социальные сети, чтобы поддерживать контакт друг с другом во время изоляции, и более половины респондентов проверяют новости на тему коронавируса несколько раз в день, чтобы быть в курсе происходящего.

Также с середины марта 2020 года, в России тоже существенно выросло медиапотребление. Вы можете ознакомиться на слайде. Например, в четыре раза выросла активность в социальных сетях и мессенджерах. И можно сказать, что пандемия усилила тенденцию потреблять контент социальных сетей все больше, чем это было раньше. У людей стала наблюдаться необходимость в собственной интегрированности и связанности с миром,

чтобы минимизировать эмоциональную истощенность и снизить вероятность состояния внутреннего разлома. Это подтверждает влияние пандемии на эмоциональный тонус.

Кроме того, стоит упомянуть, что в настоящее время требуется адаптироваться к эмоционально заряженной, меняющейся, разноплановой и противоречивой информации, которая поставляется нам из социальных сетей.

Также на слайде вы можете видеть данные из опроса Telecom Daily, где в топ-5 занятий входит где-то пять занятий, на которые население тратит свободное время. Это социальные сети. Таким образом, стоит упомянуть, что социальные сети, социальные медиа являются одним из топовых инструментов для взаимодействия с аудиторией.

На следующем слайде вы видите данные исследования GlobalWebindex 2020, которые показывают, что в среднем 35 интернет-пользователей всех возрастных групп следят за новостями через Facebook, Twitter и Instagram и другие платформы, которые причисляются к социальным сетям. Что касается распределения по регионам, в лидерах стран в Латинской Америке социальные сети в качестве источника новостей используют 51% пользователей.

Ключевую роль на повышение спроса на новостную тематику сыграла, конечно же, пандемия. Новости о распространении опасного для жизни вируса, принимаемые руководствами различных стран меры по борьбе с коронавирусом, режим самоизоляции и все это, охватившее страхом большую часть населения, стали повсеместно проникать в информационном пузыре в население. И многие новостные ресурсы в социальных сетях вынуждены гнаться за рейтингом, стали чаще освещать резонансные события со сильнодействующими средствами. Например, сцены катастроф, сцены насилия, скандалы, истерики, оскорбления, панические прогнозы, слухи и сплетни, делая ставки именно на эмоциональный отклик, который вызывают публикации негативного характера. И как мы знаем, быть в курсе новостей стало наиболее часто упоминаемой причиной использования социальных сетей.

Социальные сети в период пандемии переживают всплеск агрессии у населения, нетерпимости к чужой точке зрения, например, по заданному контенту, коронавирус в социальных сетях широкой читательской аудиторией чаще встречаются комментарии, критикующие как больных, не по своей воле

заразившихся опасной для жизни инфекцией, так и представителей власти. Эти комментарии в большей степени носят негативный оттенок.

Переходя к следующему слайду, можно упомянуть, что количество фейковой информации растет, и скорость ее распространения тоже. В частности, весной этого года было множество слухов, случаев распространения ложной информации в социальных сетях о коронавирусе и связанным с ним темам о том, что должен был быть дефицит гречки, введение комендантского часа. И эти случаи – еще одно подтверждение того, что обсуждение в соцсетях способно сильно влиять на общественное мнение и эмоциональный фон, вызывая панические настроения. Недостоверная информация в сети не только вводит в заблуждение, но и порождает панику.

Согласно исследованию Королевского колледжа Лондона, люди, основным источником новостей, для которых являются социальные сети, более склонны верить в теории заговора вокруг происхождения COVID-19 и реже следуют требованиям властей по соблюдению правил безопасности. А также было исследование группы ученых из Университета Китая и Канады, и было выявлено, что чем больше времени человек проводит в социальных сетях, тем чаще у него развивается депрессия на фоне пандемии коронавируса и тяжелые депрессивные симптомы. «Социальные сети могут порождать весь спектр эмоций. Состояния могут варьироваться от эйфории до глубокой депрессии и истощения. И это относится ко всем возрастным категориям», – рассказывает Патрисия Брат. Это директор Академии клинического и прикладного анализа из штата Нью-Джерси. По данным исследования, которое финансировалось Национальным Институтом Здравоохранения в США, у тех, кто постоянно сидит в социальных сетях, депрессия развивается в два раза чаще, чем у тех, кто пользуется этим ресурсом минимально. Основные причины подавленного состояния – это время, потраченное в виртуальном мире вместо реального. За весь стресс, синдром упущенной выгоды и кибербуллинг. Интересный вариант решения последней проблемы придумали японцы. Они создали социальную сеть без негативных комментариев.

Таким образом, можно сказать, что многие события, освещаемые в информационных каналах социальных сетей вызывает массовый панический страх на фоне возникшего панического страха, связанного с этим феноменом стресса. По информации различных массмедиа, наблюдается проявление

психического напряжения, тревожности и иных деструктивных для личности у большей части населения явлений.

Но, как ответ на панику, и, собственно, как отдушина для аудитории, ищущей психологической опоры, начал формироваться позитивный контент: образовательный, познавательный, развлекательный, различные проекты, стихийно также множились развлекательные картинки, которые называются мемами. В общем люди спасались тягой к знанию, юмором и развлечениями. Вы видите на слайде распределение ответов пользователей на вопрос о том, зачем они сидят в соцсетях. Участники исследования отметили, что качество общения в социальных сетях стало меняться. 42% пользователей отметили, что им стало проще рассказывать о своей жизни во время самоизоляции. Они испытывают меньше давления, выкладывая неидеальные фото и видео. В целом, люди в социальных сетях сейчас стали рассказывать о своих проблемах, то есть произошел сдвиг в сторону сурового, но зато искреннего контента. Это шаг в сторону здорового восприятия себя и других людей в интернете.

Таким образом, социальные сети позволяют наблюдать за многочисленными признаниями об эмоциональных проявлениях в личных постах на протяжении всех месяцев самоизоляции, и в том числе, сформированы под действием информационных медиа. Также еще можно добавить негативные эмоции, которые генерируются самими людьми в межличностном онлайн-общении и троллинг, то есть перманентное агрессивное и провокационное поведение пользователей социальных сетей. Чтобы минимизировать эмоциональный стресс из-за информационной перегрузки, можно вспомнить жизнь за пределами социальных сетей и все больше людей устраивают себе детокс от интернета, так называемый, цифровой. То есть они сознательно отказываются от интернета, чтобы отдохнуть от бесконечного информационного потока. И более 73% россиян, по данным опроса ВЦИОМ, убеждены, что в современном мире необходимо периодически отдыхать от интернета.

Так, в целом, в структуре формирования эмоциональных переживаний отдельной личности важную роль оказывают доминирующие стенические или астенические эмоции. В свою очередь, мировоззренческие чувства связаны с моралью и отношением человека к миру и к людям, в целом, социальным событиям, нравственным ценностям, определяют эти самые доминирующие эмоции. Таким образом, новостные порталы, вызывающие наибольший

эмоциональный отклик у читательской аудитории могут оказать влияние на формирование доминирующих эмоций у пользователей.

Анализ эмоционального фона публикаций новостных порталов в социальных сетях показал, что источник информации в большей степени вызывает астенические эмоции, то есть, негативно окрашенные, у подписчиков. И информация транслирует негативные события, состояние безысходности, незащищенности и, как следствие, вызывает повышение уровня напряженности, тревожности, стресса подписчиков. Оценка данной ситуации, условий пандемии позволят сделать вывод, что повышенный интерес к публикациям негативного характера свидетельствует именно о высоком уровне тревожности и стресса у населения, который с большей вероятностью связан с пандемией и резонирует массовой паникой.

Я постаралась очень быстро вам рассказать, и на этом мой доклад закончен, моя презентация. Спасибо за внимание!

Михаил Федотов:

Спасибо, Арина. Но давайте скажем честно, что вот мы с вами сегодня весь день сидим в интернете. Весь день сегодня смотрит друг на друга через экран. Ну что, вы хотите сказать, что у нас началась массовая паника? Нет. Посмотрите на себя как вы улыбаетесь. Ну вот видите, почему? Потому что нам помогает юмор и наука.

Арина Серебрякова:

Мы стараемся держать себя в руках благодаря этим прекрасным средствам.

Михаил Федотов:

Прекрасно. Спасибо, Арина, спасибо.

Следующий наш докладчик – Василий Токарев. Василий, Вы с нами? По-моему, нет. Василий Токарев, нет? Нет. Тогда следующий наш докладчик будет

Дмитрий

Котиков.

Дмитрий Котиков:

Спасибо, Михаил Александрович.

Михаил Федотов:

Спасибо. Давайте я Вас представлю. Вот видите, Василий Токарев видимо не дождался, но не все так могут долго работать. Хотя я все время повторяю, когда кончается терпение, начинается выносливость. Поэтому Василия Токарева мы оставляем на будущее, а я предоставляю слово Дмитрию Котику, доценту кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, кандидату юридических наук. Пожалуйста, слушаем Вас.

Дмитрий Котиков:

Спасибо! Свобода печати исторически возникла как механизм реализации политических и в большей степени, конечно же, связана со свободой выражения мнения, чем со стилизацией иных информационных прав. И это сегодня, об этом говорил также Андрей Георгиевич. Но суть свободы печати все-таки в том, что правовые средства регулирования деятельности СМИ применяется крайне осторожно ввиду особой значимости для общества их продукции массовой информации. Вместо этого, значительна роль иных социальных регуляторов, экономических, коммуникативных, этических, которые и должны приводить к нужному результату.

Однако приводит ли к такому результату свобода печати, когда печать выступает по социально-экономическим вопросам. Сейчас ситуация пандемии. Резко актуализированы проблемы реализации именно социально-экономических прав граждан. Достаточно ли хорошо свобода прессы обеспечивает общество информации? Обратимся к практике.

Моя студентка на втором курсе магистратуры Московского государственного лингвистического университета провела определенные исследования испанской прессы. Исследование проводилось с июня по середину ноября этого года. Она посмотрела, как в онлайн-версиях ведущих испанских газет освещается вопрос создания вакцины против COVID-19. Это Pfizer в США, Zeneca в Великобритании и «Спутник V» в России. В указанный период эти вакцины имели равную степень готовности. Информация об их разработке равно интересовало общество, наверное, и более того, Испания разрабатывала свою вакцину, поэтому можно считать, что была достаточно не заинтересована в конкретной вакцине. Однако можно предположить, что хотя в этих условиях пресса должна была бы уделить внимание каждой вакцине, тем не менее именно только одна вакцина получила такое максимальное внимание. Вот американской вакцине было уделено почти 730 материалов, а

британской – 314, российской – наименьшее количество публикаций, 163. Также тенденция наблюдалась в разбивке по каждой газете.

Почему так произошло? На мой взгляд, единогласие, с которым газеты освещали вопрос общественно-значимый в отсутствии рациональных оснований обращают внимание на значимость корпоративных интересов, которые влияют на информирование общества. Если вспомнить теорию, то еще более чем 30 лет назад в американской литературе появилось много публикаций относительно того, каким образом в условиях рынка американские массмедиа выступают с единых позиций по тем или иным вопросам. Можно вспомнить публикации, в которых выделили пять фильтров массовых коммуникаций и показали, что именно это определяет предвзятость американских массмедиа, а не какая-то там структура. Первый фильтр – это интересы владельца медиа, второе – лояльность рекламодателю, третье – лояльность источникам информации, ну и в том числе, властям, четвертое – стремление избегать критики и недовольства читателей и зрителей, может быть, даже негативными новостями, и пятое – это общепринятый моральный пафос.

Эти точки зрения достаточно распространены в американской литературе, и даже Монро Прайс, когда предлагал рынок лояльности, он тоже в каком-то виде опирался на эти исследования. Он писал, что участники медиарынка производят книги, которые используют лидирующая группа или коалиция для сохранения своей власти, поэтому эта позиция достаточно широко представлена именно у исследователей американских массмедиа. В общем-то она привела к формированию той точки зрения, что в условиях развитого рынка, системная пристрастность является функцией массмедиа.

И вот таким образом, поскольку экономические, коммуникативные и этические регуляторы свободных массмедиа приводят к их пристрастности, в том числе, в освещении социально-экономических вопросов, возникает вопрос о необходимости применения правовых и развития иных социальных регуляторов для того, чтобы, если есть такая необходимость, каким-то образом компенсировать эти диспропорции.

Я говорю об обязанности прессы, и, если все-таки возвращаться к российскому законодательству и вспоминать Закон «О СМИ», в статье 38, абзаце 1 говорится о том, что граждане имеют право на оперативное получение через СМИ достоверных сведений о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и организации общественных объединений

должностных лиц. Таким образом, в российском законодательстве обязанность прессы по информированию общества довольно косвенна. Действительно, далее в Законе «О СМИ» право граждан на получение через прессу определенной достоверной информации корреспондирует, во-первых, права редакции СМИ на запрос информации, во-вторых, обязанности обладателей информации по удовлетворению такого запроса. Но также обязанности по информированию в других формах. Однако, что касается обязанностей СМИ по обеспечению права граждан, то они не присутствуют.

Так получилось, что право граждан на получение через прессу определенных достоверных сведений имеет половинчатый правовой механизм обеспечения. Первая часть – обязанности обладателя информации и право СМИ есть, однако вторая часть этого механизма, обязанности прессы по распространению определенной достоверной информации отсутствуют. Здесь, конечно же, предполагается, что будет действовать корпоративный интерес СМИ, но нужно знать, что закон не требует от российской прессы обеспечить права граждан на определенную достоверную информацию.

За десятилетия, хочу обратить внимание, прошедшие с момента создания закона о СМИ, российский рынок немного изменился, и действительно рыночные факторы и те, которые действуют для развитых зарубежных рынков, они у нас также начинают действовать, и мы, может быть, в данной ситуации как раз и видим те способы информирования о ситуации с COVID-19. Возможно, они также связаны с реализацией, если корпоративного интереса может быть недостаточно для реализации других общественных интересов.

Могут отметить следующее: в литературе также очень мягко освещается вопрос обязанностей прессы по обеспечению права граждан. В учебнике для журналистов «Правовые основы СМИ» отмечается, что обязанности прессы возникают относительно права редакции на запрос информации. Данное особое право журналистов не может не предполагать вытекающие из него обязанности предоставлять обществу достоверные сведения о деятельности государственных органов и организаций общественных объединений должностных лиц. В данном случае, как видим, обязанности возникают не из прав граждан, непосредственно, а из прав редакции СМИ. Кроме того, по сути, в общем-то, это ближе к каким-то требованиям этического характера.

Получается так, что право редакции на запрос информации предстает как немножко оторванные от своей правовой основы права граждан. И если в

русской доктрине мы всегда помним и всегда отщелкиваем, что это право связано с правом граждан, то, когда русское законодательство..., они не всегда обращают внимание. Мне встретился серьезный доклад, подготовленный корпорацией Thomson Reuters, «Регулирование СМИ в России, анализ правового поля итальянцами». Основой прав редакции СМИ на запрос информации являются права граждан. Нет, прошу прощения. Там не отмечено, то что права граждан лежат в основе этого права редакции на запрос информации. Вместо этого говорится, что ... и развитие гражданского общества. Да, конечно, действительно, это так, но все-таки прямая связь существует с правом граждан. И даже когда ... решение Пленума Верховного суда РФ по этому вопросу, приводит цитату, что закон не требует указания цели запроса информации ... прямо указано на связь этого правомочия редакции с правом граждан.

И еще один момент, о котором хотелось бы сказать ... то есть информацию о деятельности. Однако не только информация о деятельности органов публичной власти ... Поэтому, на мой взгляд, в тех случаях, когда ...

Михаил Федотов:

Дмитрий, Дмитрий, практически Вас не слышно, к сожалению. Последние примерно 30-40 секунд Вас не слышно.

Дмитрий Котиков:

А, прошу прощения, буду говорить, наверное, громче, четче и короче.

Михаил Федотов:

Нет, просто, когда связь нормальная, можете говорить спокойно. Просто ее не было практически, связи. Пожалуйста, продолжайте.

Дмитрий Котиков:

Да, спасибо большое за эту подсказку. Повторю, последнюю мысль, которая в принципе уже завершает мое сообщение. На мой взгляд, все-таки не только правоприменитель виноват в том, что общество получает частичные факты о действительности. А, наверное, законодатель тоже должен подумать, почему в нашем законодательстве, не только в Законе «О СМИ», но также и в Законе «О доступе к информации», также говорится, используется формулировка информации о деятельности органов власти, организаций должностных лиц. Все-таки граждане-то хотели бы получать информацию о

действительности, а не о тех кусочках, которые видны различным органам. Граждан больше интересует состояние здравоохранения, а не деятельность министра здравоохранения. Однако логика информационного законодательства построена так, что в целях обеспечения прав граждан СМИ говорят о министре здравоохранения, а не о здравоохранении. Поэтому здесь есть небольшой кусочек работы и для законодателей

В целом, в 21 веке с его технологиями виртуальной реальности, искусственного интеллекта, а также вызовами общественной безопасности, на мой взгляд, вопрос остается не решенным. Есть ли у человека право на достоверную информацию? И если да, то в какой мере свободная пресса должна обеспечивать его, поступаясь частью своих корпоративных интересов.

Я завершил сообщение.

Михаил Федотов:

Спасибо, спасибо, Дмитрий. Очень интересный Ваш доклад, очень интересный подход. Абсолютно с Вами согласен во многих позициях. Вот эта связь между правом СМИ, правом редакции, правом журналиста на получение информации и правом граждан на получение информации. Да, действительно оно ясно прописано в Законе «О СМИ», но часто об этом забывают, к сожалению. Это все правда, и я с Вами согласен, что здесь есть над чем подумать законодателю. Думаю, что здесь не маленький кусочек ему надо думать, а большой кусочек ему думать-то надо будет.

Так, коллеги. Я предоставляю слово Марине Карелиной, Марина Максимовна. Давний друг нашей кафедры. Марина Максимовна возглавляет научное направление по исследованию теоретических и практических проблем судебной защиты интеллектуальной собственности в Российском государственном университете правосудия. Она заслуженный юрист Российской Федерации. Мы ее все знаем, любим, уважаем и сейчас внимательно будем слушать. Марина Максимовна, слово Вам.

Марина Карелина:

Михаил Александрович, большое спасибо за участие в этой конференции. Вы знаете, мне часто приходится участвовать во всякого рода мероприятиях. И могу сказать, что за последнее время, вот то, от чего я получила удовольствие, вот как села, так и сижу, это ваша конференция. Я Вам

просто искренне признательна за это. Я знала, что Вы всегда все делаете хорошо, но сейчас Вы меня просто очаровали. Особенно на фоне COVID-19.

Михаил Александрович, я пыталась загрузить презентацию. Она у меня что-то не очень подключается, загрузка. Получилось?

Михаил Федотов:

Да, все хорошо.

Марина Карелина:

Михаил Александрович, но я наверное уйду от тех теоретических очень мощных моментов, которые я хотела изложить. Я хочу говорить немножко о другом. Я хочу говорить о том, что происходит с законодательством и социальным развитием общества в связи с цифровой трансформацией. Мы должны понять, что мы сейчас занимаемся немного частными вопросами. Да, это наша реальная жизнь, нам надо ее определять. Но мы находимся в каком-то огромном потоке. Вот всегда говорили: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен». Вот мы попали на какой-то излом. Во-первых, сейчас творится антропоцен. Почему я про антропоцен написала, потому что говорится о том, что мы сейчас находимся на изломе не только социальном, но мы находимся на изломе экономическом, человеческом, климатическом и ко всему этому добавилась ситуация с пандемией.

20-21 век все время шли переходы от социально-экономической ситуации, где доминировало производство, ну такое, материальное, и мы прекрасно жили по римскому праву. Вот прекрасно, у нас это хорошо получалось. Римское право нас вполне устраивало, потому что, хотя и были творческие произведения, у китайцев вообще там за 1000 лет до новой эры существовали какие-то там похожие на авторские права, правда они были публичного характера, принадлежали, в основном, Императору. Но дело в том, что это все было не доминантой. Сейчас происходит очень интересная вещь. Мы говорим о словах. Вот куда не посмотришь, везде у нас цифровизация, искусственный интеллект, цифровая информация. Боже милостивый, кто только об этом не говорит. В детском саду, по-моему, об этом тоже уже говорят.

Знакомый ребенок разговаривал по телефону. И я говорю: «положи трубку». «Отключайся», – сказал мне трехлетний ребенок. То есть они уже живут с гаджетами, они уже все это понимают, это уже их жизнь. И к

сожалению, у нас эта абсолютная доминанта слова «цифра» превратилась в какую-то очень странную вещь. Знаете, я хотела бы сказать, что Андре-Мари Ампер, был такой физик, папа того Ампера, которого мы знаем из курса физики. Он в свое время написал очень интересную работу, я с трудом нашла ее отсылки и ссылки. И вот он сказал так: «Кибернетика определяется как наука о социальном и государственном управлении». Это не наука о цифрах, хотя, как физик, он, наверное, мог себе что-то предположить. Поэтому надо вот с этих позиций посмотреть. И если мы с этих позиции посмотрим на развитие нашего современного законодательства, то мы увидим очень интересную вещь.

Мы пишем про цифровые права, мы пишем про все, про что угодно, но понимаем ли мы вообще, о чем идет речь, а понимаем ли мы о тех социальных и экономических процессах, которые, в связи с этим, возникают. Я просто немного спешу, извините.

И вдруг на нашу голову, которая пишет 201 закон о цифровых правах, про краудсорсинг и т.д., объявляя все имуществом. Криптовалюта тоже имущество. Написали слово «имущество», а что за этим стоит, поняли, не поняли? И вдруг начинается пандемия. Много было разговоров о том, что в судебной деятельности включить телеконференции, дистанционные работы и т.д. И в этой ситуации вдруг выясняется, что, оказывается, это единственный способ разделить людей, не дать возможности общаться и передавать друг другу эту заразу и т.д.

К чему это привело? Вот я тут посмотрела по 15-ти странам. В восьми из них были приняты специальные законы о цифровой деятельности судов в условиях COVID-19, причем принимались как на уровне законов, так и на уровне решений органов, управляющих судебной системой. Вот в этом ключе, мне кажется, наиболее продвинутыми оказались китайцы. Почему? Потому что они суды по интеллектуальной собственности и цифровым правам создали в 2017 году. У них эти первые три суда появились в 2017 году. Я вот очень хочу написать на эту тему большую статью, потому что у меня очень много материала. Они их создали. Они притянули все отношения, которые возникают в интернете, плюс они туда привлекли вопросы, связанные с нарушением авторского права и иных объектов интеллектуальной собственности. И вот эти три базовых суда начали ранжировать свой опыт рассмотрения дел в интернете и т.д. Они начали тиражировать на другие суды.

Когда случилась пандемия, в Китае практически вся судебная система перешла на дистанцию, и у них дела такого мирового, по нашим понятиям, уровня рассматривались даже на смартфоне. Понимаете, и судья находился в каком-то положении. Это говорит о чем? Да, технологические вопросы мы все решим. Но что перед нами стоит? Пандемия ускорила принятие этой ситуации как технологической. Мы просто вынуждены жить в цифровом режиме, нам деваться некуда.

Но если говорить о законодательстве, то надо очень четко понимать, нельзя сейчас, особенно в сфере информационного права... Я не говорю про СМИ, потому что тут, с моей точки зрения, те базовые положения... Я хочу здесь сделать некоторый реверанс к Вашему финскому коллеге, к нашему коллеге, что теоретические-то вопросы, они важны, базовые вещи важны. Закон, который был разработан Вами, он на самом деле содержит в большинстве случаев все основные принципы, которые необходимы. Его достаточно для регулирования тех отношений, которые возникают на СМИ, если они субъектно определены как СМИ. Здесь у меня нет желания там все переделать, написать про цифровое СМИ, немедленно завтра какой-то новый закон или закон об отличии блогера от СМИ. Просто надо четко определиться с тем, кто каким субъектом является.

Что для нас важно? В цифровой среде возникают очень много рисков. Не всегда эти риски такие, как нам кажется и как кажутся законодателю. Вот есть два термина: safety и security. Вот слово security у нас проходит сплошь и рядом. И здесь об этом много говорят. Безопасность человека как такового, она не всегда отслеживается. А почему? Потому что мы исходим из того, что у нас создалась чрезвычайная ситуация, пандемия. Значит что? Бросаются силы, бросаются деньги, разрабатывается сейчас безумное количество цифровых технологий контроля за гражданами. Очень много. В масках или не в масках, в метро и т.д.

Здесь вопрос в том, что у нас нет правового механизма, а вот, кстати говоря, по западным документам, я смотрела, там есть закон о COVID-19. Там сказано, что он действует до 30 сентября 2020 года, а потом чрезвычайная ситуация будет либо продлена, как чрезвычайная, либо она будет отменена. У нас получается очень интересная вещь. Я считаю, что сейчас очень под большой угрозой вопрос, связанный с защитой персональных данных. Потому что нет отработанного механизма посткризисного контроля защиты персональных данных от неправомерного использования технологическими

субъектами, я бы так сказала. Ну, я не знаю, как их обозвать. Потому что в ряде случаев – это государственные органы, в ряде случаев – разработчики и обладатели прав на эти разработки являются коммерческие структуры, тут все по-разному. Но этот риск становится очень серьезным. Потому что мы за это время, пандемии, увидели, что вакцины, которые всегда разрабатывались 10-20 лет, оказались разработанными за год. Это вообще невероятная вещь. Если интеллект направить в одну сторону, он дыряво работает.

То же самое и с системами контроля. Но весь вопрос в том, что нам, наверное, сейчас надо подумать о том, чтобы эти системы контроля были в жестком правовом режиме и были связаны с законодательством о персональных данных.

Что еще выявила пандемия в последнее время? У нас вся торговля, все перешло в сферу услуг, практически. Информационные технологии, они виртуальные, естественно, это не то, что тебе принесли вещь, ты отдал за нее деньги, просто все побежали в разные стороны. То есть здесь, получается, куча посредников, которые делают так, что ты в конце концов получишь свое. Но, между тобой и производителем стоит куча всяких структур, которые осуществляют передачу денег, финансовые услуги и т.д.

Что что в этом плане надо сделать. Вот мне очень нравится концепция разрабатываемого пакета законов о цифровых услугах, которые я 15 числа слушала в Европарламенте. Они этот вопрос поставили, они еще не дали конкретных ответов, они говорят, надо это изучать, надо над этим работать. Но от ресурсов, материальных, имущественных отношений мы в значительной степени уходим в сферу услуг.

Чем характеризуется российское гражданское законодательство? У нас есть одна статья, определяющая, что такое услуга, и она очень относительная. Что мы получаем взамен? Зато мы получили уже статью, где написано про цифровые права и т.д. Причем никто не знает, что это такое.

Вот понимаете, слово цифра, оно стало каким-то... а если у нас будут квантовые компьютеры? Там в общем-то механизм немножко другой. Вот в Китае они сделали, там они за электронным бегают.

Михаил Федотов:

Появятся квантовые права.

Марина Карелина:

Наверное! А может быть у нас произойдет квантовый скачок, а может быть мы сейчас находимся в состоянии аналогичном квантовому скачку и посмотреть на право сверху. Посмотреть, а что мы регулируем? Зачем мы это регулируем? И кто во главе всего этого?

Но самое главное, что все, что сейчас происходит – это проблема, связанная с тем, что ресурсы материальные подменяются, заменяются интеллектуальными. То есть интеллект становится доминантой. Это мы должны признать, и антропоцен становится доминантой не только в правовом смысле, социальном. Он становится доминантой и, если исходить из концепции антропоцена не как экологической концепции, то человек уже начал влиять на Землю так, что ей только кричать остается, как в известном произведении.

То есть мы стали как вулканы, океаны, человек стал таким же фактором развития мира. Но при этом, действительно, интеллект становится важнейшей частью. И если мы сейчас не поймем, что надо в праве эти аспекты поменять, надо обратить особое внимание на договорные отношения, в частности договоры-услуги, потому что они становятся доминирующими, что надо признать, что криптовалют, в принципе, и не делали. Она будет развиваться, потому что это очень эффективный инструмент.

Я с вами абсолютно согласна, что мы не выйдем, не справимся с этой проблемой, если не договоримся о межгосударственных отношениях. Потому что можно запретить криптовалюту, можно ввести криптоюань, но, извините, криптоюань стоит там столько юань, биткоин, эфириум и далее по тексту, они стоят с каждым днем, вот вчера сказали опять очередной максимум биткоина. Хотя биткоин – одна из самых старых валют, а эфириум – новая, там много разного. У них разные функции, но они прекрасно выступают в сфере виртуальных услуг, они прекрасно выступают средствами платежа. И плюс мы должны понимать, что эти цифровые услуги в конечном итоге могут быть выражены в абсолютно материальный объект. Потому что те же самые 3D, 4D-принтеры, которые строят дома без участия кого-то. И здесь должен быть пересмотр концепции, но, в частности, гражданско-правового регулирования отношений к этим всем вещам.

Китайцы оказались умнее. Они взяли все это и, с точки зрения правоприменения, объединили все в одних судах. Кстати говоря, в январе прошлого года они создали суд по интеллектуальным правам внутри Верховного суда Китая и собрали очень высококвалифицированную

коллегию. Они там слушают патентные дела и т.д. И по вот этим трем судам, которые маленькие, которые уже имеют трехлетний опыт работы в цифровой среде. Они за год рассмотрели, я читала на сайте Верховного суда Китая, больше миллиона дел только в интернете, не то что реального присутствия.

Понимаете, это все очень важные моменты. Я так понимаю, что китайцы идут от эмпирики правоприменения. Мы, в общем-то, многие вещи решать пытаемся умозрительно, но мне кажется, что нам надо очень серьезно над этим подумать. Я благодарю кафедру ЮНЕСКО, потому они всегда были у нас мотором таким, где можно было бы высказать самые невероятные идеи. Я думаю, что сегодня я наговорила как раз из этой области, но мне кажется, что это просто необходимо, потому что, допустим, те же самые цифровые песочницы, которые распространили на все и можно экспериментировать, как хотите. Но, простите, в Англии речь идет только о финансовых институтах по собственному согласию в порядке эксперимента. Ну нельзя вещи такие, как кто-то услышал звон, и готовое дело трансформируется уже в реальный закон. Так нельзя. Надо очень осторожно относиться к таким вещам. Пандемия показала, что надо просто работать, и все будет хорошо.

Михаил Александрович, я на этом пытаюсь быстро закончить. Спасибо
Вам большое!

Михаил Федотов:

Спасибо, спасибо, Марина Максимовна, абсолютно с Вами согласен. Осторожность, осторожность, осторожность, господа. Когда мы имеем в качестве объекта нашего труда, мы имеем правовое регулирование, законодательства, правовую систему, то нужно подходить к любым изменениям максимально аккуратно, максимально аккуратно.

Сегодня в чате, я заметил, кто-то написал, что коллеги, которые занимаются computer science, специалисты по машинному обучению, говорят, что действительно мы обучаем машину, но мы не всегда уверены в результате, мы не знаем, а что получится в конце концов, какой результат она выдаст. И в этом смысле, это полезно для создания произведений искусства с помощью искусственного интеллекта. Но я, честно говоря, в этом не уверен, потому что все-таки когда создается произведение, то автор, понимает, что он хочет создать. Если не понимает, что он хочет создать, то это называется уже случайное произведение. Вот корова там махнула хвостом, и что-то получилось. Но она же не собиралась создавать произведение, эта корова,

правильно? А вот художник специально к этой корове поднес холст и краски приготовил, то есть он понимал, что будет создано.

Поэтому, я думаю, что здесь идея неправильная, насчет того, что у машины нет этой предсказуемости и это хорошо для создания произведений. Я в этом не уверен, я думаю, что все-таки для авторского права важно, чтобы была идея, чтобы была задумка произведения, и чтобы была поставлена автором точка. Пока автор точку не поставит в своем произведении, произведение не создано. Но я к тому, что действительно программист сегодня не знает, что он получит на выходе, и это увеличивает опасность, и мы должны к этим опасностям относиться, подходить с открытыми глазами, потому что это серьезнейшая опасность. И то, что сегодня прозвучало в докладе Юрия Михайловича Батурина, который показал, насколько не защищен человеческий мозг от искусственного интеллекта. Поэтому здесь надо быть крайне осторожным, иначе мы получим результаты, которых даже в страшном сне не могли предвидеть.

Спасибо, Марина Максимовна за Ваше замечательное выступление. У нас остался еще один докладчик – это Ирина Свечникова, доцент Поволжского института управления имени П. А. Столыпина, кандидат юридических наук. Ирина, Вы с нами или Вы уже не дождались своей очереди? Видимо, нет.

Так, Марина Максимовна, Вы можете сейчас спокойно выключить свою презентацию.

Марина Карелина:

А я ее разве не выключила?

Михаил Федотов:

Пока нет.

Марина Карелина:

Так, сейчас я ее выключу.

Михаил Федотов:

Да, пожалуйста, закройте демонстрацию экрана. Да, спасибо.

Так, коллеги. У нас список ораторов завершен. Пора подводить итоги нашей конференции. Тем более, что она продлилась ну почти столько же,

сколько мы и планировали. Мы планировали завершить в 8 вечера, сейчас до 8 осталось 13 минут.

Это был марафон, и я благодарен всем, кто этот марафон начинал, кто в нем участвовал с самого начала, и кто дошел до самого конца. И не меньше я благодарен тем, кто не дошел до самого конца, потому что я понимаю, у всех есть еще и другие проблемы, другие задачи, другие дела, другие обязанности. Невозможно столько времени сидеть в конференции. Но я бы обратил внимание на то, что у нас было запланировано два перерыва, правда по 15 минут, но как-то мы их миновали, не глядя. Мы даже не заметили, как мы остались без перерывов. Во всех нормальных конференциях есть перерыв на обед, есть кофе-брейк. Но у нас ни кофе, ни брейка. Я уж не говорю об обеде. Но зато была очень интересная дискуссия. И я вот вижу наши звездочки включили камеры, и мы их снова видим, наших красавиц и умниц.

Я очень рад тому, что у нас сегодня получилась такая интересная конференция. Я благодарен всем участникам. Прежде всего, я благодарен моим коллегам по кафедре ЮНЕСКО, которые все это организовывали, Наталья Леонидовна, Руслан Александрович, спасибо вам большое.

Теперь я должен сказать еще о том, что мы ждем от наших докладчиков их статьи для того, чтобы разместить их в нашем журнале «Труды по интеллектуальной собственности». И, наверное, последнее, нет, предпоследнее, что я хотел бы сказать, что в следующем году мы проведем 30-ю предновогоднюю конференцию, посвященную уже 30-летию российского Закона «О СМИ». И естественно, я приглашаю принять участие в этой конференции всех, кто принимал участие в нынешней конференции. Учитывая такой большой интерес к участию в конференции, я думаю, что мы ее сделаем двухдневной, чтобы не проводить до восьми вечера без перерыва. Все-таки лучше мы тогда разобьем на два дня, может быть, сделаем секционные заседания, разделим работу на несколько секций.

Мы сегодня постарались, конечно, максимально структурировать нашу конференцию, чтобы сначала выступали представители парламентских комитетов, потом выступали авторы закона о СМИ, потом выступали представители международных организаций из зарубежных исследовательских центров. Но потом все поменялось, потом все перепуталось. Потому что кто-то не мог подключиться, кто-то не мог войти в конференцию, кто-то не мог выйти, кто-то не мог показать свою презентацию. В общем, накладок было много. Но, по-моему, все получилось хорошо.

Получилась интересная конференция, с интересными докладами, интересными презентациями.

Я хочу напомнить всем, кто делал презентации, что мы ждем ваши презентации по электронной почте, чтобы разместить их на сайте нашей кафедры ЮНЕСКО.

И последнее, что я хотел бы сказать, если нет желающих высказаться. Я не вижу желающих высказаться. Но последнее, я хотел бы сказать всем спасибо и поздравить всех с Наступающим новым годом! Пожелать в Новом году, я не буду желать, чтобы он был не хуже уходящего, потому что хуже уходящего быть не может. Я хочу вам пожелать, чтобы Новый год был намного лучше уходящего, намного лучше. И сейчас будет намного лучше – это будет уже неплохо!

И я хочу сказать, что, к сожалению, на этой конференции мы вынуждены нарушить нашу 29-летнюю традицию. 29 лет подряд эта конференция, наша предновогодняя, всегда завершалась, да, правильно, Федя, бокалом шампанского. На этот раз в интернете, в Zoom невозможно налить всем по бокалу шампанского. Но мы это сделаем, надеюсь, ровно через год. Мы уже в самое ближайшее время определим дату этой конференции и начнем ее подготовку. Начнем все вместе. Я приглашаю всех принять участие в подготовке этой конференции. Ждем вас на этой конференции в декабре следующего года.

Всем спасибо и на этом наша конференция заканчивается. Спасибо!